

9(с)Каз
Б42

И. БЕКМАХАНОВА

131887

К

Језенда О НЕВИДИМКЕ

Н. БЕКМАХАНОВА

.

Легенда о Невидимке

(УЧАСТИЕ КАЗАХОВ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ ПОД
РУКОВОДСТВОМ ПУГАЧЕВА В 1773—1775 ГОДАХ)

13/887

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН»
Алма-Ата — 1968

9(с) каз1 + 9(с)14,

Б42

В сентябре 1775 года в родах Младшего казахского жуза появился человек, имя которого было легендой. Степная молва называла его Незримым, Святым, Чародеем, но чаще всего Куктемиром, или Невидимкой. Считая себя преемником Пугачева, он агитировал за продолжение борьбы.

Движение Невидимки нашло благоприятную почву в казахской степи, что вполне закономерно и имело свою предысторию. Оно явилось как бы откликом Крестьянской войны, в которой принимали участие и казахские отряды, о чем рассказывает автор в значительной части книги.

ВВЕДЕНИЕ

Все крестьянские войны в России — восстания Болотникова, Разина, Булавина, Пугачева имели как свою специфику, так и много общего. Эти восстания по своему характеру были антикрепостническими, антифеодальными движениями трудящихся масс России. Одной из особенностей, ярче всего проявившейся в восстании Пугачева, является объединение в борьбе русского крестьянства, отстаивавшего свои классовые интересы, и нерусских народов, боровшихся против колониального гнета. В период Крестьянской войны 1773—1775 годов крепили узы дружбы между народами России, плечом к плечу выступившими против своего общего врага — крепостнической системы с ее классовым и национальным угнетением. Крестьянство России стремилось «смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян...»¹

Присоединение Казахстана к России было добровольным актом. В присоединении были заинтересованы обе стороны. Казахский народ получил защиту от внешних врагов и возможность тесного хозяйственного и культурного общения с русским народом. Россия была заинтересована в Казахстане, так как видела в нем рынок сбыта и прекрасную сырьевую базу для русской промышленности, а также плацдарм для своей восточной политики. Но добровольный процесс присоединения Казахстана к России был одновременно и процессом колониального закабаления казахского народа, потому что царизм стремился к экономическому и политическому угнетению народов. Стремление уничтожить колониаль-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 211.

ный гнет и было одной из основных причин восстания казахов в период Крестьянской войны 1773—1775 годов.

Участие казахов в восстании Пугачева было началом антиколониального движения, охватившего Младший и Средний казахские жузы в 70—80-х годах XVIII века. Изучение этого первого и крупнейшего выступления казахских шаруа раскрывает еще одну яркую страницу истории казахского народа.

Длительное время изучение данной проблемы не основывалось на достаточном количестве источников, и поэтому сложилась точка зрения о незначительности движения в Казахстане в годы Крестьянской войны. Однако такое мнение не подтверждается всем комплексом исторических источников.

Участие казахов в восстании на разных его этапах имело различный характер. В отдельных случаях это была так называемая пограничная барымта — захват пленных и угон скота, но не она определяла содержание выступлений казахов. Борьба казахского народа вылилась в новые формы, появившиеся в годы Крестьянской войны. Это осада и организованный штурм не только мелких, но и крупных, хорошо укрепленных военных крепостей: Оренбурга, Орска, Гурьева, Яицкого городка и др., сражения с регулярными войсками царизма, ставшие упорными и многодневными. Многочисленные, хорошо вооруженные казахские отряды, достигавшие сотен и даже нескольких тысяч человек, действовали организованно и частично подчинялись Государственной военной коллегии войска восставших, созданной Пугачевым и его сподвижниками осенью 1773 года и просуществовавшей до конца восстания как руководящий центр повстанцев. Отсюда исходили многочисленные манифесты и указы во все охваченные восстанием районы, в том числе и в Казахстан. Часть казахских отрядов подчинялась также и Особой походной канцелярии пугачевцев, которую возглавлял Андрей Овчинников. Она находилась в Илецком городке и была создана для непосредственного руководства боевой деятельностью Большого войска восставших¹.

В целом борьба казахского народа в годы Крестьянской войны независимо от того, происходила ли она

¹ «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева». Л., 1966, т. II, стр. 444—451.

в контакте с армией Пугачева или в отрыве от Большого войска повстанцев, являлась неотъемлемой частью общенародной борьбы против российского самодержавия и его колониальной политики.

В восстании казахов к 1775 году стало также намечаться размежевание классовых сил, но оно не получило законченной формы борьбы народа против своей феодальной знати, а было направлено лишь против отдельных феодальных фамилий, антинародные позиции которых были наиболее выражены. Подготовила такие выступления деятельность ряда султанов фамилии Нуралы-хана в 1774 году.

В настоящей работе анализируется обстановка в Казахстане накануне восстания и его причины, изучается ход и движущие силы борьбы, соотношение социальных и национальных факторов, идеологическая и организационная связь движения казахов с пугачевским центром, а также результаты восстания. В книге рассматривается участие в Крестьянской войне только казахов Младшего и Среднего жузов, так как население Старшего жуза кочевало на территории, отдаленной от района восстания и, видимо, поэтому не принимало участия в нем. Ряд проблем истории казахов XVIII века, прежде всего вопросы общественно-экономического строя и социальной структуры казахского общества, первые шаги колониальной политики царизма, которые являются темой специальных монографических исследований, мы не рассматриваем, а касаемся их лишь для выяснения причин участия казахов в Крестьянской войне.

Изложение материала в данном исследовании соответствует принятой периодизации Крестьянской войны 1773—1775 годов¹, за исключением последнего, четвертого этапа, характерного лишь для Казахстана.

Движение в Младшем казахском жузе подразделяется на четыре этапа.

На первом этапе — с сентября 1773 по март 1774 года — оно было стихийным, сложившимся под влиянием манифестов Пугачева, неоднородным и развивалось в двух направлениях — самостоятельного народного и возглавляемого феодалами, среди которых произошел раскол на почве династической борьбы, заставившей

¹ «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах», т. II, стр. 20—21.

одну часть феодалов выжидать, а другую — оказывать содействие армии пугачевцев.

На втором этапе — с марта и до поздней осени 1774 года — движение становится массовым, но проходило оно еще частично под контролем крупнейших феодалов и родовой старшины.

На третьем этапе — с конца 1774 по сентябрь 1775 года — движение продолжало быть массовым. Обнаруживается тенденция размежевания классовых сил; простой народ начинает вести борьбу против отдельных феодальных фамилий.

На последнем этапе — с сентября 1775 по февраль 1776 года — движение затухает и принимает необычную форму под влиянием призывов Невидимки.

Движение в Среднем казахском жузе подразделяется на три этапа.

Первый — с сентября 1773 по апрель 1774 года — включает самостоятельные выступления казахских отрядов под влиянием манифестов Пугачева, агитации его посланников, а также интенсивной переписки, завязавшейся между крупнейшими феодалами и родовой знатью жуза с Пугачевым.

Второй — апрель — май 1774 года, когда казахи выступают в контакте с армией пугачевцев, действовавшей в то время на Верхнеяицкой и Уйской линиях укреплений.

Третий — с лета 1774 по 1776 год, когда движение становится самостоятельным и организационно не связанным с Большим войском повстанцев.

По данной теме монографических исследований не проводилось. Отсутствие же значительных работ в дореволюционной историографии объясняется двумя причинами: заинтересованностью царского правительства в приуменьшении масштабов восстания на национальных окраинах и отсутствием сконцентрированного фактического материала. Отдельные эпизоды восстания в Казахстане нашли отражение в известных исследованиях по истории Крестьянской войны¹.

¹ Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники. Эпизод из царствования императрицы Екатерины II. 1773—1775 годы, тт. I, II, III. Спб., 1884; А. Дмитриев-Мамонов. Пугачевщина в Сибири. Очерк по документам экспедиции Дежнева. М., 1896; его же. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. Спб., 1907.

Необходимо отметить, что ряд исследователей истории Средней Азии и Казахстана считали, что выступления казахов в годы Крестьянской войны были незначительными¹.

В советской историографии первыми авторами, заинтересовавшимися историей национальных движений во II половине XVIII века, были А. Чулошников², А. Рязанов³, С. Асфендиаров⁴ и М. Вяткин⁵. Но в своих исследованиях они коснулись лишь отдельных проблем движения казахов в годы Крестьянской войны, пытаясь ответить на вопрос о причинах выступлений народных масс.

Интерес к названной теме значительно возрос в последнее десятилетие. При этом надо отметить специальную главу, написанную А. Нусупбековым в «Истории Казахской ССР»⁶, и статьи Е. Бекмаханова и Г. Семенюка⁷, которые являются наиболее конкретными исследованиями. Здесь авторы обобщают определенный комплекс новых документальных сведений и на основе их анализа приходят к соответствующим выводам о движении в Казахстане.

Несмотря на то, что ряд авторов занимался проблемой участия казахов в Крестьянской войне, до сих пор изучены главным образом, и то лишь обзорно, события осени 1773 года и отдельные эпизоды движения Невидим-

¹ Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865; А. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II. Спб., 1832.

² А. Чулошников. Казак-киргизские кочевые орды и пугачевщина. 1773—1774. «Новый Восток», кн. 25. М., 1929.

³ А. Рязанов. Пугачевское восстание и хан Малой орды Нуралы. «Советская Киргизия», 1924, № 8—9; его же. Отголоски пугачевского восстания на Урале, в Киргиз-кайсацкой Малой орде и в Поволжье (По материалам Центральнаго КазССР). «Труды общества изучения Казахстана», т. VI, 1925.

⁴ С. Асфендиаров. История Казахстана (с древнейших времен), т. I. Алма-Ата — Москва, 1935.

⁵ М. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР, т. I, 1941; его же. Батыр Срым. М.-Л., 1947; его же. Емельян Пугачев. Стенограмма публичной лекции. Л., 1951.

⁶ «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957.

⁷ Е. Бекмаханов, Г. Семенюк. Казахи в Крестьянской войне 1773—1775 годов. «Ученые записки КазГУ», серия историческая, т. IV. вып. 12. Алма-Ата, 1963; Г. Семенюк. Казахи в восстании Пугачева. «Крестьянская война в России. Восстание Пугачева», т. II, Л., 1966, стр. 156—167.

ки в Младшем казахском жузе в 1775 году. Выступления казахов в 1774—1775 годах в Младшем жузе и движение в Среднем жузе до сих пор оставались вне поля зрения исследователей.

Настоящая работа построена на привлечении как опубликованных, так и неопубликованных архивных документов. В дореволюционный период не было издано специальных публикаций, отражавших участие казахов в Крестьянской войне. Лишь отдельные документы были изданы А. С. Пушкиным¹, М. Ястребовым² и другими авторами. Из публикаций, предпринятых после Октябрьской революции, необходимо указать трехтомный сборник «Пугачевщина»³ и подборки документов, подготовленные М. Вяткиным⁴, Г. Семенюком⁵ и Институтом истории Академии наук Казахской ССР⁶.

Но основная группа источников, которая легла в основу работы, извлечена из архивов. Укажем, в частности, на Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА) (ф. 1100 «Канцелярии оренбургского губернатора И. Рейнсдорпа»; ф. 1274 «Паниных-Блудовых»; ф. 349 «Московской канцелярии тайных розыскных дел»); Архив внешней политики России при Министерстве иностранных дел (АВПР) (ф. 122/3 «Киргиз-кайсацкие дела»); Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ АН СССР), (ф. 36 «Воронцовых»); Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), (ф. 3 «Оренбургского губернского правления»); Государственный архив Омской области (ГАОМО) (ф. 1

¹ А. С. Пушкин. История пугачевского бунта. Приложения. Полн. собр. соч., т. 9, кн. I, II. М., 1937—1950.

² М. Ястребов. Материалы для истории пугачевского бунта. «Оренбургские губернские ведомости», 1859, № 49; «Осада Троицка Пугачевым». «Оренбургские губернские ведомости», 1851, № 48—52.

³ «Пугачевщина» тт. I, II, III. М.-Л., 1926—1931.

⁴ Неопубликованная подборка документов об участии казахов в Крестьянской войне сделана М. Вяткиным в 1937 году для «Материалов по истории Казахской ССР» (т. III) и находится в Архиве ЛОИИ АН СССР.

⁵ «Об участии казахов Младшего и Среднего жузов в Крестьянской войне». Составитель Г. Семенюк. «Ученые записки КазГУ», серия историческая, т. XIV, вып. 12. Алма-Ата, 1963.

⁶ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках». Сборник документов и материалов, Составители Ф. Киреев, В. Басин, Алма-Ата, 1964.

«Канцелярии сибирского генерал-губернатора»); Государственный архив Алтайского края (ГААК) (ф. 1 «Горного правления Колывано-Воскресенских заводов»); рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, (ф. 222 «П. И. Панина»).

Использованные в работе документы можно подразделить на следующие категории: 1) письма казахских феодалов на имя оренбургской и сибирской администрации и центрального правительства; 2) переписка казахских феодалов с Е. Пугачевым, друг с другом и с правителями соседних народов; 3) рапорты, донесения официальных лиц в вышестоящие правительственные органы; 4) отношения, исходящие от местной администрации и командующих отдельными отрядами; 5) правительственные рескрипты и указы; 6) «сказки» лиц, посылавшихся с особыми целями в казахские жузы; 7) показания при допросе лиц, задержанных во время восстания Пугачева или бежавших из казахского и среднеазиатского плена.

Среди источников надо выделить приложения — экстракты, которые составлялись в канцеляриях губернаторов для Коллегии иностранных дел и Правительствующего Сената, где подробно пересказывалось содержание поступивших за определенный отрезок времени документов. Они приобретают особую ценность потому, что подлинники ряда первичных документов были утеряны. Интересную разновидность документов представляют «сказки», являющиеся существенным источником для изучения обстановки внутри жузов и одними из многих документов, которым мы обязаны сохранением сведений о настроениях рядовых казахов во время Крестьянской войны, так как лица, посылавшиеся в жузы, не ограничивались беседами с феодальной знатю, а широко общались с населением, записывали все увиденное и услышанное. Интересные подробности о казахских отрядах, их численности и географическом районе действий дают показания при допросах лиц, участвовавших в движении и бежавших из казахского плена. Сведения о социальном составе восставших содержит переписка феодалов с царской администрацией. Все сведения брались в совокупности, подвергались сравнительному и историко-этнографическому анализу, что дает возможность полнее осветить основные вопросы темы.

ГЛАВА I

ОБСТАНОВКА В МЛАДШЕМ И СРЕДНЕМ КАЗАХСКИХ ЖУЗАХ НАКАНУНЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

При выяснении вопроса о причинах участия казахов в Крестьянской войне 1773—1775 годов необходимо выделить как основной вопрос о земле. Чтобы подробнее осветить эту проблему, проследим историю распада казахского ханства XVIII века и зависимость земельных отношений от изменений, которые имели место во внутренней и внешней политической жизни казахских жузов, а затем охарактеризуем 50—70-е годы XVIII века, когда активизировалась колониальная политика царизма и создались условия, благоприятствовавшие развитию движения в Казахстане в 1773—1775 годах и восстанию казахов Младшего жуза в 80-х годах XVIII столетия под предводительством Срыма Датова.

Кочевья Младшего жуза простирались от низовья реки Сыр-Дарьи до рек Урала и Тобола, на востоке Младший жуз граничил со Средним, а на юге — со Старшим жузом. Так как большие изменения в землепользовании казахов Младшего жуза наметились в первой четверти XVIII века, изложение материала начнем с истории возвышения хана Абулхаира, с именем которого связана попытка укрепления единого казахского ханства, начало которой было положено ханом Тауке. Хан Тауке принадлежал к старшей феодальной линии потомков Жади́га, из среды которых до 20-х годов XVIII века избирались старшие ханы¹. Этому права были лишены представители

¹ В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, т. II. Спб., 1864.

младшей феодальной линии — потомки Осека. Такое исторически упрочившееся соотношение султанских фамилий продолжалось до «великого бедствия», которое обрушилось на казахский союз в 20-х годах XVIII века. В 1723 году казахи были разгромлены отрядами Шуно-Доба — сыном джунгарского хунтайджи Цеван-Рабтана, и Большой и Средней жузы были вынуждены откочевать к Самарканду и Бухаре, а Младший — к Хиве. Огромные потери людей и скота заставили казахов сплотиться, создать объединенное ополчение и одержать блестящие победы над джунгарами в 1728 году в районе озера Чубар-Тенгиз на берегу реки Булакты и в 1729 году — у местности Анкргай. В этой борьбе выделился султан Абулхаир, принадлежавший к младшей феодальной линии Осеков.

Победа над джунгарами оказала соответствующее влияние на жизнь казахского общества, но в то же время она не сломила могущества джунгар. Поэтому условия для возобновления агрессии не были устранены, вследствие чего джунгарское государство вновь возобновило военные действия против казахов и заставило последних изменить места кочевий. Если ранее они кочевали далеко от русских границ, то теперь Младший жуз откочевывает к низовьям Сыр-Дарьи и Яику, Средний жуз — к Бет-Пак-Дале и низовьям реки Чу, Старший жуз — к Ташкенту, где признал над собой политическое господство Джунгарии. Казахское ханство распадается на мелкие владения. Так, в Среднем жузе из наиболее крупных владельцев надо указать на султанов Барака, Абулмамбета и ханов Кушука и Семеке. В Младшем жузе правит хан Абулхаир с сыновьями Нуралы и Ералы и преданными старшинами-биями, а также независимый от них, принадлежавший к фамилии Жадига, султан Батыр.

С 20-х годов XVIII века началась борьба за власть между ханами и султанами двух феодальных группировок: Абулхаира, с одной стороны, и Абулмамбета и Барака — с другой. Абулхаир, который до «великого бедствия» признавал себя вассалом старшей феодальной линии Жадигов, с победой над джунгарами начал добиваться положения «главного хана» и надеялся возродить объединенное казахское ханство, но уже на основе господства феодалов линии Осека, а не Жадига.

К началу 30-х годов положение хана Абулхаира ха-

рактизовалось следующими чертами. Абулхаир опирался на влиятельнейший род Младшего жуза Шекты, а во главе других родов стояли его сыновья и зависимые старшины; сопротивление он встречал лишь со стороны султана Батыра, который кочевал у Аральского моря и вдоль устья реки Сыр-Дарьи. Батыр был связан с наиболее влиятельными владельцами Среднего жуза Баракком, Абулмамбетом, Аблаем, принадлежавшими к феодальной фамилии Жади́га. Для упрочения своего влияния Абулхаир стремился ослабить феодалов в Среднем жузе с помощью союза с влиятельным батыром Среднего жуза Жаныбеком, стоявшим во главе аргынов, кочевавших у Орска по соседству с Младшим жузом. Кроме того, Абулхаир добился признания своего сына Ералы правителем рода Керей в Среднем жузе.

В 30-х годах XVIII века весь Младший жуз, кроме части рода Шекты, кочевавшего за Сыр-Дарьей, и большая часть Среднего жуза — поколения Аргын, Керей, частью Найман и Уак — находились под властью султанов и старшин-вассалов хана Абулхайра. Противники его — потомки Жади́га — были оттеснены к границам Джунгарии и среднеазиатских ханств. Подвластные хана Абулхайра кочевали у русских границ на всем их протяжении, исключая крайневосточные сибирские крепости.

Стремление Абулхайра стать «главным ханом» осуществлялось на деле, и его власть перерастала рамки Младшего жуза. Так в Казахстане осуществлялся процесс воссоздания объединенного ханства на феодальной основе. Но к концу 30-х годов XVIII века положение казахов стало очень сложным: на западе и севере их кочевья упирались в русские границы, на юге возросла опасность нашествия со стороны персидского шаха Надир-шаха, а с востока — джунгар. В эти годы Абулхайр-хан теряет кочевья по Аму-Дарье в Хивинских владениях, так как Нуралы, его сын, оставил престол в Хиве, опасаясь расправы со стороны Надир-шаха. Абулхайр вынужден был откочевать к северу, к Сыр-Дарье.

Внешнеполитические трудности явились одной из причин, заставивших хана Абулхайра начать переговоры с царским правительством о присоединении Младшего казахского жуза к России. Присоединение Казахстана к России отвечало потребностям социально-экономического и культурного развития казахского народа. Но

одновременно присоединение способствовало и дальнейшей активизации колониальной политики царизма в Казахстане. Намерениям царского правительства благоприятствовала обстановка, сложившаяся в Младшем жузе после убийства хана Абулхаира султаном Бараком в 1749 году, что повлекло за собой ослабление казахского ханства, в котором вновь побеждает принцип политической раздробленности. Это способствовало укреплению влияния царизма в Казахстане. Русское правительство с 40-х годов XVIII века начинает постройку линии военных укреплений на границах с Башкирией и далее к югу вдоль Яика до Каспийского моря. Казахи, потеряв большие районы кочевков на юге Казахстана, теперь теряли пастбища на левобережье Яика и у берегов Каспийского моря.

Усиление земельной тесноты прежде всего сказалось на хозяйстве рядовых казахов-общинников, испытывавших земельные ограничения и при внутриобщинном распределении земель. Хотя у казахов Младшего жуза в первой половине XVIII века формально существовало общинное землепользование, фактически землей распоряжались феодалы. Захват ими общинных земель стал возможным с тех пор, как право феодалов распоряжаться землей приняло экономические формы и свидетельствовало о различном отношении отдельных групп населения к основному условию производства — земле. Кроме того, существовало и второе условие, которое обеспечивало узурпацию общинных земель, — частная собственность на скот и разложение общинного способа кочевания.

Захват феодальной знатью общинных земель тяжелым бременем лег на хозяйства рядовых общинников. Именно земельные ограничения заставили казахских шаруа уже с 50-х годов XVIII века включиться в борьбу за пастбища.

Первоначально казахские шаруа пытались решить земельный вопрос мирным путем через посредство верховного правителя. Так, с 50-х годов XVIII века Нуралыхан¹ вынужден был в переписке с царской администрацией настаивать на отмене земельных ограничений, ко-

¹ Хан Нуралы занял престол в 1749 году после убийства его отца Абулхаира-хана султаном Бараком.

торые были введены в связи с Указом правительства от 19 октября 1742 года, по которому казакам запрещалось кочевать близ Яика, Яицкого городка и строящихся крепостей и предлагались для кочевков районы по рекам Илек и Берда. Указ был принят в ответ на просьбу казахов к генерал-лейтенанту Соймонову разрешить им кочевать у Яицкого городка и мотивировался как стремление предотвратить взаимные ссоры между населением Младшего жуза и яицкими казаками и волжскими калмыками в пограничной полосе. Приведем выдержки из Указа, как первого документа, определившего политику царского правительства в земельном вопросе в Казахстане: «Е. И. В. подданным киргис-кайсацким ханам, султанам и старшинам и всему тому народу, кочующим близ Яицкого казачья городка и ниже онаго подле и вблизи от реки Яика. Я надеюсь, что во всем киргис-кайсацком народе, особливо же старшим и лутшим людям небезизвестно, коим образом в бытность мою при Орской крепости Абулхаир-хану, Ералы-султану, Джанбек-тархану и другим знатым старшинам и народу объявлены высочайшие Е. И. В. указы, чтоб киргис-кайсакам поблизости к Яицкому казачьему городку не кочевать, также и ниже онаго и нигде за Яик не переходить, а кочевать бы по рекам Илеку, Берде и по другим, со степной стороны вышеупомянутого казачья городка в Яик впадающим, также и в степи имеющимся рекам, где и прежде ваши кайсацкие кочевания бывали, а притом не возбранено и по Яику, только б не блиско ко оному и к другим ново-строящимся крепостям, дабы тако к ссорам с русскими людьми, а особливо с яицкими казаками и с волскими калмыками никакова поводу не было, ибо то единое есть средство к спокойному житью всех вас Е. И. В. подданных и взаимная польза... Ежели ж кто сего Е. И. В. высочайшего Указа не послушает и в упрямстве своем подле реки Яика или перешед оную останется, с таковыми повелено как с противниками высочайших Е. И. В. поступать. Чего ради в Яицкий казачий городок воинский ко-мандир подполк. Ртищев нарочно отправлен»¹.

До 1756 года Указ о земельных ограничениях, ставший законом по решению императрицы Елизаветы, проводился в жизнь непоследовательно. Например, в

¹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», док. 100.

1748 году владельцам более 3000 кибиток разрешили перейти через Яик у Гурьева-городка и форпоста Харкин, так как оренбургское начальство надеялось, что когда казахи «вблизиности к русским крепостям кочуют, то спокойнее бывает и к продерзостям замыслов не имеют»¹. В последующие годы такие перегоны тоже разрешались, но при условии дачи аманатов — заложников. Кроме того, с 1753 года казахам разрешалось покупать сено для скота в русских селениях и даже отдавать жителям крепостей скот в зимнее время для прокорма за определенную плату. В 1755 году казахам разрешено было кочевать на левобережье Яика в благодарность за помощь, которую казахские феодалы оказали царскому правительству в разгроме башкир, пытавшихся укрыться в казахских степях после подавления движения Батырши.

С 1756 года закон о запрещении казахам перегона скота через Яик выполнялся более или менее последовательно, что зависело от методов в управлении Казахстаном, которым следовали различные оренбургские губернаторы во второй половине XVIII века при решении земельных вопросов в пограничных районах. Они часто решали их в пользу калмыков и линейного казачества, которые выполняли функции по охране границ. Поэтому при решении земельного вопроса правительство отстаивало их интересы и обосновывало земельные ограничения тем, что в правление хана Абулхайра казахи довольствовались территорией у Аральского моря и не претендовали на земли по Яику и Каспию². В действительности царское правительство не учитывало внешнеполитических изменений, происшедших в Младшем жузе к середине XVIII века, в связи с которыми казахи оказались вынужденными кочевать по побережью Каспийского моря и вдоль Яика по соседству с землями, принадлежавшими оренбургскому и яицкому казачеству и калмыкам.

Специальное Оренбургское казачье войско было создано во второй половине XVIII века как ядро вспомогательного Оренбургского корпуса во главе с сотником Василием Могутовым. По своей организации оно было близко к регулярным войскам и несло службу по Верхнеяицкой линии — от Яицкого городка до крепости Рас-

¹ АВГР, ф. 122/2, 1759 г., д. 9, лл. 90—91.

² «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», док. 100.

сыпной¹. Земли яицкого казачества протянулись вдоль Яика, на правом берегу которого оно своими силами к 1745 году выстроило 7 крепостей и 11 форпостов и несло службу на Нижней Яицкой дистанции, «чтоб те крепости охраняя, башкирцев обуздывать, а киргис-кайсак от обыкновенного воровства удерживать и, усматривая их пролазы, возможные поиски чинить»². К 1769 году по Яицкой линии проживало около 15 000 семейств правительственных казаков³.

На земле, которая считалась общевоинскою собственностью, казачество занималось земледелием, скотоводством и рыболовством на специальных ватагах. С развитием скотоводства казаки начали в летний период заготавливать сено и строить «скотные базы». С 1748 года по указу правительства для содержания и охраны табунов в летнее время начали строиться недалеко от укреплений хутора с жильем и специальными загонами для скота⁴. Многочисленные хутора возникают между Яицким и Илецким городками по небольшим речкам, впадающим в Яик, и у Оренбурга. Постройка хуторов в междуречье Яика и Волги, а также по правобережью Яика привела к дальнейшим земельным ограничениям для казахов, которым не разрешалось кочевать в районах казахских хозяйственных построек. Отсюда стремление казахского населения к уничтожению казахских хуторов, что можно рассматривать не как агрессию, а как реакцию казахов на дальнейшие ограничения царским правительством их прав землепользования.

Особенно обострились отношения казахов с яицким и оренбургским казачеством с 1756 года, когда было запрещено населению Младшего жуза перегонять скот на зимние пастбища по правобережью Яика. Постоянные столкновения казачества с казахами и самовольные попытки последних перегонять скот через Яик заставили царское правительство согласиться с мнением Оренбургского губернатора И. Неплюева. Он еще 15 мая 1747 го-

¹ «Материалы для географии и статистики России», ч. 2. Спб., 1866, стр. 7.

² «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», док. 146.

³ И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их жителств, обрядов, обыкновений, одежд, ч. III—IV. Спб., 1799, стр. 225.

⁴ «Материалы для географии и статистики России», ч. 2, стр. 17.

да предлагал для усмирения казахов организовывать силами яицкого и оренбургского казачества «воинские поиски», то есть небольшие карательные экспедиции, и рекомендовал Коллегии иностранных дел: «Не полезней ли будет интересом Е. И. В. дать волю, как и напредь сего бывало, волским калмыкам, яицким казакам, башкирцам, мещерякам и другим со стороны Сибирской губернии иноверцам и русским чинить над ними поиски и, впротчем, самим с ними управляться в том разсуждении, что, может быть, оные, таким образом, от российских границ отбиты будут вдаль и без регулярных войск»¹. С 18 июля 1760 года Коллегия иностранных дел указом разрешила Оренбургскому губернатору А. Давыдову посылку казачьих команд не только в казахские аулы, кочевавшие у линии, но и в любые районы степи. При этом казакам разрешалось брать заложников «из лутчих людей», захватывать скот, а если «в драку вступят, и надлежащее им сопротивление учинить и их разбить... чтоб оныя злодеи без отщущения не оставались»².

Указ правительства о «воинских поисках» привел к тому, что яицкое и оренбургское казачество в ответ на набеги казахов, а часто и без причин нападало и разоряло казахские аулы. Кроме того, часто аулы, участвовавшие в столкновениях с казачеством, кочевали в отдаленных местах, а репрессиям подвергались мирные аулы близ линии. Поэтому Нуралы-хан жаловался Екатерине II в 1766 году: «Люди, которые в данное время выезжают в степь, ссылаясь на кражу скота ворами, не ищут их, а убивают вблизи живущих, грабят их, хотя они и невинны, захватывают у них домашнее имущество и скот... У доброго народа не осталось никакой возможности доверять расположенным на пограничной линии, по берегу Яика, крепостям и жить здесь»³. Так, от репрессий со стороны казаков пострадал род Байбакты, где отрядом с сотником А. Медрасовым были разорены 5 аулов, в то время как нападали на яицкие форпосты казахи рода Жетыру⁴. Такой же случай имел место в ро-

¹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», док. 135.

² ЦГАДА, ф. Правительствующего Сената, д. 1742, 1760, л. 29—32 об.

³ АВПр, ф. 122/2, 1763—1767 гг., д. 15, лл. 513—518 об.

⁴ Там же.

де Табын, где казаками были отбиты конские табуны у мирных аулов рода Кадырбек-Табын, хотя нападение на Илецкий городок совершили казахи из других подразделений рода¹.

О притеснениях, которым подвергались казахи со стороны казачества, говорят также события у Тополинской крепости в 1759 году, когда казаки за потраву сена напали на аул старшины Жамбет-батыра из Кызыл-Куртова рода. 40 казаков окружили аул и по приказу старшины Камцова стали население «чекушами и копыями колоть, а потом и из ружей палить, почему 4 человека было убито, 6 ранено, хотя казахи, обороняясь, не употребляли оружие»².

С выгодой для себя казаки пытались использовать и Указ от 19 ноября 1742 года, запрещавший казахскому населению перегонять скот через Яик. Так, весной 1748 года казахи, не успевшие по льду перегнать весь скот через Яик, оставшиеся табуны решили переправить на плотах, но форпостные казаки перерезали арканы, скреплявшие бревна, «после чего киргизцы принуждены были о переправе того скота на лотках просить их (казаков.— Н. Б.), которые при перевозке оного за каждую сотню баранов взяли из них по 5-ти, а за верблюдов по 1-му барану». Переправа шла у Сундавского и Мергеневского форпостов, и казаки последнего получили за переправу 800 баранов, 30 лошадей, 400 зайцев, 100 карсаков, 1000 мерлушек³. Помимо того, при перегонах скота казаки нередко присваивали себе лучшую часть его. Нуралыхан в июле 1764 года писал Екатерине II, что казаки у Гурьева-городка «худых лошадей убивают, а хороших коней и жеребцов захватывают, встретившихся людей полностью ограбляют, косы присваивают, преувеличивают размеры потравленного сена и за это ловят и уводят наших коней и жеребцов»⁴. Оренбургская администрация знала, что казаки нарушают инструкцию о ненападении на мирные аулы, но ограничение карательных экспедиций считала несвоевременным⁵.

Призывол казачества был одной из причин волнений

¹ АВПР, ф. 122/2, 1763—1767 гг., д. 15, лл. 513—518 об.

² Там же, ф. 122/1, 1759 г., д. 4, лл. 76—77.

³ Там же.

⁴ Там же, ф. 122/2, 1763—1767 гг., д. 15, лл. 139—140.

⁵ Там же, лл. 484—485.

в Казахстане и послужил еще одним толчком к участию казахов в восстании Пугачева. Уже в 1755 году в ответ на притеснения казачества казахское население обещало с ними «в драку вступить и всех побить... и нападению в будущую зиму на крепости русские быть за недопуск к перегону табунов их на внутреннюю сторону»¹. Столкновения с казаками происходили у Тополинской и Баксайской крепостей, Яманкалинского и Сундаевского форпостов². Ожесточенные сражения с казаками были на речке Гунбейке и у форпоста Каменный орешек, где казахи «с великим азартом атаковав тот форпост, стреляли из ружей и из луков часа два, но отбиты гарнизоном»³. Оренбургский губернатор Давыдов вынужден был признать, что подобные столкновения происходили по вине казаков, которые говорили: «Пакости чинят большею частью те киргисцы, у которых прошедшею зимою лошади пропали, злясь за невозвращение оных»⁴.

Столкновения казахов с линейными казаками участились настолько, что Коллегия иностранных дел 11 апреля 1755 года разрешила последним поступать с казаками, как с противником: зачинщиков ловить, отдавать русским командирам и наказывать «по рассмотрению вины плетью и кошками, а ежели чья вина тяжчее... таких и кнутом, как то здесь действительно и чинится»⁵. По решению правительства в крепостях, предупреждая нападения казахов, круглосуточно дежурили часовые, а в прилегающей степи — специальные пикеты. Казакам для хозяйственных работ и переездов разрешалось покидать крепость только с достаточным конвоем, а скот в летнее время находился вне крепости под прикрытием больших отрядов⁶. Для предупреждения внезапного нападения кочевников на степных возвышенностях по линии устанавливались караульные вышки и маяки с дозором из 2—3 казаков на хороших лошадях⁷.

Проследив историю взаимоотношений казахов с яицким и оренбургским казачеством, необходимо отметить

¹ АВПр, ф. 122/2, 1755 г., д. 4, лл. 17—22 об.

² ГАОО, ф. 3, д. 62, лл. 39—42.

³ АВПр, ф. 122/2, 1760 г., д. 4, лл. 275—278 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 24, лл. 17—22 об.

⁶ Там же, д. 21, лл. 17—22 об.

⁷ «Материалы для географии и статистики», ч. 2, док. 6, стр. 12.

некоторые изменения, которые наметились в отношениях между ними в 1772 году, когда яицкие казаки восстали против царского правительства, стремившегося к полной реорганизации казачества как непокорного сословия на окраинах государства, приравниванию его к регулярным войскам. Восстание в Яицком городке в 1772 году было жестоко подавлено. Казаки, находясь в безвыходном положении, зажатые по Яику с двух сторон Оренбургской и Астраханской губерниями, вынуждены были вести переговоры с казахами о помощи для борьбы с правительственными отрядами: «Оренбургские войска идут на нас и как де они яицкие казаки с киргиз-кайсаками (казаками.— Н. Б.) равного в роде своем состояния, то де против тех здешних от войска под предводительством Ивана Ульянова и Попомарева 3000 человек итак де именем войска просим, чтоб киргизцы для помощи сообщились»¹.

Важно, что казахское население сделало нужные для себя выводы из письма яицких казаков и перегнало свой скот через Яик, а генерал-майору Фрейману объяснило самовольный переход письменным разрешением от яицких казаков и «отказались добровольно кочевать с лугов далее в степь... а еще упорственно при нем табуны свои и в самые луга вгоняли, а оные де киргизцы алчинского роду и одни из них, называющиеся байбактинцы, находятся под командою Сот батыря, а другие кердаринцы при Кабыл-мурзе во многом числе кибиток отговаривались тем, что они имеют свой указ, через Чучалова полученный, коим дозволено близ Яика кочевать и скот свой в луга пускать»². Взаимоотношения рядового населения Младшего жуза с яицкими казаками в 1772 году положили начало регулярным перегонам скота через Яик, которые продолжались в течение всей Крестьянской войны. Возможно, письмо яицких казаков к казахам и явилось одним из толчков, заставивших казахов побороть десятилетиями укоренявшуюся вражду к казачеству и совместно с армией пугачевцев бороться под Оренбургом и Яицким городком с осенью 1773 года.

До 1770 года сложными были взаимоотношения казахов и с калмыками, кочевавшими между Яиком и Вол-

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 1, лл. 146—147.

² Там же, лл. 349 и об.

гой. Заинтересованность казахов в зимних пастбищах в междуречье Яика и Волги, куда они прегоняли скот в особо тяжелые зимы, приводила к столкновениям с калмыками. Издав закон 1756 года, царское правительство объясняло его стремлением прекратить взаимные набеги казахов на калмыков. В действительности правительство, заинтересованное в военной службе калмыков и разжигая национальную рознь между ними и казахами, еще 28 сентября 1743 года разрешило калмыкам совершать «поиски» против казахов и в помощь им выделило до 2000 казаков, «чтоб калмыки, ведая о том сикурсе, охотнея над киргиз-кайсаками поиски их производили»¹. А Татищеву от Сената было приказано, «если наместник или кто-нибудь из калмыцких владельцев похочет на кайсак идти... чинить в том всевозможную помощь»². Совместные «поиски» калмыков с яицкими казаками вызывали ответные набеги казахов, которые постепенно начинали догадываться, что виновником этих «поисков» является царская администрация. Поэтому Нуралы-хан в письме к А. Лачинову 16 февраля 1764 года жалуется на калмыков, которые у Сарайчиковского, Яманкалинского и Гребенщиковского форпостов угнали 2400 лошадей, и обвиняет Оренбургскую администрацию в содействии: «...уже в течение 4-х лет такой метод превратился в обычный. Мы разумею, что воры не смогли бы угнать такое большое количество лошадей и что они, видимо, захватывают по повелению. Ибо вы считаете неподчинением то, что мы ввиду плохого состояния скота перегнали через (Яик) лошадей, чтобы покормить там травой. Калмыки же захватывают всех (наших) лошадей и убивают людей — почему же их дело не считается за неподчинение? Ибо захваченный калмыками скот не возвращается и их не наказывают. Поэтому-то они не прекращают ежегодный захват лошадей»³.

Отношения казахов с калмыками разрешились к 1771 году, когда значительная часть последних с наместником Убаши из-за тяжелого гнета со стороны царских властей и «по причине продолжаемых притеснений при употреблении их в службу и в дальние походы»⁴ откочевала на

¹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», док. 118.

² Там же.

³ ГАОО, ф. 3, 1764 г., д. 31, лл. 343—344 об.

⁴ АВПр, ф. Сношения России с калмыками, д. 280, л. 445.

территорию Джунгарии. Пастбища, ранее занимаемые калмыками по рекам Узеньям, Чижам, Деркулу и Кушуму, оказались свободными¹. Но царское правительство по-прежнему отказывалось разрешить казакам свободно пользоваться этими землями, по-видимому, теперь уже опасаясь более тесных сношений населения Младшего жуза с волновавшимися яицкими казаками. Свободно землями между Яиком и Волгой казахи смогли пользоваться лишь с началом Крестьянской войны 1773—1775 годов под предводительством Пугачева.

Если вдоль Яика земли находились во владении яицкого, оренбургского казачества и калмыков, то вдоль побережья Каспийского моря земли также были недоступны для казахов, потому что со второй половины XVIII века были розданы в частное владение русским помещикам. Вдоль всего побережья Каспийского моря тянулись их дачи. Помещики Безбородко владели около 2 000 000 десятин земли, которые простирались по берегу Каспийского моря почти на 97 верст с протяжением в глубину берега на расстояние от 12 до 35 верст. Во владении помещиков Юсуповых находились две дачи: одна из них включала около 115 000 десятин земли, а другая — более 16 000 десятин. Обе эти дачи простирались по побережью Каспийского моря почти на 208 верст и в глубь берега до 12 верст. Таким образом, на протяжении 305 верст, то есть почти по всему берегу Каспийского моря от устья Волги до устья Урала лежала полоса помещичьей земли. Дачи обоих помещиков фактически пустовали и не были заселены, а отдавались на откуп купцам, которые устраивали на побережье рыбопромышленные ватаги. Были Богатинская, Пороховинская, Кокаревская, Косолеинская, Камчатская (Новинская), Вахрамеева, Баксаевская ватаги. На большинстве их лов производился по сезонам — весной или зимой. На землях, где находились дачи помещиков Юсупова и Безбородко, ранее были основные зимние кочевки казахов Младшего жуза. Но довольно скоро приказчики помещиков, жившие на рыбных промыслах и в селениях, учли выгоды, которые можно было извлечь из перекочевков

¹ В. Шахматов. Внутренняя орда и восстание Исатая Таймакова. Алма-Ата, 1946, стр. 4.

казахов. Их стали пускать на земли только за известную плату — оброк скотом, деньгами и т. д.¹

Но ограничение кочевков в районе побережья вызвало большое недовольство среди казахов. 14 июля 1750 года Государственная коммерцколлегия писала об этом в Коллегию иностранных дел: «От реки Яика по Каспийскому морю до реки Эмбы имеются рыбные ловли, отданные из-оброку астраханскому купцу Алексею Курочкину, который объявляет, что тамо рыбы ловить не допускают киргис-кайсаки, называя те места своими, и морской рыбной стан и работных людей осадом осадили... в киргиз-кайсацком народе о том рыбном стане разглашается, якобы тут от стороны Каспийского моря ко вреду их строится российская крепость»².

Существовали запретные земли и в районе Илека. Здесь начались волнения в связи с постройкой Илецкой защиты. Казахи опасались, что с постройкой крепости «не только по Яику, но и по Илеку-реке кочевья иметь будет им невозможно, ибо де они уповают, что и с вершины до устья Илеку все крепостьми занято будет»³. Опасения казахов были обоснованными, с постройкой линии военных укреплений по Илеку в 50-х годах XVIII века казахи потеряли огромный массив пастбищ в этом районе и были оттеснены далеко к югу⁴. Кроме того, казахи были недовольны и потерей доступа к добываемой в районе Илецкой защиты соли. Поэтому они неоднократно обращались к губернатору Неплюеву и просили его: «На степной стороне свободное кочевье иметь, так бы и Илецкою солью довольствоваться позволил и тое построенную крепость оттоль снять»⁵, в противном случае они угрожали разрушить крепость.

Казахи, начиная с 50-х годов XVIII века, помимо мирных переговоров с царским правительством о расширении района кочевков, прибегают и к немирным формам протеста: самовольным перегонам скота на запрещен-

¹ В. Шахматов. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946, стр. 30—33.

² «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», док. 199.

³ Там же, док. 206.

⁴ «Карта расселения казахских орд и направления караванных путей к началу XIX века». См.: «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV. Приложение.

⁵ АВПР, ф. 122/2, 1754 г., д. 4, лл. 19—20 об.

ные территории и вооруженным нападениям на военные укрепления. Как одну из форм протеста казахского населения против земельных ограничений можно рассматривать попытки смены подданства с откочевкой в соседние с Россией земли. Так, с появлением свободных земель у границ Китая в 1759 году Нуралы-хан прямо заявил переводчику Гуляеву, что казахи собираются откочевать «вдаль как то на пустую землю зюнгарских калмык, к Бухарии, Ташкенту и к другим тамошним городам, где они для скота своего изобильные места найти могут...»¹

Действительно, в 1761 году казахи-семиродцы, поддавшись на уговоры соплеменников из Среднего жуза, которые говорили им: «Живешь при России, разве тебе хочется умереть, дожидаясь российского хлеба»²— начали откочевку с Айчувак-султаном «вверх, приближаясь к Средней киргис-кайсацкой Орде и к зенгорским местам»³. Оренбургская администрация, напуганная таким оборотом дел, постаралась подкупить султана, обещая ему пересмотреть вопрос о пастбищах. Айчувак-султан пошел на компромисс с правительственной стороной, и казахи-семиродцы вернулись на прежние места кочевков. На решение султана также повлияли опасения, которые испытывали его подданные, знавшие о недавней кровавой расправе китайских войск над населением Джунгарии, и слухи о том, что «китайский владелец богдыхан имеет с Россией соединения ко утеснению их киргисского народа и для того как от Российской стороны, так и китайской учреждаются линии и китайской владелец во многочисленном войске впусе оставшей зюнгарскую калмык землицу по реке, называемой Ля, уже немало построил крепостей и еще умножает, и их киргисцов чрез свою линию на помянутую землицу для кочевания не допускает»⁴.

Вторым и менее реальным намерением казахов была откочевка на земли Турции. В 1757 году казахи вели переговоры об этом с калмыками, откочевавшими на Кубань, и просили «дать им для кочевания место, называемое Шесть Вод», но для этого необходимо было раз-

¹ АВПР, ф. 122/2, 1759 г., д. 3, лл. 91—92.

² Там же, 1754 г., д. 4, лл. 79 и об.

³ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», док. 239.

⁴ АВПР, ф. 122/2, 1762—1765 гг., д. 14, л. 26.

решение турецкого султана¹. Царское правительство опасалось, что союз с калмыками и переговоры с Турцией скажутся на безопасности торговых путей из Астрахани по суше и по Волге, поэтому запретило переписку между калмыцкими и казахскими феодалами².

Казахи Среднего жуза приняли активное участие в Крестьянской войне 1773—1775 годов. Движение в этой части Казахстана проходило самостоятельно и лишь в отдельные моменты соприкасалось с восстанием в Младшем жузе, имело свои хронологические рамки, этапы, отличалось по характеру движущих сил.

В Среднем жузе вопрос о земле явился также главной причиной участия населения в восстании. Земельная проблема имела здесь свои особенности. Кочевья казахов Среднего жуза располагались «между рек Тобола, Ишима, Нуры, Аягуза, озер Кульдгальжино, Балхаша, Нор-Зайсана, простирались в длину на 1760 и в ширину к границам Бухарии, Коканта и Ташкента к Большой киргизской орде и к китайским границам на 1000, а местами от 500 до 700 верст»³, гранича с Оренбургской и Сибирской губерниями. В XVIII веке в Среднем жузе, как и в Младшем, начинает сказываться кризис пастбищно-скотоводческого хозяйства, нарастает земельная теснота, чему способствовали как внутренние, так и внешние обстоятельства. В 40—60-е годы XVIII века здесь происходит закрепление общинных земель, особенно в районе зимовок, за крупными феодалами. Так, султаны Аблай и Вали кочевали по реке Ишиму и имели постоянные зимовки (стоянки) в верховьях Иртыша (по рекам Чар-Гурбан и Чучети). На реке Иртыш у Железинской крепости кочевал султан Солтомамет, батыры Кулсара и Кабанбай кочевали по реке Ишиму, в урочище Кокчетау, а недалеко от Ямышевской крепости — батыр Тубет и Бекболат⁴. Феодалная знать в 50-е годы XVIII века даже пыталась закрепить за собой

¹ АВПр, ф. 122/2, 1757 г., л. 5, лл. 2—3.

² Там же, д. 7, лл. 147—154 об.

³ ГБ им. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел, ф. IV, д. 9, 669, 5 (отчеты).

⁴ Н. Анолова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX века, стр. 336—337, 354—355. С. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века, стр. 148.

юридически удобные для нее земельные участки и добивалась в переписке с сибирской администрацией закрепления земель по Иртышу за своими родами, что фактически означало переход этих участков в их личную собственность, если учесть уже сложившиеся земельные отношения в казахских общинах. Так, в 1753 году старшины Атагайского рода Кулсара и Кулек-батыры просили «об отмежевании им по заречной стороне на поселение в удобных местах окружностей, дабы каждый род свою землю и отвод имел... и чтоб по отмежевании из роду в род земли и угодий не давать, а довольствоваться каждому своим отводом»¹.

В ином положении были широкие массы феодально зависимого населения: для них особо остро стоял вопрос о зимовках, наиболее удобные из которых находились в верховьях Иртыша, Ишима и Тобола. Казахские шаруа могли использовать эти зимовки не в полной мере, так как в первую очередь их стремились освоить феодалы, нуждавшиеся в обширных пастбищах для растущего поголовья скота. Земельная теснота стала особо ощутимой для казахских шаруа с активизацией колониальной политики России во второй половине XVIII века, когда строились линии военных укреплений на границе между Россией и Казахстаном.

В 1752 году была построена линия военных укреплений из 10 крепостей и 53 редутов, соединивших Уйскую линию с Иртышской. Эта линия соединила Омскую крепость с Звериноголовской и была названа Ново-Ишимской². В результате русская граница была вдвинута на 50—200 верст в земли Среднего жуза. По-видимому, Сенат учел просьбу командующего отдельным Сибирским корпусом С. Киндермана от 4 ноября 1748 года о расширении земельных угодий для крестьян и обывателей Ялutorовского и Ишимского дистриктов. Это нарушило сложившуюся систему перекочевков, лишило казахские роды пастбищ на правобережье Иртыша и в районе укреплений, повлекло за собой постоянные столкновения с гарнизонами Сибирской линии, вызвав с 50-х годов

¹ АВПР, ф. 122/2, 1759 г., д. 3, лл. 15—16.

² ЛОИИ, ф. 36, д. 439, лл. 2—8. В Ново-Ишимскую линию входили следующие укрепления: Звериноголовское, Покровское, Николаевское, Лебяжье, Полуденное, Петропавловское, Становое, Пресновское, Кабанье, Пресногорьковское.

XVIII века борьбу казахов Среднего жуза за право пользоваться пастбищами по Иртышу.

Постройка военных линий дала возможность царскому правительству принять в 50-х годах XVIII века первые юридические акты, узаконившие земельные ограничения для казахов Среднего жуза. 6 марта 1755 года Коллегия иностранных дел дала указание бригадиру Крофту казахов «на здешнюю сторону Иртыша не пропускать, дабы сей переход им в привычку не вошел»¹. С 1764 года казахам разрешалось кочевать не ближе 10 верст от Иртыша и 30 верст в районе строившихся крепостей и форпостов².

Эти мероприятия должны были бы распространиться в первую очередь на крупных феодалов, имевших огромные стада, но царская администрация, не располагая значительными военными силами, стремилась сохранить добрые отношения с феодальной знатью и простила ей самовольные перегоны скота через Иртыш. Даже с принятием указа 1764 года, который отменял любые исключения, отдельным феодалам разрешали перекочевку. Например, султану Абулфеизу позволили перейти Иртыш у Омской крепости в 1764 году, надеясь на его содействие в развитии караванной торговли.

Делая уступки для знати, правительство не шло на уступки для народа, положение которого с 50-х годов резко ухудшается. Лишившись с постройкой военных укреплений пастбищ на правобережье Иртыша, рядовые казахи не в полной мере используют и пастбища на левобережье реки, где у русских крепостей феодалы содержали свой скот, не опасаясь иноземных вторжений, и заключали выгодные торговые сделки, продавая скот. Например, Аблай-хан кочевал неподалеку от Петропавловской или Железинской, Солтомамет-султан держался вблизи Троицкой крепости. В пользовании аульных общин оставались кочевья, расположенные вдали от крепостей или около небольших форпостов³.

Казахи, притесняемые феодалами, были в сложных взаимоотношениях и с сибирским казачеством, которое было создано царским правительством для «усмирения

¹ АВПР, ф. 122/2, 1774—1782 гг., д. 10, л. 10.

² Там же, 1762—1775 гг., д. 14, л. 166.

³ Н. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX века, стр. 356—357.

соседей, присечения их хищений... постепенного уменьшения власти ханов и родоначальников и увеличения народонаселения поселением на черте границы 10 пятисотенных полков сибирского казачьего линейного войска»¹. Казаки, стремясь оградить линию от набегов казахов Среднего жуза и воспрепятствовать перегонам скота через Иртыш, «преследовали их до последней возможности в самую глубину степи, не оказывали пощады, настигнув, и ни одно злодейство их не оставалось без сугубого возмездия»². Нельзя столкновения казаков с казахами на Сибирской линии сводить только к взаимной пограничной барымте. Казачество активно вмешивалось в политическую жизнь Среднего жуза, «используя междоусобную вражду поколений...»³, а поэтому задолго до Крестьянской войны 1773—1775 годов возбудило к себе всеобщую ненависть не только рядовых казахов, но и феодальной верхушки. Столкновения с сибирским казачеством были значительным стимулом, способствовали росту волнений в Среднем жузе.

Вопрос о земле был основной причиной, обусловившей участие казахов в Крестьянской войне. Но были и другие причины. Так взаимоотношения, которые сложились между различными социальными группами казахских жузов, сыграли определенную роль в развитии движения в Казахстане.

Источники свидетельствуют, что казахское общество в XVIII веке делилось на два основных класса: класс феодалов и класс феодально зависимых непосредственных производителей. Во главе Младшего и Среднего казахских жузов стояли казахские ханы. Формально с момента присоединения этих частей Казахстана к России в первой половине XVIII века русский император являлся их верховным правителем, но фактически правили казахские ханы. Им принадлежало право распоряжаться общинными землями и распределять кочевья, обеспечивая себя при этом лучшими из них.

На следующей ступеньке социальной лестницы после ханов стояли султаны. Они, как вассалы хана, имели

¹ Сибирское линейное казачье войско было основано в 1716 году в связи с присоединением Южной Сибири к России. См.: ЛОИИ, ф. 36 (Воропцова), оп. 1, д. 439, л. 1—43.

² Там же.

³ Там же.

привилегии в землепользовании, и их зависимость от хана ограничивалась военной службой в его войске и помощью в управлении жузами.

Ниже султанов и в их подчинении стояла многочисленная группа родоправителей-старшин¹. Несмотря на то, что старшины через хана и султанов вели внешние сношения, руководствовались их указаниями при перекочевках, оказывали им военную помощь, они были достаточно самостоятельны в своих действиях. Так, хан не мог принять ни одного сколько-нибудь важного решения без согласия старшин. Кроме того, общезвестно право старшин участвовать в общественных доходах, то есть доходах, получаемых ханом или султаном как владельцем, например, жалованья или подарков от царского правительства, а также при взимании повинностей с населения в пользу хана. Можно сказать, что старшины были тесно связаны с правящей верхушкой в присвоении феодальной продуктовой ренты, что стирало между этими группами классовую грань, подчеркивало близость их социального положения.

В казахском обществе XVIII века существовали четыре группы, или четыре более или менее сформировавшихся сословия феодально-зависимого населения: кеден-шаруа, жатаки, конгсы и байгуши. Кеден-шаруа составляли основную массу непосредственных производителей в кочевом обществе, они были основным объектом феодальной эксплуатации. Близко к сословию кедеев-шаруа стояли жатаки. Они также вели свое хозяйство, но уже не могли кочевать и переходили к полуседлым формам хозяйства. Затем была группа казахоз, лишенная возможности вести свое хозяйство; к ним принадлежала большая часть конгсы. Они чаще всего входили в состав аулов богатых семей и работали в их хозяйстве. Наконец, были настоящие пауперы — байгуши, которые кормились случайной работой или нищенствовали. Их число особенно увеличивалось в тяжелые «джутовые» зимы².

¹ Родовая знать по своему составу была неоднородна. В русских источниках эта группа объединяется чаще всего под термином старшин-родоправителей. В действительности она включала такие группы, как бии, тарханы, батыры, мурзы и др.

² М. Вяткин. Батыр Срым. М.-Л., 1947, стр. 9, 128—130, 144, 149; Н. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX века, стр. 67—68.

В документах XVIII века не сохранилось точных количественных данных об имущественном положении названных сословий феодально зависимого населения, также не сохранилось указаний о размерах феодальных повинностей.

Рядовые кочевники несли большое количество повинностей и отработок. Основной вид отработочной ренты — саун, то есть отдача скота на выпас рядовым кочевникам. Крупный скотовладелец предоставлял шаруа пастбища и за это требовал ухода за своим скотом. Во время пастбы байского скота рядовой кочевник мог пользоваться молоком и шерстью. В случае падежа байского скота он возмещал баю убытки.

Другие формы отработок были приурочены к периодам проведения сельскохозяйственных работ. Это — стрижка овец, катание кошм, сенокосение, заготовка топлива на зиму, возведение или ремонт хозяйственных сооружений и др. Большинство отработок, в том числе участие в сборке и разборке байских юрт, в перегоне и пастбе скота хозяина во время кочевки, проводилось как исполнение родовых традиций, как «помощь однородцу». Таким образом, феодалам были выгодны патриархально-родовые пережитки, маскирующие феодальные отношения.

Наряду с отработками существовали и натуральные сборы. В скотоводческих районах взимался зякет — $\frac{1}{20}$ часть скота; в земледельческих районах — ушур — $\frac{1}{10}$ часть урожая. Большая часть зякета и ушура шла в пользу хана. Согым — часть лучшего, наиболее упитанного скота, платился хану осенью; сабыга — часть мяса зарезанного рядовым кочевником скота, идущая богатому и влиятельному «родичу» весной; конак-азык — расходы на содержание «общественных» гостей; басмаше — обычай, по которому основная добыча охоты или часть призов победителей конных скачек, борьбы, стрельбы из лука предоставлялась знатному лицу рода. Кроме того, во время суда платили ханлык и бийлык — $\frac{1}{10}$ часть иска в пользу хана или бия¹.

Чтобы проследить, какими конкретно были отношения между ханами, султанами, родовой знатью и простым

¹ Н. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVII — начале XIX в., стр. 76—78.

народом накануне Крестьянской войны, мы подробно остановимся на событиях 50—60-х годов XVIII века, когда во главе Младшего жуза стоял Нуралы-хан. Он был первым ханом, утвержденным в этом звании царскими властями, что усиливало его вассальную зависимость от последних. Власть потомков Абулхаира к середине XVIII века сохранилась лишь в Младшем жузе. Среди правителей жуза хану Нуралы подчинялись лишь роды из поколения Байулы, далеко не самые сильные. Отсюда влияние Нуралы-хана как верховного правителя на большую часть родов Младшего жуза было чисто номинальным. Положение хана осложнялось еще и тем, что, кроме борьбы с представителями старшей феодальной линии Жадига, ему не удавалось добиться согласия в собственном доме. Династические разногласия в семействе Абулхаира представляют большой интерес, так как фактически они и определили поведение различных феодальных групп во время Крестьянской войны. Когда отдельные феодалы поддерживали Пугачева в корыстных целях, то другие заняли сначала выжидательную, а затем враждебную позицию. Наиболее активно против Нуралы в 60—70-х годах XVIII века выступали правители родов из поколений Алимұлы, которые находились в прямом и двоюродном родстве с Нуралы-ханом¹. Младший сын Абулхаира султан Ералы, пользовавшийся по силе и авторитету наибольшим влиянием в Младшем жузе, был крайне недоволен возвышением Нуралы-хана. Ералы желал не только фактического, но и формального признания себя царским правительством, равным Нуралы-хану. Кроме того, причиной вражды между братьями был вопрос о пастбищах. Нуралы, пользуясь положением правителя, обеспечивал своих подданных лучшими пастбищами, оттесняя Ералы и Дусалы — султанов к Сыр-Дарье, где кочевали казахи рода Шекты — подвластные султана Барака, с которыми враждовали султаны из дома Абулхаира. Ералы, Дусалы и Айчувак — султаны были также заинтересованы в кочевьях вдоль Яика и между Яиком и Волгой. В результате этих споров султаны даже собирались выступить против Нуралы и России². Царскому правительству удалось успокоить султанов, ока-

¹ Ералы и Айчувак — султаны были родными братьями Нуралы, а Дусалы — двоюродным.

² АВПР, ф. 122/2, 1761 г., д. 4, лл. 175—181 об.

зав им должные почести, увеличив жалованье и обещав пересмотреть вопрос о пастбищах. Но временные уступки не удовлетворили султанов. В годы Крестьянской войны они попытались использовать движение народных масс для решения своих династических споров, именно этим объясняется то, что султаны Дусалы, Ералы и Айчувак временно поддерживали повстанцев.

Царское правительство уже в середине XVIII века придерживалось определенного политического курса по отношению к казахской аристократии, стремясь постепенно уничтожить ее привилегии и оттеснить от кормила управления степью. Поддерживая влиятельных представителей поколения Алимұлы в середине XVIII века, царское правительство усиливало этим феодальные междоусобицы в Младшем жузе, что облегчало проведение нужных ему мероприятий. Правда, только полстолетия спустя царская администрация решилась на ликвидацию ханской власти в казахских жузах, но и в 50-е годы оно зачастую уже не считалось с правами Нуралы-хана как верховного правителя.

Сложными были взаимоотношения Нуралы-хана не только внутри семьи и с царским правительством, но и со старшиной. В 50—60-е годы намечалось ослабление вассальных отношений между представителями знати — «белой кости» и появилась трещина в союзе ханов со старшинами, что в 70-х годах XVIII века привело к кризису ханской власти в Младшем жузе. В первые годы своего правления хан опирался на родовую знать, призывал ее к совету по всем важным вопросам, но стремление Нуралы добиться независимости от родовой знати вызвало недовольство последней и послужило причиной участия некоторых старшин в Крестьянской войне.

Но не столько разногласия Нуралы-хана с представителями фамилии Абулхаира и родовой знатью определили сложные позиции хана в движении 1773—1775 годов, сколько глубочайшее недовольство его действиями со стороны рядовых казахов-общинников, назревавшее с 50-х годов XVIII века. Стеснение кочеваний и бессилие хана добиться разрешения на пастбища по Яику вызвали массовое недовольство казахов, которые говорили, что хан «кочевья при Яике одержать не может... об их, киргиском, народе, не старается а доброжелатель-

ствуе-де только российской стороне»¹. Недовольны ханом были казахи Алчинского, Чиклинского, Чюмекейского, Каракисяцкого, Дюрткаринского, Дайжирай-Кияннского родов. Они силой хотели заставить хана прекратить связь с оренбургской администрацией и совместно добиваться разрешения на кочевья вдоль Яника. Для этого они предложили, чтобы хан в Оренбург не ездил, сына в аманаты не давал и откочевывал с ними к востоку от русских укреплений. В противном случае казахи угрожали хану, чтобы «их себе покорными не считал и Ордою своею не разумел»², и собирались ограбить его аулы³.

Царское правительство было встревожено настроением среди казахов Младшего жуза и 28 июля 1759 года приказало оренбургскому губернатору усилить гарнизоны по линии, куда были направлены 500 волжских калмыков, 200 оренбургских казаков, 100 сакмарских казаков, 1500 мишарей и башкир, подготовленных для отправки в Пруссию в 1757 году в подкрепление янцким казакам, которых насчитывалось до 2100 человек⁴. Кроме того, в целях безопасности хана разрешено было по его просьбе построить на реке Эмбе крепость «для поддержания народного и к приведению их в порядок и послушание»⁵.

Но, несмотря на явный упадок власти Нуралы-хана к 70-м годам XVIII века, его влияние оставалось еще значительным. Начавшийся кризис ханской власти проявлялся в упадке сил и влияния Нуралы, но еще не в его политической изоляции. Наметившийся разлад со старшиной и рядовыми казахами вылился во взрыв негодования против хана и окружавших его султанов лишь в 70—80-х годах XVIII века во время Крестьянской войны и в период движения под руководством Срыма Датова.

Но не частные столкновения с ханом и царскими властями, а земельный вопрос в первую очередь вызвал эти движения и обеспечивал им поддержку широких народных масс.

¹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», док. 250.

² Там же, док. 228.

³ АВПР, ф. 122/2, 1759 г., д. 3, лл. 90—94.

⁴ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», док. 229.

⁵ Там же, док. 231, 235.

Определенные разногласия существовали и среди феодальных группировок Среднего жуза, который принял российское подданство в 1740 году, когда во главе жуза стояли два крупнейших феодала — хан Абулмамбет и султан Аблай. Царское правительство, учитывая влияние Аблая на обширной территории северо-восточных и центральных районов Среднего жуза, предлагало утвердить его в звании хана. Но Аблай, не желая обострять взаимоотношения с ханом Абулмамбетом и старшинами и поставить себя в зависимость от русского правительства, отказался от этого предложения.

В 50—60-х годах усложнились взаимоотношения со старшинами и при решении вопроса о пленных, которых скопилось особенно много в Среднем жузе после похода Аблая в Джунгарию. С середины XVIII века усиливаются побеги пленных, но не в среднеазиатские ханства, а в Россию, которая отказывалась возвращать тех из них, кто принял христианство, а за остальных требовала возвращения пленных, захваченных на российской территории. Аблай при обмене пленными большую часть их оставлял в своем хозяйстве, что вызвало недовольство старшин, которые также несли ответственность за возвращение пленных¹. Определенные разногласия между старшинами и Аблаем существовали и в вопросе о кочевьях. Переговоры султана с русским правительством о кочевках на побережье Иртыша и в низовьях Ишима и Тобола были малорезультативны и не удовлетворяли родовую знать и казахов-общинников.

В 60—70-х годах XVIII века, когда Аблай находился на вершине своего могущества, он правил по-прежнему не единовластно, а в совете со старшинами. Но столкновения Аблая с родовой знатью по отдельным вопросам не прекращались, поэтому как попытку усилить свое влияние в жузе можно рассматривать его просьбу к царскому правительству в 1771 году утвердить его ханом в жузе и стремление к обособленным действиям в годы Крестьянской войны, когда с октября 1773 года он независимо от старшин начал переговоры с Пугачевым. Старшины, в свою очередь, недовольные действиями Аблая,

¹ Н. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX века, стр. 417—422.

стремились действовать самостоятельно и также пытались установить связь с руководителем Крестьянской войны, минуя посредничество султана. Восстание в Среднем казахском жузе носило только антиколониальный характер весь период Крестьянской войны и проходило под руководством феодальной знати.

Феодальная знать несмотря на внутренние распри между собой стремилась к тому, чтобы крестьяне-кочевники не вышли из повиновения. Но независимо от этого главной движущей силой антиколониальных выступлений населения в Среднем жузе являлись казахские крестьяне, которые были недовольны политикой российского самодержавия по отношению к ним. Земельные притеснения, усиливающийся гнет со стороны царизма и влияние боевых действий отрядов пугачевцев — все это, вместе взятое, переполняло чашу народного терпения и привело к восстанию в Среднем казахском жузе в 70—80-х годах XVI века.

ГЛАВА II

ХОД ВОССТАНИЯ В МЛАДШЕМ ЖУЗЕ В 1773— НАЧАЛЕ 1774 ГОДА

Начальный этап участия казахов в Крестьянской войне под предводительством Пугачева (осень 1773 года)

Казахи Младшего жуза приняли участие в Крестьянской войне под руководством Пугачева с сентября 1773 года. В исторической литературе сложилось мнение, что казахское население не сразу поддержало Пугачева, некоторую активность оно стало проявлять якобы лишь в 1774 году. Но ряд новых архивных данных дает возможность показать, что уже с сентября 1773 года казахские шаруа выступают на стороне повстанцев в районе Нижнеяицких укреплений. Здесь основной удар они обрушивают на царские крепости и правительственные войска. Нападения с целью захвата пленных и скота — пограничная барымта — также были, но они стали второстепенными.

Казахское население с первых же дней существования небольшого отряда повстанцев проявило огромный интерес к его действиям, ознакомившись в сентябре 1773 года с манифестом Пугачева. Наиболее раннее обращение Пугачева датируется 20 сентября 1773 года, в котором говорится: «Российского войска содержателя и великого государя, и всех меньших и больших уволи- тель и милосердной сопротивникам казнитель, больших почитатель, меньших почитатель же, скудных обогате- тель и всему российскому государству Петр Федорович и пр., пр. и пр.

Киргизского войска содержателю Абулхайрову, приятелю и брату моему, имянной указ, и протчим моим верным слугам. Для осторожности вам объявляю. Когда всевышний господь бог мне даст волю, то я всех вас не

оставлю и буду вас жаловать верно, нелицемерно зем-
люю, водою и травами, и ружьями, и провизантом, ре-
ками, солью и хлебом, и свинцом, от головы до ног обую.
И моим верным слугам и войскам объявить: и будет от
меня вольным и невольным всем моим, которых меня
почитающим, воля, чтоб и войска ваше не противились,
что я обиду за них стоять, також и оне б для меня, вели-
кого государя, постарали бы. Которых непослушных
казнить и ныне и впредь буду. И оное ваше в войске
генералов и бояр не послушали б. Которые прежде слу-
жили, то их могу простить, вперед они того не могли де-
лать. Кто прислать ко мне, великому государю, двухсот
человек военных людей для нынешнего войска, и вы сами
известны. Для вас неприятель, тож и для меня. В том сей
мой именной указ объявляется всем.

Российской государь Петр третьей руку приложил.

Написано при его императорском величестве 20 дня
1773 года»¹.

Каким образом отнеслись казахи к появлению на
Янке Е. И. Пугачева, как восприняли его призывы? Об
этом рассказывает сподвижник Пугачева шаруа из
Младшего жуза Карим.

Его воспоминания, в какой-то степени близкие к ле-
генде, записал с его слов в 60-х годах XIX века С. Глебов
(Гнедич)².

В эти годы он совершил ряд поездок по Нижегород-
ской, Казанской, Симбирской и Астраханской губерниям
с целью сбора материала для этнографического сборни-
ка «Приволжские инородцы». В 1868 году С. Глебов
(Гнедич) посетил Оренбургскую губернию, где изучал
быт зауральских казахов, в результате чего был издан
небольшой труд под названием «В кочевьях киргизов».
Во время этой поездки он записывал интересные предан-
ния и заинтересовался часто упоминаемым среди орен-
бургских казахов именем Карима, о котором говорили,
что он был сподвижником Пугачева и прошел с ним все
победы и поражения до разгрома армии повстанцев под
Царицыном летом 1774 года.

¹ «Пугачевщина», т. I. М.-Л., 1926, стр. 26—27.

² Глебов (Гнедич) — литератор XIX века, перу которого принад-
лежит ряд небольших сочинений, где он касается вопросов истории,
этнографии, экономики и искусства.

С. Глебов совершил двухнедельное путешествие в поисках Карима и встретился с ним на реке Ирғиз, беседовал и впоследствии издал записанный им рассказ в Санкт-Петербурге.

Воспоминания Карима являются интереснейшим источником мемуарного характера и, как все источники такого рода, имеют свои положительные и отрицательные стороны. Источниковедческий анализ записи, сделанной С. Глебовым, очень сложен. Данные, переданные Каримом, можно подразделить на две группы: первая из них включает сведения, которые не вызывают сомнения и подтверждаются другими источниками, а вторая — данные, достоверность которых подтвердить трудно, поэтому они носят более легендарный характер.

Остановимся на характеристике первой группы. Не вызывает сомнения летопись жизни Карима в 70—80-х годах XVIII века. С. Глебов оставил нам описание внешности Карима таким, каким он был во время их встречи, то есть в 60-х годах XIX века: «Карим был бодрый, здоровый старик. Ему на вид трудно было дать столетие. Чистые блестящие глаза его сверкали из-под белых нависших бровей, как яркие искорки... Своевластие в нем отражалось даже по его манере речи, которая не требовала возражений»¹.

Карим был широко известен в Младшем жузе и «уважаем всеми киргизами (казахами.— Н. Б.), потому что он любил свою Родину, не раз выступал на защиту ее против вторгнувшегося врага... Много пострадал за все это и теперь еще страдает... потому что его преследовали в степи за то, что он участвовал в бунте Пугачева»². Нам не удалось установить род, к которому принадлежал Карим. В середине XIX века он кочевал как глава большой семьи особняком, с небольшим аулом в 10 кибиток по реке Ирғиз³.

Карим в своих воспоминаниях подчеркивал недовольство, нараставшее в казахском обществе накануне Крестьянской войны в связи с усилением колониального гнета со стороны царизма. С восшествием на престол Екатерины II в 1762 году в Казахстане ожидали значи-

¹ С. Глебов (*Гнедич*). Е. Пугачев. Спб., 1900, стр. 69.

² Там же, стр. 26.

³ Там же, стр. 69.

тельных перемен: «Петра III заменила Екатерина II. В степи у нас стало бродить волнение. Все ждали чего-то нового»¹. Карим, по всей вероятности, имел в виду надежды казахов на изменение законоположений 40—50-х годов, запрещавших кочевки у Яика, Каспийского моря и в междуречье Яика и Волги, которые остались неизменными и при новом правительстве. Среди казахов продолжало расти недовольство политикой царизма: «Привычные к вольной волюшке киргизы желали в те годы оставаться свободными, жить в степи, не подчиняться никому. А между тем с Москвы на степь шло желание овладеть ею, подчинить себе, сделать ее не киргизскою»².

Карим знал о восстании яицких казаков в 1772 году и о появлении Пугачева, назвавшегося именем покойного императора Петра III: «На Яике поговаривали о каком-то царе. Его, говорят, признал один из местных казаков, бывший на Москве и видевший его там»³. Причины восстания яицкого казачества казахи трактовали по-своему, сближая с собственными мечтами: казаки, по их мнению, «также хотели своего царства в степи. Их умысел еще раньше нашего был известен самому» Пугачеву, который у них «хотел сам царствовать»⁴. Осведомленность казахского населения о событиях в Яицком городке подтверждается перепиской, которая установилась летом 1772 года между яицким казачеством и казаками Младшего жуза. Восставшее казачество просило население жуза помочь в борьбе с правительственными отрядами⁵.

После подавления восстания в Яицком городке в 1772 году казахи знали о брожении, которое там продолжалось, и о том, что казачество что-то «замышляло против Москвы» (под Москвой подразумевалось центральное правительство). Карим утверждал, что казахи с интересом отнеслись к этим планам яицкого казачества, так как «всякое дело против Москвы было для киргисца на руку». В это же время значительное влияние на настроения рядовой массы казахов оказывают широко распространенные по аулам манифесты «нового государя»,

¹ С. Глебов (Гнедич). Е. Пугачев. Спб., 1900, стр. 70.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 87.

⁵ ЦГАДА, ф. 1100, кн. I, лл. 146—147.

где «он обещал нам свои милости... обещал киргизам степь»¹.

Карим утверждал, что под влиянием вышеперечисленных обстоятельств казахи потянулись на Яик, к Оренбургу, где их разместили в слободе за Яиком. Армия пугачевцев действительно была размещена в Бердской слободе, Сеитовой Каргале и соседних с Оренбургом крепостях Татищевой, Сакмарской и других.

Прибывшие казахи не сразу были допущены к Пугачеву, сначала им предложили принять присягу, а затем уже записали в войско. О том, что вновь прибывшие, вступая в повстанческую армию, давали присягу, имеются показания переводчика Я. Гуляева, присягавшего на верность Пугачеву вместе с Сейдали-султаном².

Судьба Карима для нас особенно интересна, так как он был выделен Пугачевым из массы рядовых казахов-пугачевцев и введен им в свое ближайшее окружение. Вероятно, Карим, рассказывая о своей службе в свите Пугачева, имел в виду его личную гвардию, о которой в источниках сохранились некоторые указания³. Показания Карима дают возможность предположить, что гвардия при Пугачеве состояла не только из янцких казаков, а была пестрой по национальному и социальному составу и в нее входили те, «кто был вполне надежен, приняв присягу и доказав свою верность делу на практике»⁴. Карим вспоминает случай в одной из деревень Пензенской губернии, где местные крестьяне после расправы над помещиком просили Пугачева взять их в свиту, но он им отказал.

Гвардия, по словам Карима, распалась после поражения пугачевцев под Царицыном. Карим вместе с Пугачевым проделал весь путь от Оренбурга до разгрома

¹ С. Глебов (Гнедич). Е. Пугачев. Спб., 1900, стр. 70.

² «Красный архив». 1935, № 2—3 (69—70); ГАОО. ф. 3, оп. 1, д. 153, лл. 30—40.

³ Гвардия в армии Пугачева составляла особую боевую единицу и пользовалась некоторыми привилегиями. См.: Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. II. Спб., 1884, стр. 133—134. Всего у Пугачева в гвардии было не более 50 человек, все из янцких казаков. Гвардия несла караул у «государева дворца», сопровождала «государя» при торжественных выездах, а также во время боевых действий, в которых принимал участие сам «государь Петр Федорович». См.: «Красный архив», т. I (68). М., 1935, стр. 168.

⁴ С. Глебов (Гнедич). Е. Пугачев. Спб., 1900, стр. 87.

армии повстанцев летом 1774 года. Достоверны и соответствуют исторической действительности этапы совместного пути Карима с армией пугачевцев во время ее похода по Уралу, Среднему и Нижнему Поволжью. Карим упоминал о продвижении войска от Оренбурга к Казани, Пензе и Царицыну. Наиболее отчетливо запечатлелись в его памяти события, действительно имевшие место в Казани и под Царицыном. Красочно и с большой подробностью описывал он эпизод покушения на жизнь Пугачева в Казани, пожар и грабежи в городе и вынужденное отступление повстанцев из крепости под напором правительственных войск. Карим запомнил слова Пугачева перед уходом из Казани: «Здесь нам нечего делать, пойдемте дальше, там, может быть, для нас будет счастья больше. А здесь нечего оставаться»¹.

Скитания Карима после поражения Пугачева под Царицыном отражают судьбы многих повстанцев, избежавших плена. Карим рассказывал о себе: «Я едва ли не один избег плена под Царицыном. Все наши киргизы пропали без вести. Но я, пробравшись в калмыцкую степь, потом на рыбацких судах Каспийского моря переплыл на Яик и оттуда ушел в степь, где потом и попал к хивинцам и остался там 20 лет», откуда бежал, долго скрывал «от всех свою личность, но потом обнаружил ее. Да, это уже и было безопасно, потому что на Руси тогда славно царствовал Николай 1»².

В своих воспоминаниях Карим не отрицал присутствия казахских отрядов в армии Пугачева. Не упоминая об их количестве, он подробно рисовал настроения казахов-пугачевцев во время длительного похода с войском повстанцев, которые сомневались, если Пугачев у казаков «хотел сам царствовать, на кой же прах им потребовалось тогда идти на Оренбург, Уфу, Казань, Пензу, если они задумали царствовать в степи? Ну и царствовали бы. Так нет же, вот пошли на крепости, стали их брать и к себе присоединять.

Степные-то крепости, правда, нам (казахам.— Н. Б.) пужны были; важен также был и Оренбург³, где мы думали основать главную киргизскую крепость. Но Казань,

¹ С. Глебов (Гнедич). Е. Пугачев. стр. 88.

² Там же, стр. 76.

³ ГАОО, ф. 1, д. 180, л. 248; ф. 3, д. 153, лл. 30—40.

Уфа и Пенза — нам совсем не нужны были»¹. Данное высказывание рядовых казахов очень правдиво, оно отражает одну из характерных черт Крестьянской войны — локальность движения, узкое, местное понимание повстанцами общих целей борьбы, о котором Карл Маркс говорил: «Крестьянская... масса никогда не выходила за пределы ближайших местных отношений и связанного с ними узкого местного горизонта»². Не вызывает сомнения уважение и любовь, с которыми казахи-пугачевцы относились к своему предводителю, называя его в своей среде «нашим Петрусем».

Казахи с доверием относились к тому, что Пугачев выдавал себя за императора Петра III. Для них «новый государь» был символом новых преобразований, которые уничтожат старые, ненавистные порядки.

Царистские иллюзии трудящихся казахов ничем не отличались от наивной веры русского крестьянства в «хорошего царя», что являлось выражением их слабой сознательности, неспособности отказаться от уже существующих форм управления, мешало созданию повстанцами четкой политической программы.

Если высказывания Карима о настроениях рядовых казахов в период Крестьянской войны и его биографии, несмотря на отсутствие в ней хронологических рамок³, не расходятся с исторической действительностью и не вызывают сомнения, то рассказ Карима о Пугачеве требует сугубо осторожного подхода. Описание Каримом внешности Пугачева не имеет особых расхождений с портретными зарисовками, сделанными другими современниками руководителя Крестьянской войны: «Человек этот был среднего роста, крепкого сложения, красивый на лицо; носил он среднюю бороду, был одет по-казацки... Властные распоряжки его внушали мне уважение к нему. Это было похоже на то, что он мог отвечать своему имени. Его влиятельный вид подчинял нас себе».

Очень трудно проверить достоверность указаний Карима о том, что Пугачев знал казахский язык⁴. Эту вер-

¹ С. Глебов (Гнедич). Е. Пугачев, стр. 87.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 347.

³ Отсутствие хронологических рамок в воспоминаниях Карима возможно объяснить существованием местного летоисчисления, основанного на периодическом повторении двенадцатилетнего цикла.

⁴ С. Глебов (Гнедич). Е. Пугачев, стр. 78.

сию мы можем взять только в качестве гипотезы, в подтверждение которой можно выдвинуть лишь данные косвенного порядка.

Возможно, Пугачев и был знаком с одним из тюркских наречий, дававшим ему возможность объясняться с татарами, башкирами и казахами. От природы он был наделен недюжинными способностями, и вероятно, что за время своих скитаний по Оренбургским степям он освоил определенный комплекс слов, необходимый для разговорной речи. Наличие в ставке Пугачева переводчика восточных языков не опровергает предположения, толмач был необходим, если учесть, что руководитель повстанцев не умел ни читать, ни писать. Точно установлено, что ряд полковников в армии восставших знали татарский язык, например Петр Хрипунов¹.

Карим, указывая, что Пугачев «хорошо руководствовался» в казахском языке, подчеркивал, что чаще он говорил по-русски², а иногда «переходил на неизвестный нам тогда язык малорусский»³. Эти детали в воспоминаниях Карима заслуживают внимания, показывают его стремление не преувеличивать факт, а реально отображать действительность. И свое упоминание о знании Пугачевым казахского языка Карим дал не специально, а лишь к слову, когда вспоминал о разговорах последнего со старейшинами и рядовыми казахами-повстанцами. Пугачев «беседовал с нами по-киргизски. Он в этом случае был с киргизами очень прост. Обходительность его с нами была поразительно легкая. Нам это казалось более чем странным, так как мы привыкли к серьезному обращению с нами начальства... Когда ему нужно было воодушевить киргизов в задуманном им деле, тогда он постоянно обращался к нам с такой речью: «Мой возлюбленный народ! Бог избрал тебя для моего дела потому, что ты любим им, что твое великое будущее впереди... Я надеюсь на вас, как на самого себя; я уверен в вас, что вы мне станете служить верой и правдой, что не измените присяге, которую принимали мне»⁴.

Интересны подробности, сообщенные Каримом, о взаимоотношениях казахов с Пугачевым в повседневной

¹ ГААК, ф. 1, оп. 6, д. 99, лл. 81—94.

² С. Глебов (Гнедич). Е. Пугачев, стр. 75.

³ Там же, стр. 82.

⁴ Там же, стр. 80, 82.

жизни армии повстанцев. Пугачев в письмах-обращениях к казахскому народу обещал за помощь добычу, полученную в сражениях¹. Карим подтверждал, что Пугачев сдержал свое обещание: «От предстоящего набега нашего на соседние земли он обещал всю добычу нам. Он так и сделал потом, когда мы стали брать города: Оренбург, Уфу², Казань, Пензу³ и другие».

Казахские отряды, являясь боевыми единицами в армии Пугачева⁴, по словам Карима, в промежутки между сражениями и походами были предоставлены самим себе и вели образ жизни, близкий к их повседневному: «У киргиза в обычае пользоваться чужой собственностью. А это не киргиз, который не ходит в степь на добычу. Нам было все позволено делать. Петрусь нам не запрещал ничего. У меня, говорил он, все вольные люди. Только знай меру этой воле. А то не пощажу! Говорит, если вы что против меня задумаете, спуску не будет, а если против врагов моих,— то делайте, что хотите»⁵.

Сложнее всего оказалось подвергнуть проверке ту часть воспоминаний Карима, где он утверждал, что Пугачев до начала Крестьянской войны в сентябре 1773 года долго жил в Казахстане и лично подготавливал здесь восстание⁶. Это утверждение граничит с легендой. Крестьянская война 1773—1775 годов была по составу участников многонациональной, что подчеркивает общность причин, вызвавших взрыв, единое стремление уничтожить феодальный и национальный гнет. Пугачева ждали не только на Яике и в Поволжье. Казахам, мечтавшим о земле и воле, также нужен был Пугачев. Утверждение Карима, что Пугачев накануне восстания жил в казахской степи, представляет огромный интерес не только как факт, подтвердить который пока не позволяют имеющиеся у нас архивные данные, но и заслуживает при-

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 3, л. 70.

² Упоминая о походе пугачевцев на Уфу, Карим, по-видимому, имел в виду отряд Чики-Зарубина, который действовал в этом районе Башкирии. По всей вероятности, в отряде Чики-Зарубина были казахи, от имени которых и говорил Карим. В мемуарах нет указаний, что Карим лично был под Уфой, что противоречило бы исторической действительности.

³ С. Петров. Пугачев в Пензенском крае. Пенза, 1936, стр. 55.

⁴ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 153, лл. 30—40.

⁵ С. Глебов (*Гнедич*). Е. Пугачев, стр. 78.

⁶ Там же, стр. 73.

стального внимания как отражение процесса последующего осмысления рядовыми казахами событий Крестьянской войны.

Движение, охватившее Казахстан в 1773—1775 годах, только на отдельных этапах имело организационную связь с армией повстанцев и ее направляющим центром, отсюда и рождается естественное стремление народа в полубылях и полупреданиях усилить свою близость к Пугачеву, видеть в нем не только руководителя Крестьянской войны, но и лично своего предводителя, заинтересованного в казахам, в их помощи.

Можно предположить, что Карим в той части своих воспоминаний, где подчеркивает близость Пугачева к казахам, отходил от исторической действительности и отдавал должное представлениям, которые прочно сложились у его соплеменников о руководителе восстания. Тогда становится ясным подчеркивание Каримом восточных черт и привычек у Пугачева. «Долго живя в Киргизской степи, наш Петрусь узнал и все обычаи страны. Он, например, без ковра никогда не садился в своей палатке на землю. Эти обычаи киргиз он соблюдал очень строго... обедал на разосланном ковре. При этом у него играла за обедом киргизская музыка. Сложных блюд за обедом он не любил, ел только салму (род нашей лапши), жареную конину и жареную баранину... Сейчас было видно, что он, должно быть, долго жил в степи и совсем сроднился с нею»¹.

Как стремление подчеркнуть близость Пугачева к казахам можно рассматривать рассказ Карима о том, что Пугачев, «долго живя в нашей степи... сошелся с одной киргизскою и начал жить с нею, как с женой своей. Та, говорят, возымела на него большое влияние и он отсюда стал расположен в пользу киргизов... Но это была не одна его жена... Он жил в степи по образу магометанина. Имея несколько жен, он обещал им хорошее будущее... Но что это было такое, он еще не говорил прямо»².

Мы попытались проанализировать наиболее интересные, с точки зрения изучаемого нами вопроса, части мемуаров пугачевца Карима.

При всей своей противоречивости воспоминания Ка-

¹ С. Глебов (*Гнедич*). Е. Пугачев, стр. 75.

² Там же, стр. 73.

рима — это интересный документ, проливающий свет на отношение казахов шаруа к Крестьянской войне, к ее руководителю. Кроме того, в мемуарах, как в зеркале, отражается процесс осмысления казахами событий Крестьянской войны в последующие десятилетия, показывается, какой глубокий след в памяти народа оставили годы совместной борьбы с армией Пугачева против колониального гнета царизма.

Кочевой образ жизни казахов не изолировал их от основных событий эпохи, они в общих чертах знали о том, что происходит в России. Так, казахи знали об антиправительственных выступлениях яицких казаков и сочувствовали им. Об аналогичных настроениях среди казахов говорил 3 мая 1774 года на допросе Иван Маматов, который был при Пугачеве тайным секретарем под именем Ивана Соколова. Он сообщил содержание одного из писем, посланных казахами Пугачеву. Казахи Младшего жуза обращались к руководителю восстания: «Что ежели он возшел на престол, то они ему рады и ожидают его благополучных успехов, почему и они бес помощи своей для завоевания Москвы и Петербурга не оставят»¹.

Казахские шаруа уже задолго до начала восстания определили свое отношение к Нуралы-хану и крупнейшим представителям рода хана Абулхаира. Они ненавидели их за присвоение лучших пастбищ, частые незаконные грабежи и поборы, связь с ненавистной царской администрацией и единодушно поддерживали осуждение Пугачевым Нуралы-хана и Айчувак-султана за то, что «неразумно усердствуя, России своих поданных приводят к разорению незаконно, за что они им будут казнены, а вместо того введен быть имеет им в то ханское звание и власть»² сын Дусалы-султана — Сейдалы. Рядовые казахи ожидали, что с победой Пугачева и новым ханом, который отстаивая интересы казахов, будет независим от царской администрации, они сумеют найти «лучшее счастье на земле». Но общие цели борьбы казахам были неясны, хотя они и стремились понять их. Шаруа Младшего жуза Жалкандар Байтемиров, обрисовывая настроения рядовых кочевников в начале восстания, отмечает, что многими владели сомнения, так как еще кон-

¹ ЦГАДА, ф. 349, 1774 г., д. 8/7257, лл. 11—12.

² АВПР, ф. 122/3, 1774 г., д. 3, л. 1.

кретно не были известны намерения повстанцев, поэтому казахи, выслушав призывы Пугачева приехать в его войско, «к тому не склонились, опасаясь, егда они там разбойникам удержаны будут, то б, за таким их отлучением, домашним их и всему имению не последовало от российской стороны истребления»¹. Казахские шаруа лучше стали разбираться в целях повстанцев с возвращением в первых числах октября Нуралы-хана с тысячным отрядом из-под Яицкого городка. Вернувшиеся казахи, будучи свидетелями начавшегося восстания, уже знали о том, что только часть казачества поддерживает царское правительство, а большинство — восставших.

Недовольные колониальной политикой самодержавия, казахи не могли не сочувствовать развернувшейся борьбе с царизмом, и поэтому, как «возвратились в дома свои, то и вымыслили, что некоторая половина яицких казаков находятся е. и. в. изменниками»². Успехи Пугачева в начале октября при взятии царских крепостей и в сражениях с правительственными войсками при широком распространении манифестов в казахской степи способствовали росту сочувствия среди населения к повстанцам. В одиночку и группами казахи потянулись к Яику, где находилась армия восставших.

Часть казахских отрядов влилась в армию Пугачева и делила вместе с ней как радость многочисленных побед, так и горечь поражений вплоть до разгрома повстанцев под Царицыном 25 августа 1774 года, но об этом будет говориться несколько позже.

Сейчас более подробно рассмотрим действия казахских отрядов, организационно не связанных с государственной военной коллегией войска Пугачева, так как они представляют значительный интерес, свидетельствуя о росте активности казахского населения под влиянием Крестьянской войны. Население Младшего жуза хорошо знало от своих посланников, специально посещавших лагерь восставших, о борьбе пугачевцев с правительственными войсками. Казахские отряды оказали большую помощь Пугачеву, косвенно и непосредственно помогая при осаде Оренбурга: не пропускали через степь к городу продовольственные обозы, вступали в сражения

¹ АВПР, ф. 122/3, 1774 г., д. 3, лл. 3—5 об.

² «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 5.

с правительственными войсками, посланными из Центральной России в помощь осажденным, и парализовывали действия местных гарнизонов, лишали их средств передвижения, угоняя лошадей, не выпускали на полевые работы, за продовольствием и водой.

Район действия самостоятельных казахских отрядов осенью 1773 года имел четкие очертания и тяготел к Верхнеяицкой и Нижнеяицкой линиям от Гурьева до Илецкого городка. Стремление казахов уничтожить военные укрепления по Яику, которые были плацдармом царизма при проведении его колониальной политики, имело ярко выраженный антиправительственный характер, целью которого было уничтожение главного препятствия на пути к жизненно необходимым пастбищам в прибрежной полосе у Каспийского моря и в междуречье Яика и Волги. Об этом памерении казахов донес атаман Никите Бородину казах Джаур, подданный Ералы-султана: «У всех кочующих ниже по Яику-реке во многих киргисцах злое предприятие есть, чтоб российские крепости и форпосты во всех местах в одно время ныне же разбить и линию открыть для того, чтоб им вольно было на внутренней стороне скот свой содержать»¹. В октябре казахи начали массовую перекочевку через Яик, которой казаки оказались не в силах воспрепятствовать². Атаман Бородин писал в Яицкий городок, что во вторую половину ноября казахи, перейдя Яик, расположились между Котельным форпостом и Гурьевским редутом «так множественно, что де через полагаемое между теми форпостами расстояние на ста семидесяти верстах едва вмещаются, оные киргисцы ездя по той внутренней стороне большими собраниями и совсем вооружены злодейские свои предерзости нападением на тамошние форпосты весьма умножают; так что де из-за них форпостным казакам и за сеном и за дровами почти выпуску не дают и на коих де нападая бьют беспощадно, грабят и в плен увозят, да и скот без остатку отгоняют, а сено казачье не только на степной, но уже и на внутренней стороне без остатку травят и жгут»³. Казахи самовольно уничтожили существовавший запрет о переходе через Яик на

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, лл. 35—38.

² Там же.

³ Там же, лл. 45—46.

русскую сторону, где находились необходимые для скота тучные пастбища. Вооруженные отряды сумели обеспечить им этот переход, вступая в сражения с казаками, стремившимися препятствовать перегону скота. Желая гарантировать и дальнейшее безопасное пребывание своих семей и многочисленного скота в междуречье Яика и Волги, казахские отряды все активнее вели наступление на степные крепости.

Первые тревожные сообщения от местных начальников об активизации действий казахских отрядов по линии относятся к концу сентября 1773 года. Уже 24 сентября комендант Красногорской крепости, видя многочисленные отряды казахов в степи, срочно просил подкрепления у атамана Сакмарской станицы Донского, и тот выслал ему на помощь 120 казаков¹. 24 сентября 1773 года многочисленный казахский отряд из Байбактинского рода напал на Сахарную крепость, после небольшого сражения казахи отступили от крепости, но при этом перебили караул из 20 казаков². Тревожные сообщения шли из Озерной крепости от коменданта Корфа, который от бежавшего из плена солдата из татар Кузара Муллакаева узнал, что в 15 верстах от города на речке Берденке казахи «в многочисленном собрании стоят с намерением напасть на Озерную крепость и разбить оную»³. Комендант Корф посылал за помощью в Воздвиженскую крепость к коменданту Дубинину, но безрезультатно: там недавно побывал отряд пугачевцев, а все дороги были перекрыты казахскими отрядами⁴. 31 сентября 1773 года подполковник Могутов сообщал в Оренбург: «Как самозванец Пугачев из Нижней Озерной в Татищеву крепость пошел, спустя три дня, казахский отряд с рек Берденки и Чесноковки напал на Озерную крепость, перебил пикеты и после сражения у крепостного вала отступил»⁵.

Наиболее упорное наступление казахских отрядов на пограничные крепости наблюдалось в ноябре — декабре 1773 года, когда армия Пугачева успешно осадила Оренбург, одержала две крупные победы над войсками генерал-майора Кара и полковника Чернышева. Восста-

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 2, л. 106.

² Там же, кн. 3, л. 172 об.

³ Там же, кн. 2, лл. 419 об.— 420.

⁴ Там же.

⁵ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 43, лл. 53 об.— 95.

нием была охвачена вся Оренбургская, частично Самарская и Пермская губернии. Работные люди большинства уральских заводов примкнули к Пугачеву. Восстанием была также охвачена и Башкирия¹.

Полковник Симонов 23 ноября 1773 года доносил Сенату о том, что «живущие в Оренбургской губернии инородцы по их тяготению к самозванцу крайне ненадежны в деле защиты... и на киргисцов ни малейшей надежды нет, но сверх того и они для линии крайне опасны»². Симонов не преувеличивал опасность со стороны казахов. Если раньше казахские отряды совершали нередко нападения на слабозащищенные селения с целью захвата добычи, то теперь они перенесли упор в своей борьбе на сильные пограничные крепости и регулярные войска. С трудом удалось отстоять Илецкий городок. Свидетелем упорного сражения между гарнизоном и казахским отрядом оказался отставной казак Иван Петров, который поставил об этом в известность 23 ноября 1773 года полковника Симонова³, и местная жительница Авдотья Ивановна, указавшая, что Илецкий городок осаждал отряд казахов из 200 человек, имевших лагерь на реке Хобде⁴. Казахские отряды держали в осаде военные укрепления к югу от Оренбурга. Симонов с тревогой пишет Рейнсдорпу в октябре 1773 года, что казахи вели осаду крепостей и форпостов от Кулагиной крепости до Гурьевского редута...⁵ 17 октября 1773 года комендант Озерной крепости Корф сообщал в Оренбург о нападении казахских отрядов на крепости Красногорскую, Ильинскую, Губерлинскую и Каракулинскую, о людских потерях в гарнизонах и угнанных конских табунах⁶.

Казахские отряды действовали не только в районе пограничных укреплений по Янку, они доходили до укреплений на Волге. 29 декабря 1773 года астраханский губернатор Кречетников поставил в известность Коллегию иностранных дел о появлении казахских отрядов у крепости Черный Яр. Отряды были так многочисленны,

¹ М. Вяткин. Емельян Пугачев. Стенограмма публичной лекции. Л., 1951, стр. 21.

² ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, л. 31.

³ Там же, л. 57; ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 167, л. 115.

⁴ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 146, л. 349 об.

⁵ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, л. 198 об.

⁶ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 43, лл. 53—56 об.

а угроза их прорыва на нагорную сторону Волги, к Царицыну, так велика, что Кречетников для прикрытия города вызвал 1000 донских казаков во главе с полковником Грековым и предупредил о приведении в боевую готовность войск генерал-майоров Потапова, Багратина, полковников Брынка и фон Дица в Астрахани и Царицыне¹.

Если казахские отряды держали в постоянной тревоге гарнизоны крупных укреплений, то можно представить, в каком состоянии находились войска небольших форпостов. Есаул Саратовцев из Зеленовского форпоста неоднократно писал в Кулагину крепость атаману Бородину, что казахи держат его гарнизон в осаде и «многолюдными собраниями каждодневно приступ чинят». Командиры с Верхних Яицких форпостов жаловались на действия казахских отрядов, которые «во всех местах путь пресекали, а с Нижних де частей давно и рапортов нет»². На основании многочисленных просьб командиров мелких укреплений Сенат в начале декабря 1773 года разрешил вывести гарнизоны в сильные крепости³. К новому году небольшие отряды покинули на произвол судьбы Яманкалинский и Зеленовский форпосты, Гурьевский редут и «от чинимых от них киргиз-кайсаков немалыми собраниями неоднократно злодейских приступов по способности вышли: первая в Баксайскую крепость, а другие — в Гурьев-городок и Тополинскую крепость»⁴. Положение гарнизонов по всей Нижней Яицкой линии было настолько сложным, что Симонов 20 ноября 1773 года вынужден был просить у Сената значительных подкреплений, основываясь на том, что «Яицкая линия тянется на 600 верст, а войска в гарнизонах малолюдны и почти все пешие»⁵. По решению Сената на пикеты у Яицкого городка и для усиления всей Нижнеяицкой линии было отправлено 300 человек. Это была значительная помощь, которую пришлось царскому правительству дать из опасений дальнейшего усиления волнений в Младшем жузе, хотя войска прежде всего нужны были осажденному Оренбургу.

¹ АВПР, ф. 122/2, 1769—1773 гг., д. 19, л. 409 и об.

² ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, л. 55 и об.

³ Там же, лл. 45—46.

⁴ Там же, лл. 198 и об., 221—222.

⁵ Там же, лл. 35—38.

Можно сказать, что осенью 1773 года приицкая степь была под контролем казахских отрядов, местные войска были не в состоянии оказывать им серьезное сопротивление, а первые и немногочисленные карательные экспедиции царское правительство смогло отправить только в декабре 1773 года. Но даже эта мера не привела к существенному изменению обстановки в казахской степи. Местные власти были вынуждены признать свое бессилие, и губернатору Рейнсдорпу оставалось только ограничиться пустыми угрозами в переписке с казахскими феодалами и в обращениях к населению казахских аулов¹.

Подводя итоги самостоятельным выступлениям казахских отрядов осенью 1773 года, можно отметить известную целенаправленность в их действиях, устремленных за небольшим исключением на военные укрепления по Нижнеяицкой и Верхнеяицкой линиям и принявшим форму упорной борьбы с гарнизонными войсками, что отличало их от пограничной барымты предшествующих лет.

* * *

Выступления казахов в начальный период Крестьянской войны можно рассматривать как народный стихийный протест против колониальной политики самодержавия. Важно отметить, что эти выступления проходили без участия крупных феодалов, занявших в большей части выжидательную позицию до 1774 года, за исключением семьи Дусалы-султана, поддерживавшего Пугачева из корыстных соображений. Ни на первом этапе, ни в 1774 году движение казахов Младшего жуза не носило антифеодального характера, проявившегося лишь в 1775 году, на что имеется ряд причин. Для их выяснения необходимо проследить позиции казахских феодалов с первых дней восстания и их отношения с руководителем Крестьянской войны.

Инициатива установления контакта повстанцев с казахами Младшего жуза принадлежала Пугачеву. Важно, что он, подготавливая восстание, пытался поднять его среди казахов через крупнейших феодалов и хана. Это объясняется тем, что Пугачев знал и учитывал влияние

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. I, д. 186, л. 234 и об.

традиций в кочевом обществе, надеялся, что через степных правителей легче будет добиться поддержки народа. Но связи Пугачева с казахскими феодалами были ограничены. Источники подтверждают личные контакты руководителя восстания с Нуралы-ханом, семьей Дусалы-султана и отчасти с правителем рода Жетыру Айчувак-султаном. Совершенно отсутствуют указания не только на сношения с Пугачевым, но и причастность к движению других султанов Младшего жуза, например Ишима и Шуралы. Если учесть, что султаны Ишим и Шуралы кочевали в районе Сыр-Дарьи, территориально удаленном от центра восстания, можно понять выбор Пугачева, установившего контакт только с теми казахскими правителями, роды которых кочевали по соседству с Яицким городком и Оренбургом.

Первое свидание Пугачева с Нуралы-ханом произошло не позднее 10 сентября 1773 года. Вероятнее всего, что Пугачев отправился на эту встречу из лагеря на реке Усихе¹, где повстанческий отряд укрывался накануне восстания, начавшегося 16—17 сентября на Толкачевых хуторах. Кочевья Нуралы-хана находились рядом с лагерем повстанцев, всего в трех верстах от левого берега Яика.

Так как обе стороны были заинтересованы в сохранении секретности, свидание произошло без огласки, тайно. Сохранился документ — «сказка» переводчика Толкачева, бывшего у Нуралы-хана по заданию Астраханской губернской канцелярии, который проливает свет на это интересное событие. Толкачев много беседовал с населением Младшего жуза, и особый интерес представляет его разговор с приближенным Нуралы-хана казахом Урманом, который был свидетелем пребывания Пугачева у Нуралы-хана и сумел описать его внешность: «Похож на бурлака, в черном худом кафтане, в шляпе, в лаптях,

¹ В начале сентября 1773 года на Таловом уме яицкие казаки окончательно признали Пугачева государем, приняли присягу и сопровождали Пугачева при переезде на хутор братьев Кожевниковых в 70 верстах от Яицкого городка, откуда, опасаясь преследований, Пугачев переезжает на реку Усиху, где и провел четыре дня. После того, как казак Петр Кочуров в пьяном виде рассказал о месте сбора повстанцев и полковник Симонов послал на реку Усиху отряд, Пугачев по совету Зарубина-Чики идет к Толкачевым хуторам, а оттуда 18 сентября — к Яицкому городку. См.: «Чтения общества истории и древностей российских». М., 1858, кн. 2, ч. 2, стр. 16—18.

лицом смугловат, борода темно-русая, возраста среднего¹. На это первое свидание Пугачев прибыл в аул к Нуралы-хану с 20 яицкими казаками. Умышленно скрыв свое имя, он поручил вести переговоры атаману, надеясь заручиться поддержкой казахов прежде, чем поднимать яицких казаков. Пугачев и его спутники жили в ауле несколько дней, занимали две кибитки, хан посылал им ежедневно баранов и кумыс. Ряд данных подтверждает правдивость описанных событий. Пугачев, уехав из аула хана, через некоторое время прислал к нему двух человек: одного «в бурке, борода черная, а другой вид, показующий молодым человеком»². Урман, который вышел вечером в степь, чтобы проверить табун, встретил их и проводил к Нуралы-хану. По дороге в аул посланцы Пугачева рассказали Урману, что император Петр III (так Пугачев называл себя) «у вас там был, только де вы его не узнали»³. Через посланцев Пугачев просил повторно Нуралы-хана о помощи, о присылке одного из сыновей и уверял, что к нему «идет помощь из Казани, из Самары и из протчих мест»⁴.

Для выяснения, действительно ли в его ауле был император Петр III, и наблюдения за ходом развивавшихся событий с посланниками Пугачева поехал мулла Забир — казанский татарин, бежавший к Нуралы-хану из Яицкого городка, когда туда прибыл с карательным отрядом генерал Фрейман. Мулла вез с собой подарки для Пугачева: «лошадь, гнедого мерина, саблю с чекан посеребренной оправою, халат бумажный»⁵, что показал на допросе казак из татар Уразгильда Аминов, встретивший муллу Забира на урочище Золотом и ездивший с ним на реку Усиху. Но 16 сентября Пугачев уже уехал отсюда на Толкачевы хутора, в старом лагере был оставлен старик Василий Плотников, который подсказал мулле, где он найдет Пугачева. Встреча произошла при урочище Кушуме у Верхнего Багданского отрога. У. Аминов, сопровождавший муллу Забира, утверждал, что к этому моменту

¹ В. Снегневский. К истории пугачевского бунта. В степи у киргиз-кайсаков, март 1774 — июль. См.: «Русская старина», 1890, т. 65, кн. 3, стр. 790—796.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 2, л. 33.

⁵ Там же.

с Пугачевым было до 500 казаков, отряд имел 15 знамен и 4 пушки¹. При свидании мулла Забир передал Пугачеву подарки и сообщил, что он прислан «поклонитца, а притом и вас (Пугачева.— *Н. Б.*) посмотреть для того, что я бывал в Москве и в Петербурге и государя видел»². Пугачев живо заинтересовался словами муллы, и между ними произошел разговор. «Что, узнал ли ты меня, что я, государь? Как не узнать? Я узнал, что ты государь. Мирали (так в тексте, а следует — Нуралы.— *Н. Б.*) де хан приказал ваше величество просить, чтоб вы написали к нему письмо»³. О разговоре муллы Забира с Пугачевым сообщает на допросе 4 ноября 1774 года в Яицком городке казак Шкваркин, он же утверждает, что Пугачеву не столько была нужна помощь Нуралы-хана, сколько для «славы такой, что ему и уже орды приклоняютца»⁴. Вернувшись, мулла Забир рассказал хану об увиденном и о том, что в ауле Нуралы в начале сентября под видом бурлака был действительно руководитель повстанцев. Это сообщение окончательно убедило хана, что «бывший при вышеупомянутом атамане бурлак в худой одежде, конечно, был он, самозванец»⁵.

Если в первый раз Пугачев посетил Нуралы-хана тайно, то во второе посещение в декабре 1773 года он прибыл в ханский аул, как подобает подлинному императору: его сопровождал большой отряд, чем он надеялся окончательно склонить на свою сторону правителя Младшего жуза. Источники о времени вторичного пребывания руководителя повстанцев в жузе указывает следующее: «Пред самым зимним временем», что совпадает с отъездом Пугачева из-под Оренбурга, где уже два месяца продолжалась осада, к Яицкому городку. О втором свидании сохранились показания двух человек: Т. Сеиткулова и Б. Умюрбаева. Т. Сеиткулов был подвластным зятя Нуралы-хана Турмамета Басурманова и кочевал с ним недалеко от Оренбурга в местечке, называемом

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 2, л. 33. Сам Е. Пугачев в показаниях на допросе в Москве указывал, что с ним был отряд в 400 человек, но без артиллерии, с которым он и подошел к Яицкому городку.— ЧОИДР, 1858, кн. 2, стр. 19.

² «Восстание Е. И. Пугачева (Сборник документов, под редакцией М. Мартынова)». Л., 1935, л. 140.

³ Там же, л. 141.

⁴ Там же.

⁵ В. Снежневский. К истории пугачевского бунта... стр. 790—796.

Атрау. Он утверждал, что глубокой осенью «от Яицка, казачьего городка, был в приезде к Нуралы-хану в числе четырехстах человек российских, чуваш, черемис, башкир, татар и калмык, называющийся российским ханом (что разбойник Пугачев), со объявлением, яко он российского царя сын»¹. Казах Байтман Умюрбаев, кочевавший вместе со старшиной Исенкубаком Джулдубаевым летом вдоль Яика, а зимой между Гурьевом и Сорочниковской крепостью, лично видел, как «пред самым зимним временем от Яицкого казачьего городка был в приезде к Нуралы-хану в числе четырехсот человек разного звания людей, яко-то: чуваш, черемис, башкир, татар, калмык, называющейся русским ханом для утверждения с ним, ханом, дружбы»². Не касаясь содержания переговоров, о чем будет сказано ниже, можно отметить разный национальный состав участников в отрядах, сопровождавших Пугачева, что наглядно по характеру отличает первый месяц Крестьянской войны, когда движение было казачьим, от последующих, когда восстание становится многонациональным. Казахи отметили эту разницу, что, без сомнения, положительно сказалось на их дальнейшем участии в Крестьянской войне.

Чтобы полнее представить содержание переговоров Пугачева с Нуралы-ханом, необходимо привлечь для исследования переписку, завязавшуюся между ними с сентября 1773 года. Первое письмо к Нуралы-хану посоветовал Пугачеву написать татарин Идыр Бахмутов, присоединившийся к отряду на реке Усьихе. Письмо было написано его сыном Болтаем³ и отправлено с У. Аминовым, сопровождавшим муллу Забира в лагерь Пугачева. Содержание первого письма следующее: «Я вам всемирнолюбивейший государь купно и всех моих поданных и прочая, и прочая Петр Федорович сие мое имянное повеление киргиз-кайсацкому Нуралы-хану для отнятия о состоянии моем сумнения сего дня пришлите ко мн(е) одного вашего сына солтана со ста человеками и в доказательство верности вашей с посланным сим от нашего величества к вашему степенству ближними нашими Ура-

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 17.

² Там же.

³ «Допрос Пугачева в Москве в 1774—1775 годах». См.: «Красный архив», т. 2—3, стр. 190.

зом Уминовым с товарищи»¹. По прибытии Аминова к хану ему было поручено передать на словах, что у Пугачева «войска до шести тысяч человек, а притом бы и он хан прислал к нему с сыном своим киргизцов до ста человек»². Поручение Пугачева не было выполнено, Аминин был схвачен у Яицкого городка.

Второе письмо было послано с муллой Забиром. О содержании этого письма на допросе в июле 1774 года сообщил его составитель яицкий казак И. Бахмутов: «Давал он хану о себе знак, что он государь Петр Федорович вступает опять на царство и что просил прислать к нему военных людей и чем можно скорее. Если же кто из его ханского владения желает ему служить, те бы к нему приезжали и за то обещал его жаловать землями и водами»³. Устно Забину было приказано Пугачевым передать Нуралы-хану: «Естли-ж он, хан, о сем верить не будет, то б приехал ко мне сам или б прислал бы сына и посмотрел, как я буду чинить на Яике нападение, и если де я Яик возьму, то допущу его, хана, с его войсками для получения добычи»⁴. Анализируя переписку Пугачева с Нуралы-ханом за сентябрь 1773 года, мы отмечаем два лейтмотива в ее содержании. Если один из них адресован лично к хану, отвечает его корыстолюбивым желаниям, то второй перекликается с идеями пугачевского манифеста к казахскому народу⁵. Поэтому переписку Пугачева с Нуралы-ханом нельзя рассматривать только как попытку договора с феодальной знатью, это была еще и возможность общения с рядовой массой казахских аулов.

Оказались ли действенными переговоры и переписка Пугачева с Нуралы-ханом? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Хан оставался верен царскому правительству, несмотря на встречу с Пугачевым. Поведение правителя Младшего жуза начинало меняться, когда возвращается мулла Забир, сообщивший, что повстанцы начинают большие действия под Яицким городком. Нуралы понимал, какую ценность для царской администрации представляет крупнейшая крепость на Яике, и знал,

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 2, л. 35.

² Там же, л. 33.

³ ЦГАДА, ф. 349, л. 26/7346, л. 12.

⁴ В. Снегневский. К истории пугачевского бунта... стр. 790—796.

⁵ «Пугачевщина», т. I, стр. 26—27.

что смелые планы и возможная победа пугачевцев могли повлечь за собой большие перемены, поэтому он «собрав из своих людей несколько войска, послал для точного разведывания и смотра к Яику»¹. Колебания хана отражает и письмо к Рейнсдорпу от 24 сентября 1773 года, где он просит разрешить возникшее у него сомнение: «Мы, на степи находящиеся люди, не знаем, сей ездящий вор ли, или реченой государь»². Попытка хана выяснить личность «нового государя» небеспочвенна, так как до него еще в 1762 году дошли некоторые слухи о насильственной смерти императора Петра III. Поэтому, когда 7 августа 1762 года в его аул прибыли поручик И. Ураков и переводчик Я. Гуляев для приведения казахов к присяге по случаю восшествия на престол Екатерины II, он пытался выяснить через них «о бывшем императоре, каким образом ево не стало»³. Не рассеял подозрений Нуралы-хана и мулла Забир. Во время поездки к Пугачеву он удостоверился, что тот был в ауле Нуралы-хана в начале сентября 1773 года, но установить его портретного сходства с императором Петром III, которого видел еще при жизни в Петербурге, он не смог.

Местная администрация постаралась развеять сомнения Нуралы и поспешила уверить его, что «новый государь», — самозванец «Пугачев, беглый казак и злодей и чтоб ему ни в чем не верили»⁴. Письмо из Оренбурга не изменило настроений Нуралы-хана, он продолжал колебаться и поддерживал отношения как с Пугачевым, так и с царской администрацией. Наиболее ярко неопределенность позиций Нуралы-хана проявилась во время первой осады пугачевцами Яицкого городка в конце сентября 1773 года. В ауле хана стояли наготове 1000 вооруженных воинов, которые крайне были нужны как Пугачеву, так и защитникам Яицкого городка. Нуралы, выжидая дальнейшего развития событий, отправил отряд к Яицку, но решительных действий не предпринимал. В письмах к Пугачеву он ограничивается обещаниями: «Сколько

¹ В. Снегневский. К истории пугачевского бунта... стр. 790—796.

² «Об участии казахов Младшего и Среднего жузов в Крестьянской войне», сост. Г. Семенюк, док. 2.

³ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», док. 250.

⁴ «Об участии казахов Младшего и Среднего жузов в Крестьянской войне», док. 3.

силы моей достигнет, непременно служить буду»¹. Одновременно хан ведет переговоры с комендантом Яицкого городка Симоновым, опасавшимся за ослабленные изменой казачьи посты на кордонной линии по Яику, что ставило под угрозу Астраханскую губернию². Но помощи от Нуралы Симонов получить не смог, так как хан ставил перед ним ряд условий. Эти притязания были незначительными, но при сложившихся обстоятельствах трудно выполнимы для Симонова. Просил Нуралы о следующем: вернуть 1050 лошадей, отогнанных башкирами Ялгай-байлинского рода у казаха Именбая; освободить джагалбайлинца Шагира Батырева, наказать убийцу двух казахов у Илецкой защиты, а также починить мост для перехода через Яик³.

Симонов, ожидая подкреплений из Центральной России и сомневаясь в верности хана, отказался от его помощи и запретил исправлять мост для переправы.

Нуралы-хан продолжал бездействовать, пристально наблюдая за действиями Пугачева во время первой осады Яицкого городка. 18 сентября 1773 года отряд повстанцев подошел к стенам крепости, гарнизон которой приблизительно состоял из 3000 человек⁴, что во много раз превышало численность небольшого отряда Пугачева, включавшего не более 400 человек⁵. Пугачевцы дважды пытались взять городок, но, не имея артиллерии, вынуждены были отступить⁶.

Нуралы-хан был подробно осведомлен от лазутчиков о неудаче Пугачева под Яицким городком, и его позицию в сентябре 1773 года можно определить как полностью нейтральную.

Несколько иных планов придерживался двоюродный брат хана Дусалы-султан. Пугачев после первой и неудачной попытки в первых числах сентября договориться с ханом отправился сразу же от него к Дусалы-султану, кочевавшему недалеко от Яицкого городка.

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 2, л. 223.

² Д. Анучин. Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара. См.: «Военный сборник», 1869, № 5, стр. 11—12.

³ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 2, л. 59.

⁴ Д. Анучин. Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара, стр. 11—12.

⁵ ЧОИДР, 1858, кн. 2, ч. 2, стр. 19.

⁶ Д. Анучин. Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара, стр. 12.

Переводчик Толкачев, специально интересовавшийся причинами, по которым Дусалы-султан примкнул к восстанию, узнал следующее: султан, не являясь прямым наследником линии хана Абулхаира, был урезан царским правительством в правах, не мог стать ханом, поэтому «по злобе ево на Нуралы-хана в том, что имеет он у себя во владении малое число кайсак, а второе — обольстясь, по лакомству своему на ево (хана. — Н. Б.) место, по истреблении его и в награждение деньгами, а более для получения себе добычи»¹ согласился с планами Пугачева. О переговорах Дусалы-султана с Пугачевым рассказывает Т. Сеиткулов — подданный зятя Нуралы-хана. Руководитель повстанцев хорошо был принят султаном и «в разорении российских городов намерение ему объявил, который в том не в чем ему не препятствовал, но еще и поощрял. Почему тот разбойник и просил Дусали-солтана, чтоб он ради самоличной видимости ево, разбойника, с российскими людьми военною рукою поступка ехал с ним, разбойником, с коим он, Дусали-солтан и ездил. Однако при нападении на казачей Яик-городок² ни с которой стороны удачи не было. Почему, отступая, разбойник от сего города и отпустя от себя Дусали-солтана в его кочевье, сам пошел ко Оренбургу»³. К этому времени, приблизительно к 17 ноября 1773 года, относится письмо-манифест на имя Дусалы-султана от Пугачева: «Божиею милостью мы, великий император и самодержец всероссийский, всемилостивейший, правосуднейший, грознейший и страшнейший, прозорливый государь Петр Федорович прежний и пр., и пр., и пр. Сим нашим высочайшим указом всем нашим верноподданным и нам истинную веру подавающим людям, а особливо в нашей верной службе находящемуся Абулхаир-хана киргискайсацкому сыну Досали-салтану, чрез сих нарочно посланных от нас посланцев, сей наш высочайший указ объявляется, дабы об оном каждому было ведомо. Если нам господь всевышний да поможет целости и благополучию, то, действительно, вы землею, водою, лесами, оружием, свинцом, провиантом, одеждою и всяким съестным

¹ В. Снежневский. К истории пугачевского бунта... стр. 790—796.

² У Короленко также есть указание на участие султана Дусалы в первой осаде Яицкого города. См.: В. Г. Короленко. Избранные письма. М., 1932, т. I, стр. 176.

³ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 17.

припасом и деньгами от головы до ног от нас снабжены и пожалованы будете, только б из вас никто ни в которую сторону не передавался, а поступали б все нам верноподданные в силу сего посланного нашего указа без проступка. А в противности поступка всех, от первого до последнего, в состоянии мы рубить и вешать, дабы никто к искушению диявольскому себя не предавал, генеральских и боярских речей не слушался. Естли же вы ныне при сем случае ко мне с двести человек пришлете, то оным мы весьма будем довольны, для того, что, как на тебя, так и на нас, злодеев весьма много, от которых да сохранит нас господь бог. Однако, напротив того, должны и мы стараться таковых ко мне склонить и покорить, для чего и сей наш высочайшей указ за подписанием нашей руки с приложением печати к вам послан. При окончании подписано: Я, великий Петр Третий, свосручно подписую»¹.

Пугачев направляет манифест лично Дусалы-султану, но по содержанию документа ясно, что написал он его для подданных султана. Содержание его также полностью перекликается с первым обращением Пугачева к казахскому народу, написанным 18 сентября 1773 года. Руководитель повстанцев надеялся, что через султана легче будет распространить это обращение в казахских аулах и поднять народ на борьбу.

Участие казахов в событиях на Нижних Яицких форпостах и у Кулагинной крепости

Несколько нарушая хронологические рамки с целью последовательности изложения и не касаясь осады Оренбурга, остановимся на событиях конца декабря 1773 года на Нижних Яицких форпостах и у Кулагинной крепости, где казахи выступали совместно с отрядами пугачевцев. Кроме того, в этих событиях принимала участие семья Дусалы-султана, что также представляет интерес, так как способствовало активизации казахов из подвластных ей аулов в событиях у Кулагинной крепости и в Гурьеве-городке.

Пугачев во время многомесячной осады Оренбурга

¹ «Об участии казахов Младшего и Среднего жузов в Крестьянской войне», док. 6.

предпринимал целый ряд мер по расширению района восстания. Он отправлял небольшие отряды на Нижние Яицкие форпосты и к Гурьеву-городку. Пугачев надеялся, что отряды будут действовать в контакте с казахским населением. Эту мысль ему подал татарин Идыр Бахмутов, посоветовавший: «Пошлите-де, ваше величество, Тангаева¹ к Нуралы-хану; он-де детина проворный, и конечно, по указу Вашему исполнит»². В письме хана Нуралы на имя императрицы Екатерины II от 15 мая 1774 года имеются дополнительные сведения об организации Пугачевым отряда в низовьях Яика, в котором, оказывается, принимал участие и султан Сейдалы, живший в Берде у Пугачева. «Дусали-солтан отправил от себя к оному Пугачеву сына своего Шандали-солтана (Сейдалы.— *Н. Б.*), а сей солтан, по приезде к нему и вступя с ним в такая же злодейския дела, послал от себя людей вниз по Яику-реке (для.— *Н. Б.*) соглашения форпостных к приезду к своему отцу, которые потому к упомянутому Дусали-солтану и ездили»³.

На допросе в Москве Пугачев подробнее рассказал о планах экспедиции в район Нижнеяицких укреплений. Атаман Михаил Толкачев и татарин Тангаев, возглавлявшие небольшой отряд, имели задание: первый — добиться содействия нижнеяицкого казачества, второй — казахов. «А как Толкачев наберет казаков, а Тангаич приведет киргисцов (ибо Дусали-салтан кочевал тогда от оного форпоста (Нижнего Стапалинского.— *Г. С.*) и Яицкого городка неподалеку), то б они и ударили на Яицкий городок»⁴. Посланцы, получив от Пугачева мани-

¹ Яицкий казак из татар Аптуш Тангаев был сподвижником Пугачева. В 1773 году он был послан из Оренбурга старшиною Бородиным для перегона скота в Яицкий городок, где на Ташлинских хуторах был захвачен отрядом Пугачева и приведен в Берду. Решив добровольно служить Пугачеву, он использовался последним для дипломатических связей с Нуралы-ханом. В декабре 1773 года Тангаев совместно с атаманом Михаилом Толкачевым сыграл видную роль в событиях на Нижних Яицких форпостах, у Кулагинной крепости и Яицком городке. В августе 1774 года Тангаев был схвачен правительственными войсками, допрошен и казнен в Оренбурге. См.: ЦГАДА, ф. 349, д. 13/7221, л. 20 и об.

² «Допросы Пугачева (в отдельной секретной комиссии)». См.: ЧОИДР, кн. 2. М., 1858, отд. 2, стр. 27.

³ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 25.

⁴ «Об участии казахов Младшего и Среднего жузов в Крестьянской войне», док. 30.

фесты, Толкачев — на русском языке для казаков, а Тангаев — на татарском для Нуралы-хана и Дусалы-султана, отправились в путь. Их сопровождал небольшой отряд: «два человека ис татар да два из российских казаков и находящегося при нем, злодее, Досали-салтанова сына Сандали, солтанова товарищей три человека, всего семь человек»¹. Прежде всего Толкачев и Тангаев отправились в аул к Нуралы, где вручили ему манифест от Пугачева и, желая произвести впечатление на хана, сообщили ему о взятии повстанцами Оренбурга и Яицкого городка. Но осторожный хан, «известясь от одного кайсачинина, которой в числе вышеописанных кайсак трех человек, как о невзятии Оренбурга и Яика, так и о притомлении ево, злодея, лошадях и о пешестве их»², отказал Тангаеву и Толкачеву в помощи. Пугачев на допросе в секретной комиссии об этом сообщил коротко: «Тангаев хотя у Нуралы-хана и был, однако-ж помощи ко мне никакой не прислал»³. После неудачной поездки к Нуралы-хану отряд Тангаева и Толкачева разделился. Атаман «возвратился вверх Яика в Кулагинской, Атаканской форпост и собрал к себе в разных местах в партию яицких казаков около тысячи человек и несколько пушек»⁴. Татарин Тангаев поехал в аул к Дусалы-султану, но в пути был схвачен на Мергеньевском форпосте отрядом есаула Кочемасова, и решено было под конвоем из 23 казаков везти его в Яицкий городок. Но в пути произошли непредвиденные обстоятельства, о которых Кочемасов написал 23 декабря 1773 года Симонову. Тангаев по пути в Яицкий городок сумел склонить конвой на свою сторону, уверив казаков, что «Оренбург злодеями взят и следует он (Пугачев.— Н. Б.) в Яицкий городок, а он де с киргисцем из толпы их послан степною стороною в числе двух тысяч человек, под предводительством казака, называемого ими атаманом, Толкачева, на Нижние Яицкие форпосты, для забрания с них тутошних казаков же и находящихся на оных походных казачьих атамана Бородина и подполковника Приказчикова и других, а коим в том препят-

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 27.

² Там же, док. 13.

³ «Допросы Пугачева (в отдельной секретной комиссии)». См.: ЧОИДР. М., 1858, кн. 2, отд. II, стр. 27.

⁴ «Об участии казахов Младшего и Среднего жузов в Крестьянской войне», док. 25.

ствовать, переказнить»¹. Казаки отпустили Тангаева, а посланных от Симонова казаков утопили. Тангаев добрался до Мергеньевского форпоста, где к нему присоединились сопровождавшие его от Оренбурга трое казахов, и вместе они прибыли в аул к Дусалы-султану и передали ему манифест. Дусалы, уже принимавший личное участие в событиях под Яицким городком, немедленно собрал отряд и отправился на Яик. Об этом Пугачев узнал из письма Дусалы-султана в конце ноября 1773 года². Из аула Дусалы-султана Тангаев с отрядом казахов во главе с Мирзалы-султаном, сыном Дусалы, направился к Кулагинной крепости³. Видимо, заранее Тангаев и Толкачев договорились о встрече у этой крепости, где была ставка атамана Никиты Бородина. В конце декабря отряд Тангаева и Мирзалы-султана объединился с тысячным отрядом казаков Толкачева и затем, атаковав Кулагину крепость, «казаков к злодею склонили. Будучи ж на тех форпостах, старшину Бородина, толмача Лобинова повесили; полковника, прикащика и других послушных старшин пять человек, в том числе священника Давыдова, утопили в воде»⁴.

После занятия Кулагинной крепости объединенный казачье-казахский отряд запер ворота и некоторое время находился здесь, пока не были сосредоточены и подготовлены силы для похода на Яицкий городок⁵. Набрав достаточно сил и подчинив себе Нижнеяицкие форпосты и Кулагину крепость, отряд Толкачева и Тангаева отправился к Яицкому городку⁶. При подходе к крепости 29 декабря 1773 года повстанцы одержали внушительную победу над 80 казаками со старшиной Мостовщиковым, которые по заданию коменданта Симонова пытались остановить их продвижение к Яицкому городку. Во время сражения 60 казаков перешли на сторону повстанцев, 20 было взято в плен. В этом бою казахи сражались плечом к плечу с восставшими казаками⁷. Население аулов

¹ П. Рычков. Осада Оренбурга. Ч. V, § 72. См.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. IV, ч. 2. М., 1891, стр. 57—213.

² «Пугачевщина», т. I, стр. 170—171.

³ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 15.

⁴ ЦГАДА, ф. 349, д. 13/7221, л. 20 и об.

⁵ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 29.

⁶ ЦГАДА, ф. 349, д. 13/7221, л. 20 и об.

⁷ Н. Дубровин. Пугачев под Оренбургом. См.: «Русский вестник». М., 1883, № 6(168), стр. 203

Нуралы-хана, султанов Дусалы и Айчувака, близко к сердцу принимавшее содержание манифестов Пугачева, поддержало отряд Толкачева и Тангаева и оказало им действительную помощь в районе Нижних Яицких форпостов. Симонов писал 18 декабря 1773 года Рейнсдорпу, что подданные Айчувак и Дусалы «чинят великия злодейства, то-есть: скот весь отгоняют, людей убивают и, захватывая, увозят, форпосты жгут и ко крепостям делают приступы»¹. Поэтому против казахов на Нижнеяицкие форпосты было отправлено 200 яицких казаков с сотником Дмитрием Логиновым.

Рядовое население казахских аулов было на стороне восставших. Интересно проследить, какое участие приняли в событиях на Нижних Яицких форпостах представители феодальной верхушки. Экспедиция Толкачева и Тангаева вызвала вспышку династической борьбы в Младшем жузе в декабре 1773 года. Дусалы-султан, выступивший из корыстных соображений на стороне Пугачева, сумел добиться поддержки его в вопросе о ханском престоле. Участвуя еще в сентябре 1773 года в осаде Яицкого городка, он не отказал повстанцам в помощи при взятии укреплений южнее Яицкого городка. Сын Дусалы-султана Мирзалы вместе с Тангаевым возглавил казахский отряд и привел его к Кулагиной крепости, участвовал также и в ее покорении. Сам Дусалы не участвовал в событиях у Кулагиной крепости, но оказал существенную помощь отряду. Для того, чтобы поддержать отряд, укрывшийся в Кулагиной крепости, и привлечь на его сторону местное казахское население, Дусалы-султан приказал своим подданным всех неповинующихся Пугачеву захватывать и убивать². Стремясь парализовать враждебные действия Нуралы-хана, Дусалы-султан убедил его в том, что Пугачев, взяв Оренбург и Яицк, идет с войском в Гурьев-городок. Хан, поверив ложным сведениям, спешно покинул этот район. Неудачей окончилась и попытка Нуралы действовать против казахско-казацкого отряда Толкачева и Тангаева, который поддерживало местное казахское население. Хан оказался даже бесильным наказать Мирзалы-султана за убийство атамана Бородина. Этому помешали казахи-повстанцы, «страшая

¹ П. Рычков. Осада Оренбурга... стр. 57.

² ЦГАДА, ф. 1100, кн. 9, л. 315 и об.

убитием из ружей», они заставили хана спешно уйти к Оренбургу¹.

Нуралы принял сторону царского правительства в соображениях у Кулагиной крепости по ряду соображений. Прежде всего, он знал о решении Пугачева в случае победы лишить его ханского престола, что усилило стремление Нуралы заручиться поддержкой России. Кроме того, для Нуралы атаман Бородин был не просто одним из военных начальников на линии, через него он поддерживал сношения с Оренбургом и Яицким городком, получал указания. Нуралы был в дружеских отношениях с Бородиным. Накануне убийства он гостил у него в Кулагиной крепости², что могло вызвать подозрения в его причастии к убийству. Стремясь оправдаться, Нуралы-хан, получив предписание из Яицкого городка «форпосты, на которых люди пришли в согласие к Пугачеву, разорвать, а полученной добычи остаться у нас», поспешил сформировать и отправить отряд на Нижнеяицкие форпосты. Но казахи в отряде перешли на сторону восставших³.

Выступление казахов на Нижних Яицких форпостах и Кулагиной крепости можно рассматривать как массовое антиправительственное выступление под руководством феодалов, стремившихся использовать движение народа для решения династического вопроса.

Участие казахов во второй осаде Яицкого городка в событиях в Гурьеве-городке

Вторая осада Яицкого городка⁴ последовала вскоре после удачных действий отряда М. Толкачева и А. Тангаева на Нижнеяицких укреплениях и в Кулагиной кре-

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 25 и 15.

² Там же, док. 29.

³ Там же, док. 27.

⁴ Яицкий городок в 1771 году, по описанию академика Фалька, представлял сильное укрепление «на правом берегу реки, загражден выше устья Чагана земляным валом и содержит с форштадом до 3000 небольших и худых домов, одну каменную и две деревянные церкви. В самом городе находилось 4000 казаков, состоявших на службе». См.: «Полное собрание ученых путешествий по России». СПб., 1824, т. VI, стр. 220.

пости, откуда Пугачев получил рапорт о происшедших событиях. Имея благоприятные известия с Нижних Яицких форпостов и одержав две значительные победы над генерал-майором Каром и полковником Чернышевым, Пугачев решился на вторичную попытку захвата Яицкой крепости. В случае победы в руки повстанцев перешел бы второй по стратегической значимости пункт в губернии, кроме того, в этом были заинтересованы и яицкие казаки, семьи которых оставались в городке¹. В конце декабря, после крупного сражения с правительственным отрядом старшины Мостовщикова, отряд Тангаева и Толкачева подошел к Яицкому городку. Население пригородов поддерживало повстанцев, и с его помощью была взята жилая часть крепости, за исключением каменного Кремля, где укрылся с войсками комендант Симонов². Об этом событии Тангаев сообщил на допросе в следственной комиссии 31 августа 1774 года немного: «Вошли в Яицкий городок и с помощью бывших во оном под командою полковника Симонова в ретранжементе воинскую команду атаковали и держали по самое прибытие в городок генерал-майора Мансурова»³. Положение отряда в городке было нелегким, поэтому в рапорте Пугачеву⁴ Толкачев просил о присылке артиллерии. Отправив 50 человек с 3 орудиями под командой Андрея Овчинникова, руководитель повстанцев 7 января 1774 года сам прибыл к Яицкому городку⁵. Дважды Пугачев подготавливал и проводил штурм «каменных палат», где укрылся с отрядом полковник Симонов, но безуспешно; не помогли и тщательно подготавливавшиеся взрывы укреплений. Получив известие о наступлении правительственных войск по Самарской дистанции, Пугачев вынужден был уехать к Оренбургу. В Яицком городке были оставлены атаманы Каргин и М. Толкачев с отрядом. Они должны были подготовить и провести третий штурм Кремля, который так и не состоялся, так как к городку подошли правительственные войска генерал-майора Мансурова. Повстанцы

¹ В. Мавродин. Основные проблемы Крестьянской войны в России 1773—1775 годов. «Вопросы истории», 1964, № 8, стр. 73.

² Н. Дубровин. Пугачев под Оренбургом, стр. 203.

³ ЦГАДА, ф. 349, д. 13/7221, л. 20 и об.

⁴ «Пугачев в Нижнем Поволжье. Документы». Сталинград, 1937, стр. 23.

⁵ «Красный архив», 1935, т. II—III (69—70), стр. 204.

вынуждены были снять осаду крепости и увести свои войска к Оренбургу¹.

Рядовые казахи, добровольно присоединившиеся к отряду Толкачева под Кулагинной крепостью, вместе с повстанцами участвовали в штурме яицкого Кремля. По всей вероятности, со снятием осады Яицка часть их вернулась в свои кочевья, остальные пошли к Оренбургу.

С отъездом Пугачева Нуралы-хан решается помочь осажденному в Кремле отряду Симонова, который обещал отдать ему в награду всех захваченных в сражениях пленных². Второй и не менее важной причиной, заставившей Нуралы-хана действовать, было стремление поскорее обезвредить своего соперника Дусалы-султана³.

Ханом был отправлен отряд в 1000 человек, командовали им его дети султаны Ишим, Пиралы, Мухамедали, Бекгали и сын Айчувак-султана Шабак⁴. Отряд, несмотря на сильные морозы и глубокий снег, упорно пробирался к Яику. Но постепенно среди рядовых казахов нарастали колебания, чему способствовали письма и гонцы от Дусалы-султана о взятии Оренбурга. Тактическая хитрость Дусалы удалась, хотя руководители отряда не поверили сообщению, но часть казахов заколебалась и вернулась в свои аулы. Оставшаяся часть во главе с султанами из дома Абулхайра добралась до Яицкого городка, но не решилась действовать, так как через пойманного пленного узнала: «Яицкий городок взят, комендант атакован и жители оногo к нему склонились и для того дети мои многих склонившихся к нему, Пугачеву, убили и в плен взяли, а потом, по невозможности, в рассуждении глубокого снега, продолжать походов, возвратились в дома»⁵.

Казахский отряд так и не начал активных действий против повстанцев, так как первые же сражения с ними показали бесцельность попытки пробиться в Кремль через городок, жители которого были на стороне восставших. Султаны, посоветовавшись, решили вернуться в ста-

¹ ЦГАДА, ф. 349, д. 13/7221, л. 20.

² «Об участии казахов Младшего и Среднего жузов в Крестьянской войне», док. 19.

³ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 27; АВПР, ф. 122/1, 1774 г., без номера, лл. 1—4.

⁴ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 27.

⁵ Там же, док. 25.

рые кочевья, откуда вместе с Нуралы-ханом начали перекочевку в отдаленные от восстания районы степи¹, где легче было, не рискуя, выждать, когда проявятся обстоятельства под Яицком и Оренбургом. Свою откочевку Нуралы-хан оправдывал отсутствием военной помощи со стороны царского правительства и отказом дать ему артиллерию². В событиях у Яицкого городка Нуралы-хан уже открыто выступил на стороне правительства, в то время как народные массы поддерживали восставших.

* * *

События в Гурьеве-городке хронологически совпадают со второй осадой Яицкого городка и произошли в начале января 1774 года. К Гурьеву-городку Пугачевым было отправлено 200 казаков на помощь местному гарнизону, который готовился поднять восстание против своих начальников. Сохранился интересный материал о сочувствии и помощи казахского населения восставшему гарнизону крепости и о действиях Дусалы-султана, сумевшего обеспечить беспрепятственный переход отряду пугачевцев, который шел на соединение с восставшими гурьевскими казаками. В период гурьевского восстания к Нуралы-хану был отправлен для переговоров из Астраханской губернской канцелярии переводчик А. Алтышев. В январе 1774 года он написал отчет, в котором подтвердил общее сочувствие казахского населения к восставшим. Казахи контролировали весь район, прилегавший к Гурьеву. Один из отрядов в 24 человека преградил дорогу А. Алтышеву, когда он был в 100 верстах от крепости, и отказался пустить его туда, заявив: «Ежели намерен ехать в Гурьев, то они канвою не дадут, а когда к хану, то проводят»³.

Рейнсдорп также подтверждает заявление переводчика Алтышева и утверждает, что в начале января все дороги к Гурьеву-городку «были заперты» казахами⁴. Помощь казахов повстанцам определила события, так как через Волгу, еще не покрывшуюся крепким льдом, посланный из Астрахани на помощь прапорщику Мякиши-

¹ АВПР, ф. 122/1, 1774 г., без номера, лл. 1—4.

² «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 15.

³ Там же, док. 18.

⁴ Там же, док. 29.

ну с ротой солдат секунд-майор Арбеков не переправился и не достиг цели¹. Казахи, не допуская к Гурьеву правительственные войска, не препятствовали продвижению пугачевского отряда к крепости. После того, как восставший гарнизон объединился с отрядом пугачевцев и получил помощь от сочувствующих им казаков из Сорочиковской крепости и редутов, в Гурьеве началась расправа с местным начальством: «Прапорщика Мякишина и другого прапорщика ж Филатова и с командою солдат изрубили досмерти... старшину Филимонова и священника да трех человек из вышеписанных солдат повесили». Были захвачены солдаты, отправленные за помощью к Нуралы-хану и Айчувак-султану. Восставшими был выбран старшиной местный казак Овдаким Труняшев, на колокольне установлен караул, а в степи разъезды². Из Гурьева Пугачеву был отправлен рапорт, который он получил в конце января. В нем повстанцы писали, что «посланная от него в Гурьев-городок партия имеющихся во оном начальников и протчих, желательных к Российской стороне, побив до смерти, по приказу его, определили свой при-смотр»³.

Посильную помощь восставшим казакам в Гурьеве оказал и Дусалы-султан. Зная о враждебном отношении Нуралы-хана к повстанцам, он, видимо, получив соответствующие указания от Пугачева, начал интенсивную переписку с ханом. В своих письмах он подчеркивает два пункта, которые смогли привести в смятение правителя Младшего жуза: победу над Оренбургом и поход калмыков, с разрешения Пугачева, против хана. Нуралы-хан действительно поверил, что «Пугачев калмык, по Волге живущих... в свою партию склонил» и идет на него с большим войском⁴, поэтому хотя и собирался разбить пугачевцев, идущих на помощь Гурьеву, но передумал. Более того, когда от прапорщика Мякишина прибыл го-нец с просьбой о помощи, Нуралы-хан даже не распечатал конверт, а свой отказ помочь гарнизону крепости объяснил недовольством задержкой жалованья из Оренбурга⁵. Благодаря умелым действиям Дусалы-султана

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 22.

² В. Снежневский. К истории пугачевского бунта... стр. 795.

³ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 25.

⁴ Там же, док. 17.

⁵ Там же.

Нуралы-хан так и не выступил против перешедшего на сторону Пугачева гарнизона Гурьева-городка.

Местная администрация была серьезно обеспокоена событиями в Гурьеве и сочувствием к ним казахов Младшего жуза. Астраханский губернатор для подавления восстания отправил к Гурьеву легкую полевую команду с полковником Лебедевым и до 300 калмыков князя Дондукова с заданием отбить Гурьев у восставших, в случае сопротивления «домы их огню предать... и сверх того, по занятии города постаратца и дале по линии на бунтующие казачьи фарпосты учинить поиски... всех злодеев забирать и в конец истреблять»¹. Придавая большое значение поддержке мятежников казахскими отрядами, Кречетников приказал «учредить ис того войска в пристойных местах фарпосты для присмотра как подбегу киргис-кайсак, так и проезда из злодейской толпы каких-либо партий... покуда от них, кайсак, опасность минуетца»². Указаний о действиях карательного соединения полковника Лебедева в источниках не сохранилось. Видимо, до снятия осады с Оренбурга в марте 1774 года правительственные войска не смогли достичь значительных успехов в борьбе с восставшими казаками на соседних с Гурьевом форпостах и казахскими отрядами, помогавшими восставшим.

Участие казахов в осаде Оренбурга с октября 1773 по март 1774 года

При описании осады Оренбурга остановимся на вопросе участия казахов в данном событии, что представляет интерес для воссоздания более полной картины длительной осады крепости.

После первой неудачной осады Яицкого городка Пугачев направил свою армию к главному городу губернии Оренбургу³. Взяв форпосты Рубежный, Генварцевский,

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 22.

² Там же, док. 24.

³ «Город сей стоит на ровном месте и укреплен регулярным крепостным строением овальною фигурую, валом и рвом с десятью целыми и двумя полубастионами... Высота крепостному валу по ровным местам 12 футов, по низким более... шириною рампар шесть сажен, глубина рва 12, а ширина 35 футов; наружная крутость оной крепости ликуется вся плитным камнем; ширина всего города... 570, а длина 677 сажен, считая по середине. Окружность крепостного строения,

Кирсановский, Иртенский, Кондуровский, Студеный и Мухранов¹ и решив не оставлять у себя в тылу опасного врага, он свернул с оренбургской дороги и подошел к Илецкому городку, где укрылся атаман Лазарь Портнов с 500 казаками.

С приходом Пугачева в городке началось брожение. Приверженцы Портнова пытались ночью спустить плоты вниз по Янку и разбить мост, чтобы не допустить переправы восставших через Илек. Но сторонники Пугачева открыли ворота городка, и повстанцы были встречены торжественно, с хлебом-солью².

До 22 сентября в Оренбурге не знали о появлении Пугачева у Илецкого городка и праздновали годовщину коронации Екатерины II. Во время бала у губернатора было получено сообщение коменданта Нижнеяницкой дистанции Елагина о взятии Илецкого городка. В Оренбурге забили тревогу, против Пугачева был послан отряд с бригадиром бароном Биловым, ему на помощь Симонов должен был выслать 6-ю полевую команду с майором Наумовым, ждали отряд из 500 ставропольских калмыков, 500 башкир и 300 сентовских татар. В это время Пугачев шел к Рассыпной, где у коменданта Веловского было всего 50 казаков. Крепость была взята, такая же участь постигла Нижне-Озерную. Билов не решился давать сражение Пугачеву у Нижне-Озерной и отступил к Татищевой, которую Пугачев после двух атак взял. Это было важной победой, так как Татищева была укрепленным пунктом, лежащим на пути сообщения Оренбурга с Самарской линией и укреплениями, расположенными по Янку. Из Татищевой Пугачев пошел к Чернореченской, а оттуда к Сакмарскому городку, захват которого делал его хозяином положения на обоих берегах Сакмары и ставил Оренбург в осадное положение, давал возможность контролировать подкрепления, которые могли идти к Оренбургу со стороны Самарской линии, Московской дороги, Верхнеяницкой линии и из Сибири, и разбивать их по мере приближения к городу. Сакмарский городок

идущи по валу, сочиняет 5 верст и 192 сажени». См.: «Новый и полный географический словарь Российского государства», ч. IV. М., 1788, стр. 27—28.

¹ ЧОИДР, 1858, кн. 1, ч. II, стр. 21.

² Д. Анучин. Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара. См.: «Военный сборник», 1869, № 5, стр. 14—20.

и лежащая на пути к нему Сентова слобода, или Каргалы, были взяты Пугачевым. 4 октября 1773 года восставшие перешли Сакмару и потянулись к Оренбургу. 4 же октября Пугачев подошел к Берде, в которой разместился его военный лагерь¹.

Гарнизон Оренбурга ко времени прихода под его стены армии восставших, включая и наскоро вооруженных жителей, составлял 2988 человек: Алексеевский пехотный полк — 134, гарнизонных — 1314, артиллерийских инженерных служителей — 82, рекрутов — 105, казаков — 467, сентовских татар — 350, прибывших из Архангельской губернии с колодниками — 40 солдат, отставных и вооруженных обывателей — 496 и 70 орудий разного калибра². На военном совете, созванном губернатором Рейнсдорпом, решено было искать спасения в обороне.

Осада Оренбурга, являвшаяся одной из ярчайших страниц Крестьянской войны, продолжалась пять месяцев. Эти события всколыхнули все население губернии и соседних районов. Армия Пугачева, состоявшая в начале в основном из казаков, разрасталась за счет притока крестьян, горнозаводских рабочих и народов Поволжья — башкир, калмыков, татар, чувашей. Пугачев уделял много внимания организации своей армии, органам ее управления. Были созданы Военная коллегия и Войсковой суд. Руководитель повстанцев знал, что успех дальнейшей борьбы лежит как в расширении района восстания, так и в укреплении и пополнении рядов его армии. Особое внимание он уделял возможности участия казахов в Крестьянской войне, потому что это сулило огромные людские резервы для его армии. Уже в сентябре 1773 года Пугачев путем переговоров с Нуралы-ханом делает попытку добиться помощи казахов. Одновременно он пытался склонить на свою сторону казахских шаруа, рассылая по аулам Младшего и Среднего жузов посланцев с манифестами, в которых от имени императора Петра III (так Пугачев называл себя) дарует казахам жизненно необходимые им землю и воду. Обращения Пугачева были широко известны в аулах Младшего и Среднего жузов и вызывали большой интерес.

¹ Д. Анучин. Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара, стр. 14—20.

² Там же.

Казахское население уже с первых дней осады Оренбурга знало о действиях повстанческой армии, ее трудностях и многонациональном составе. Но сведения о численности восставших под Оренбургом были противоречивы и явно преувеличены. Казах Младшего жуза Байулинского рода отделения Алача Уса Джайктаев на допросе 18 января 1774 года показал, что его соплеменники знали о Пугачеве, который «обретается неподалеку Оренбурга при реке Каргалы, у которого якобы имеется... войска весьма много, а сколько именно, неизвестно, и что будто в числе того войска, кроме русских, находятся калмыки, башкирцы и чуваша, также есть и артиллерия, койми покарил к себе несколько российских жилищ»¹. А казах Ахан Балбанов, подвластный старшины Сасыкбая-батыра, слышал «от своих киргизцов, что находящийся близ Оренбурга российский человек, именующий себя белым царем (что разбойник Пугачев)», имеет армию численностью от тридцати до сорока тысяч человек². Есть основания предполагать, что Пугачев в тяжелую зиму 1773 года, когда его армия особо нуждалась в продовольствии и лошадях, обращался за помощью к казахам. Пленный казах Узбак Борсыков утверждал, что в роде Байбакты были осведомлены о затруднениях Пугачева, осаждавшего Оренбург, «дабы оной взять и им овладеть, однако медлитца, к тому ж за обстоящую у него в лошадях нуждою, и подлинно известно, что за имеющимся ныне тамо великим снегом совсем по бескорнице войско его спешилось»³. Население Младшего и Среднего жузов внимательно следило за действиями повстанцев, потому что под Оренбургом сражались и казахские отряды.

Необходимо отметить, что казахи принимали участие в осаде города по ряду соображений. С победой под Оренбургом они связывали возможность основания там «главной киргизской крепости»⁴. Это обещало им скорое уничтожение линии военных укреплений вдоль Яика, открывало доступ к запрещенным царским правительством пастбищам на «внутренней стороне», то есть в междуречье Яика и Волги. «Только бы нам Оренбург взять, а прочия места все противу нас стоять не могут и все нам

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 16.

² Там же, док. 17.

³ АВПР, ф. 122/3, 1774 г., без номера, лл. 1—2.

⁴ С. Глебов (Гнедич). Емельян Пугачев, стр. 87.

подручны», — говорили казахи¹. Данное высказывание представляет значительный интерес, если его сравнить с планами Пугачева по взятию Оренбурга: «Естьли де мне удастся взять Оренбург и Яик, то я с одной конницею поеду в Казань, а по взятии оной в Москву и в Петербург»², — сообщал на следствии Г. Подуров, слышавший лично об этом от Пугачева в Берде. Видимо, длительность осады Оренбурга заставила Пугачева дать это объяснение армии и даже разъяснить возможные планы на будущее. Что касается планов самого Пугачева относительно взятия Оренбурга, то они возникли, наверное, не ранее, как при первой и неудачной осаде Яицкого городка. Возможно, он не хотел оставлять у себя в тылу сильную крепость при продвижении к Москве³, а, вероятнее всего, учитывал настроение яицких казаков, населения Башкирии и Младшего казахского жуза, крайне недовольных оренбургской администрацией.

У нас нет конкретных доказательств, но на основании активных действий Пугачева по вовлечению казахов в восстание осенью 1773 года мы можем предположить, что с успешной осадой Оренбурга Пугачев связывал массовую поддержку повстанцев казахами. Агитация Пугачева через его многочисленных посланцев в аулах Младшего и Среднего жузов способствовала тому, что казахи приняли участие в сражениях под Оренбургом, но говорить о массовом народном выступлении осенью 1773 — зимой 1774 года еще нельзя, и это объясняется рядом причин. Важно отметить влияние патриархально-родовых обычаев, в силу которых массы казахов разделили колебания с Нуралы-ханом, занявшим выжидательную позицию в первые месяцы восстания. Крестьянская война внесла изменения в исконные маршруты кочевков некоторых родов, прервала ежегодный товарообмен в Оренбурге и Яицке, что также внесло известную настороженность в отношении казахского населения к действиям пугачевцев. Порождала некоторые сомнения длительность осады.

Данных об участии казахов в осаде Оренбурга сохранилось немного, но некоторые из них представляют значительный интерес. Переводчик Ягофер Гуляев, живший

¹ «Об участии казахов Младшего и Среднего жузов в Крестьянской войне», док. 25.

² «Пугачевщина», т. II, стр. 188.

³ Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. II, стр. 128.

вместе с султаном Сейдалы при ставке Пугачева в Бердах, на допросе 15 декабря 1775 года сообщил интересные подробности об отряде казахов-пугачевцев, прибывшем из Среднего жуза. Отряд состоял из 83 человек, подчинялся одному из талантливейших сподвижников Пугачева атаману Андрею Овчинникову¹.

Непосредственно казахами руководил брат Дусалы-султана Ширгазы-султан, назначенный на эту должность не без ведома Пугачева. Казахи из этого отряда особо отличились в сражениях с царскими войсками под командованием Голицына 2 марта и 10 апреля 1774 года под крепостью Татищевой и в районе Самарской дистанции². Затем отряд сосредоточился в Илецком городке, откуда часть его с султаном Ширгазы, «видя совершенную к отпору злодеев (пугачевцев.— Н. Б.) против войск невозможность в числе протчих киргиз-кайсаков всего человеках в тринадцатни»³, ушла в степь. О судьбе остальных Я. Гудляев ничего не сообщил, так как покинул ставку Пугачева с султаном Сейдалы в марте 1774 года. О действиях второго отряда казахов также из Среднего жуза рассказывал сам Пугачев на допросе в Тайной экспедиции в Москве 4 ноября 1774 года: «Как он с толпою стоял под Оренбургом, то от киргисца Аблая гнаты были в Оренбургах 300 лошадей, 100 быков, 3000 овец для продажи,

¹ Андрей Овчинников присоединился к восставшим под Илецким городком. Позднее Андрей Овчинников возглавлял «Особую походную канцелярию», находившуюся в Илецком городке. См.: «Пугачевщина», т. II, стр. 110; т. I, стр. 142. Пугачев доверял Овчинникову и дал ему право через «Походную канцелярию» активно вмешиваться в жизнь «Большого войска» и во время боевых действий, и в повседневной деятельности при решении дел о снабжении армии. Особо Овчинников проявил себя как руководитель боевых действий под Яицким городком и Гурьевом. См.: Овчинников Р. В. Новые документы о Крестьянской войне 1773—1775 гг. в России. «Исторический архив», 1956, № 4, стр. 130—135. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 153, лл. 30—40. Участие казахов в событиях под Татищевой крепостью в марте 1774 года подтверждает также А. С. Пушкин: «...восставших было более 9 тысяч человек, а небольшая часть была и киргисцев». См.: А. С. Пушкин, Соч., т. IX, кн. 1, стр. 336.

² ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 153, лл. 30—40.

³ В марте 1774 года правительственные войска под командованием генерала А. Бибикова начали наступление на Самарской дистанции. См.: А. А. Бибилов. Записки о жизни и службе А. И. Бибилова. СПб., 1816, стр. 811. Под Татищевой крепостью армия Пугачева потерпела сильное поражение, Пугачев с остатками армии ушел в Берду, Овчинников бежал в Илецкий городок.

кон все он побрал. А как он спросил киргисцов, сколько им за все то надобно денег, то киргисцы сказали, што «нам денег не надобно, а дайте товаров». Он, Емелька, и сказал: «Товаров теперь нет, а подождите». Оные киргисцы, коих было 70 человек, остались при нем и служили во все время злодейства его при нем»¹.

Один из казахских отрядов в армии Пугачева действовал совместно с калмыками. Сохранились интересные данные о формировании этого отряда, сообщили их казахи Букунчи Бурсаков из Табуклинской волости, Янузбак и Чинет Атаев из Басантинской волости Среднего жуза. Они были свидетелями приезда 20 кубанских калмыков — посланцев Е. И. Пугачева в аул к Аблай-султану. Калмыки незадолго до прибытия в Средний жуз посетили Нуралы-хана, у которого просили помощи для осады Оренбурга, но получили ответ: «Я совсем к тому не соглашаюсь, да и подвластных своих киргис-кайсаков не посылаю, а с Россиею вы сами как начали, так и покачивайте»². Получив отказ от хана, калмыки решили вести переговоры непосредственно с рядовыми казаками и сумели уговорить их, «чтоб оне российским не продавали скота и лошадей, а ежели кто пожелает сатовать, то б приводил к ним»³. Временно покинув аул Нуралы-хана для поездки к Аблай-султану, калмыки через некоторое время возвратились и, «подговоря с собой для вышеописанной мены Алчинской волости киргисцов человек до сороку, и ехали обще до самого их собрания» под Оренбургом. В пути они сумели уговорить казахов, чтобы «в случае от России нападения им помогали, кон соглася остались у них и находились с небольшим месяц и приступали кубанцы ко оной российской крепости... да и тою крепость взять они не смогли... якоб тех кубанцев Российские войска побили... из числа согласившихся сорока человек Алчинской волости киргис побито шесть человек... а оставшие де киргисцы тридцать четыре человека будто бы и поднесь в той же кубанской партии»⁴.

Отрывочные сведения о действиях нескольких других казахских отрядов сохранились в правительственной переписке и материалах допросов различных лиц в Орен-

¹ «Восстание Е. Пугачева». Л., 1935, стр. 143.

² ГАОмО, ф. 1, д. 190, л. 248.

³ Там же.

⁴ Там же.

бурге и Астрахани. Г. Корсаков при описании осады Оренбурга предполагает, что среди пугачевцев было до 6000 казахов¹. Эта цифра подтверждается документальными данными только частично, если взять всю совокупность казахских отрядов, действовавших в районе от Яицкого городка до Илецкой защиты. Количественный состав отрядов был различен и включал от нескольких десятков до сотен человек. Достоверно известно о родовой принадлежности казахов в некоторых отрядах, бывших из родов Байулы, Байбакты, Чекли, Табын². Часть отрядов действовала непосредственно под Оренбургом. Зимой 1773 года в городе начался голод, командование оставило невывезенными продовольственные обозы в соседней разбитой Пугачевым Чернореченской крепости. Положение гарнизона и жителей было ужасным, очевидцы рассказывали, что «народ до того изголодался, что во время заковки лошадей выскребки из подковы собирали и ели»³, пуд муки стоил 140 рублей. Жители стали обращать в желеобразную массу кожи животных, высушивали это желе, обращали в порошок и пекли хлеб⁴. Пугачев надеялся, что голод сломит сопротивление защитников Оренбурга, поэтому в город не пропускались обозы с продовольствием, а жители, выходившие за крепостные ворота, попадали в плен к пугачевцам.

Казахи вместе с многонациональными отрядами армии Пугачева несли службу у осажденного города. Солдат Ефрем Корсуков, сопровождавший колодников из Астрахани в Оренбург, где его и застала блокада, во время голодной зимы 1774 года с несколькими солдатами вышел за городские ворота, «надеясь найти пропитание в подгородной Сеитовой татарской слободе». Но в сражении с казахским отрядом в 15 человек был схвачен. Казахи в отряде, как он узнал позднее, были из рода Табын⁵. Купец Семен Крестовников сообщил, что во время блокады он пытался с товаром пробраться к городу,

¹ Е. Корсаков. Пугачевщина. См.: «Историческая библиотека», № 43, стр. 23.

² ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 200, лл. 276, 463; там же, д. 170, л. 383.

³ «История Татарии в документах и материалах». М., 1937, стр. 438—440.

⁴ Ф. Делоро. Пугачевский бунт. См.: «Историческая библиотека», № 10, стр. 9.

⁵ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 170, л. 383.

но «по пути в Оренбург, под Губерлинской крепостью напали на него четыреста киргиз-кайсак Чиклинского рода»¹. Большим отрядом казахов в 20 верстах от Оренбурга в ноябре 1773 года был захвачен с товарищами местный казак Матвей Маткин. Военная канцелярия Уральского войска предупредила И. Рейнсдорпа, что под Оренбургом, на реке Енбулатовке, действовал отряд из двадцати казахов². Большое беспокойство осажденным причиняли казахи в районе, прилежавшем к Меновому двору³. Губернатор Рейнсдорп неоднократно писал об этом Нуралы-хану и просил «тех киргиз-кайсак тотчас отсель удалить»⁴. По всей вероятности, казахские отряды несли определенную службу у Менового двора по охране запасов фуража армии пугачевцев, что подтверждается следующими событиями. Окружив Оренбург, восставшие сожгли запасы сена у стен города, что привело уже в октябре 1773 года к массовому падежу скота в крепости. 18 октября по приказанию И. Рейнсдорпа была предпринята вылазка из города за фуражом. Более 1000 подвод под прикрытием военного отряда направились за Яик, в сторону Менового двора, где, видимо, находились запасы сена. Вылазка оказалась неудачной⁵, возможно, с ней Рейнсдорп и связывал действия «свирепствующих» казахов у Менового двора⁶.

Часть казахских отрядов действовала непосредственно у стен Оренбурга, другие прикрывали важнейшие подступы к крепости, неся службу на дорогах и у важнейших крепостей Татищевой, Губерлинской, Илецкого городка. Отряд казака Афанасия Устимова у Татищевой крепости был разгромлен соединением из 1500 казахов Алчинского рода. Осенью 1773 года илецкий казак Василий Кузьмин с отрядом был отправлен против казахов. Недалеко от Илецкого городка его окружили до 300 казахов, ранее нападавших на крепость. Отряд был разбит, многие

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 170, л. 463.

² Там же, д. 167, л. 201.

³ Меновой двор находился в трех верстах от Оренбурга, за Яиком. Здесь совершались крупнейшие торговые операции между русским и среднеазиатским купечеством.

⁴ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 2, л. 170.

⁵ П. Рычков. Описание шестимесячной осады Оренбурга. См.: А. С. Пушкин, Соч., т. IV, стр. 580, 586—587.

⁶ АВПр, ф. 122/2, 1763—1775 гг., д. 16, л. 596.

казаки попали в плен¹. Илецкий казак Василий Копенчин с отрядом в 30 человек был «в пугачевщину взят из-под Илецкой станицы многочисленным казахским отрядом»². В начале 1774 года у Кинделинского форпоста, расположенного по соседству с Илецким городком, был разбит 100 казахами отряд илецкого казака Степана Темного³. Отставной казак Иван Петров был захвачен в плен казахами, атаковавшими Илецкий городок. Он связывал нападение с действиями пугачевцев: казахи «намерены были после меня отвести ко известному самозванцу»⁴. Оренбургский канонир Гаврила Кнызов, прикомандированный к корпусу Билова, направлялся к Оренбургу с 10 артиллеристами, у Переволоцкой крепости на реке Самаре их захватили 100 казахов⁵. 11 октября 1774 года казахский отряд совершил нападение на Ильинскую крепость, но был отбит⁶. Пугачев, видимо, учитывал активность казахских отрядов под Оренбургом и в прилегавшей к нему степи, поэтому «окружа он Оренбург, почти всюду пресек коммуникацию, кроме одной киргиз-кайсацкой степи...»⁷.

Поднимая вопрос о казахских отрядах в армии Пугачева, мы должны отметить в ней элементы организации. В армии Большое войско составляло основу повстанческих сил и строилось по казачьему принципу, оно делилось на рода войск: артиллерию, конницу, пехоту. Казахские отряды также входили в Большое войско как определенные боевые единицы. Учитывая хорошее вооружение казахов и то, что они почти всегда были на лошадях, можно предположить их причастность к кавалерийским полкам, где, по всей вероятности, они составляли сотни или десятки. Так, казахский отряд из Среднего жуза на последнем этапе осады Оренбурга зимой 1774 года подчинялся атаману Андрею Овчинникову, возглавлявшему полк яицких казаков, вместе с которым употреблялся для дальних маршей в наиболее опасные районы, например к Татищевой крепости в марте (или феврале 1774 года). Выдвинутое предположение можно подтвердить

¹ ГАОО, ф. 3, л. 200, л. 278.

² Там же, л. 683.

³ Там же, л. 277.

⁴ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, л. 57.

⁵ ГАОО, ф. 3, л. 200, л. 275.

⁶ Д. Анучин. Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара, стр. 38.

⁷ П. Рычков. Осада Оренбурга... гл. 1, § 24.

косвенными данными, например наличием национальных сотен — марийской, башкирской — в полку атамана И. Белобородова¹.

Действия казахских отрядов были активны под Оренбургом, что очень тревожило местную администрацию. В Петербург поступали сообщения о подчиненных Нуралы-хана, Айчувак-султана, Дусалы-султана, которые «скот весь отгоняют, людей убивают и, захватывая, увозят, форпосты жгут и ко крепостям делают приступы»². Взвесив обстоятельства, царское правительство нашло необходимым в октябре 1773 года «по лежащему от Оренбурга до Илецкой защиты тракту на Донгузском и Елшанском уметах» предложить командирам, «чтоб они со своею вверенною им командою и артиллериею переехали в тое Илецкую защиту»³.

Когда под напором правительственных войск после поражения под Татищевой 2 марта 1774 года Пугачев вынужден был снять осаду Оренбурга и отступить в сторону Башкирии, часть казахских отрядов ушла вместе с ним, а оставшиеся в приицких степях «чинили живущим на Яике российским людям разные злодейства, также и накошенное сено скотом без остатку травили»⁴. С уходом Пугачева в Башкирию рядовые казахи не оставляли надежды на его скорое возвращение, чему способствовали и слухи об оставшихся в районе Яика и его притоков небольших отрядах пугачевцев, также ожидавших своего руководителя. Майор Ваганов, посланный для переговоров с Нуралы-ханом в марте 1774 года из Астрахани, слышал, как сопровождавший его яицкий казак из татар «сказывал здесь подвластным (Нуралы-хана.— Н. Б.) киргисцам о беглых из ево, Пугачева, воровской партии яицких казаков, которые-де шатаются около Яика 100 человек, да на Узенях 150 человек, да еще беглы, где и команды г-на генерала Демедема; яицких же казаков около Мергеневского фарпоста 50 человек; и разглашают о нем, злодее Пугачеве, что де он к ним в мае месяце будет сам на Яик; другой, Булатый, разглашал у него, хана, в ауле подвластным его киргисцам о Пуга-

¹ «Пугачевщина», т. II, стр. 153, 388—389; т. I, стр. 81; А. С. Пушкин. Соч., т. IX, кн. 2, стр. 785.

² П. Рычков. Осада Оренбурга... гл. IV, § 67.

³ «Оренбургские губернские ведомости», 1852, № 35.

⁴ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 16.

чево ж, что хотя-де Пугачев и разбит, но токмо это у травы посохший верх, а когда не иссохнет середина и корень, то в то время посмотрите»¹.

Упорные слухи, ходившие среди казахского населения, подвергли в сомнение даже Нуралы-хана, который во время переговоров с майором Вагановым высказал ему свои опасения, что, хотя Пугачев «у Татищевой и Сакмаре крепостях был разбит и бежал с малым числом..., однако ж уведомился-де он нынешнего дня от подвластных своих людей, которые были около Оренбурга, и видели они якобы в башкирской стороне великую пыль, и спрашивали, что это за пыль, на что им сказано, что-де это Пугачев з башкирцами идет под Оренбург»².

Опасения хана были серьезны, так как Пугачев готовился в Башкирии к новому выступлению. Поэтому майор Ваганов пытался как можно обстоятельнее доказать хану невозможность повторения событий под Оренбургом, под которым стоят регулярные войска генералов Фреймана и Голицына³.

Сомнения хана отражали колебания большинства представителей феодальной аристократии уже после поражения Пугачева под Татищевой крепостью в марте 1774 года. Каким же было поведение феодалов во время осады Оренбурга? Они не остались равнодушными к призывам Пугачева, приняли участие в событиях под Оренбургом. Но поведение их и степень участия различны, что определялось чаще всего их личными мотивами, стремлением повернуть обстоятельства в свою пользу. Нуралы-хан внимательно следил за осадой города, посылал для разведывания обстановки лазутчиков. Переводчик Толкачев, посланный в аулы Нуралы-хана для выяснения его познаний и настроений среди населения, беседовал с казахами, побывавшими по заданию хана у Оренбурга, и узнал от них, что хан был подробно осведомлен о действиях Пугачева, который после осады Яицкого городка «поехал вверх по реке Яику к Оренбургу... форпосты все раззорил, а людей склонил к себе, а потом уже, подошел под Оренбург, и его атаковал, а вблизи того Оренбурга имеющееся тамо местечко, называемое Каргалы, взял,

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 27.

² Там же.

³ Там же.

а потом и идущих к Оренбургу в помощь 500 человек башкирцев перехвата взял же к себе, а Оренбург взять не мог»¹. Позднее, 11 января 1774 года Нуралы сообщал в Астраханскую губернскую канцелярию, что прибывшие из лагеря Пугачева трое казахов сообщили ему о неудаче Пугачева под Яицким городком и что «у людей ево лошади утомлены и весьма худы, а по большей части из них пешие, и только оной злодей для сражения с тысячью человеками приехавшего полковника Чернышева з двадцатью петьми начальствующими людьми предал смерги, а прочих к себе склонил, а называемой генерал Кар з двумя тысячами войском благополучно прибыл в Оренбург»². Повышенный интерес Нуралы-хана к действиям повстанцев объяснялся его боязнью проиграть, стремлением не упустить выгод, которые ему обещали в случае помощи и царское правительство, и Пугачев, а для этого ево было не ошибиться, заранее предугадать победителя.

Пугачев с самого начала восстания различал позиции народа и хана. Его манифесты к трудящимся казахам и переписка с феодалами подчеркивают грань, которую руководитель восстания проводил между правителями и народом, обещая первым землю и воду, а вторым — личные блага. Зная, что Нуралы-хан дорожит своим званием хана, Пугачев поощряя его, заверял, что за ним останутся все привилегии правителя, и обещал в обмен за помощь в осаде Оренбурга, если возьмет крепость, «ево, хана, сделать первым человеком и начальником в Оренбурге, так и от Оренбурга в стоящих городах до самой Астрахани»³. В письме Екатерине II 15 мая 1774 года Нуралы сообщал о переговорах с Пугачевым, который из-под Оренбурга прислал ему письмо, где «требовал присылки сына моего с войском, (обещал.— Н. Б.), что он, взяв область, взойдет на престол, а мне много благодеяния покажет; также земли, воды, хлеба, деньги, порох, свинец для меня готовы будут»⁴. Стремясь подкупить хана, Пугачев решил предложить ему и более конкретное вознаграждение, «если он сие требование ево исполнит, яицких казачьих жен и детей во владение»⁵ отдать. Ну-

¹ В. Снежневский. К истории пугачевского бунта... стр. 790—796.

² «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 15.

³ Там же, док. 18.

⁴ Там же, док. 25.

⁵ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 3, л. 70.

ралы не остался равнодушен к посулам Пугачева, но имел и основания колебаться: вопрос об Оренбурге был сложен. Для хана и феодальной верхушки Оренбург был главным опорным пунктом царской администрации в губернии, отсюда поступали указания по управлению степью, здесь казахские феодалы получали жалованье за верную службу царизму и военную силу, готовую подавить любые волнения в казахских родах. Но, пожалуй, наиболее ощутимой и чувствительной для феодалов была прибыль, которую они имели от выгодных сделок в Оренбурге, где продавали в большом количестве скот. Представители феодальной верхушки особенно боялись за свою основную статью дохода, и это была одна из важных причин, почему в первые дни октября Нуралы-хан оставался верен русскому правительству и «послал во все его подвластные места, чтоб всякий был в готовности с оружием и собирались к нему, хану, для истребления оказавшегося около Оренбурга самозванца нападение; да и сверх того,— что пресек он у них оренбургскую дорожку, где они завсегда имели с тамошними оренбургскими обывателями коммерцию, да и в кочевке их чинит некое помешательство»¹. Эти же опасения Нуралы-хан высказал в переговорах с Пугачевым.

Документ правдиво отражает колебания Нуралы. Осенью 1773 года в районах у Яицкого городка и в соседних укреплениях Оренбургской военной линии действовали отряды пугачевцев, нередко происходили сражения их с правительственными войсками, гарнизонными казаками, мешавшие перекочевке аулов к зимним пастбищам. Беспокойство Нуралы усиливалось. На его исконных кочевках бушевало пламя Крестьянской войны, угрожавшее личной собственности хана. Во многих местах трава и камыши по Яику оказались выжженными. На определенное время откладывались операции по продаже скота в Оренбурге. Хан был вынужден призадуматься и во второе свидание с Пугачевым у Яицкого городка в конце ноября — начале декабря 1773 года, обещая руководителю Крестьянской войны дать в помощь казахских джигитов, если он «Яицкий городок и Оренбург оставит в покое: ибо-де и подвластной ево народ в сих

¹ В. Снежневский. К истории пугачевского бунта... стр. 790—796.

городах имеют торговлю, а протчия города предал на ево, разбойника, волю»¹. Но так как упорная осада Оренбурга и Яицкого городка повстанцами продолжалась, Нуралы-хан в письме от 10 декабря 1773 года обнадеживал Пугачева, что уже разослал по аулам гонцов, чтоб подвластные ему казахи «того ж часу, собравшись все и сев на конь, приездом поспешали, дабы соединясь обще с нами, признавая Вас за Государя, служили Вам»².

Хан действительно, рассчитывая на быстрый успех Пугачева под Оренбургом, пытался собрать ему в помощь отряд. Желкандар Байтемиров слышал об этом в подвластных хану аулах, где Нуралы, «дав об оном знать знатым людям и подвластному своему народу ехать к нему намерен был, к чему и народ свой соглашал»³. Но хана одолевали сомнения. Затягивая переговоры с Пугачевым, он одновременно вел переписку с царской администрацией, которая также не скупилась на посулы, обещала в случае помощи осажденному Оренбургу «всех их (повстанцев.— Н. Б.) злодейское имущество к себе брать, а людей живых сюда представлять, за что особливо ежели кто главного злодея поймает и представит дано быть имеет ис казны е. и. в. знатное вознаграждение, а он, солтан, особливою за сие его старание и предводительство киргисцов, знаками высочайшей е. и. в. милости награжден будет»⁴. Хан, не желая упускать из рук богатую добычу, собрал 4-тысячный отряд и во главе с султанами Ишимом и Пиралы отправился к Оренбургу с наставлением: «Во время их туда приближения смотреть сперва на обстоятельства и естли удача будет в том злодею, то оным ему вспомогать, а ежели де ему будет неудачно, тогда б уже за верноподданных стоять»⁵. В то время при отправке отряда Нуралы лживо заверил и повстанцев и правительство о том, что помощь послана тем и другим. В письме к Симонову хан даже поставил ему условие прислать из Яицкого городка 25—30 казаков провожатых до Оренбурга, хотя знал заранее, что условие это невыпол-

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 17.

² АВПР, ф. 122/3, 1763—1775 гг., д. 16, лл. 602—605.

³ Там же.

⁴ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 29.

⁵ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, лл. 35—38.

нимо, так как крепость находилась в постоянной опасности и гарнизон ее ослабить было нельзя¹. Поэтому, когда отряд в скором времени вернулся с пути, не выполнив своей миссии и не дойдя даже до Яицкого городка, Нуралы в письме графу П. И. Панину в сентябре 1774 года объяснил это тем, что продвижению войск «препятствовал тогда напавший на дорогу великий снег»². Истинной причиной возвращения отряда была затянувшаяся осада Оренбурга. В письме Рейнсдорпу Нуралы объяснил свой отказ помочь осажденному городу тем, «дабы по отлучке его, хана, некоторые киргисцы поколебаться и на худые дела обратиться не могли, а потому б не остаться ему в посрамлении от того похода»³.

Аналогичную Нуралы-хану позицию занял и Айчувак-султан. Его с двухтысячным отрядом тоже ожидали к Оренбургу и Яицкому городку. В конце ноября, не дождавшись помощи, Рейнсдорп дважды писал хану и султану, но так и не дождался ответа⁴. В декабре Айчувак-султан все же подошел с отрядом к Оренбургу и остановился в 20 верстах от крепости на реке Донгуз, но «как стали его призывать, он вместо нападения на злодея учал набегу делать к крепостям и причинил немало вреда»⁵. Ближе к весне, примерно в феврале, Нуралы отправил к Оренбургу второй отряд с той же задачей, что и первый, во главе которого были Айчувак-султан и ханские дети Мухамедали и Джиналий. Сам Нуралы-хан в походе не участвовал, сославшись на перелом ног. В пути отряд получил известие о разгроме армии Пугачева генерал-майором князем Голицыным. Пугачев, убедившись в лживости обещаний хана, пообещал, что «сам к нему, Нуралы-хану, ради истребления его, хана, и брата его Айчувака, будет со своими силами»⁶. Поэтому Нуралы и Айчувак перегнали свой скот через Яик и прикочевали поближе к России, расположившись ниже

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, л. 13.

² «Об участии казахов Младшего и Среднего жузов в Крестьянской войне», док. 19.

³ Там же, док. 29.

⁴ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, л. 47; кн. 3, л. 258 об.

⁵ «Об участии казахов Младшего и Среднего жузов в Крестьянской войне», док. 4.

⁶ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 25, 17.

Яицкого городка, поближе к Каспийскому морю, у Андреевской деревни¹.

Семья Дусалы-султана приняла иное участие в событиях под Оренбургом, чем Нуралы-хан, что объяснялось личными, корыстными целями, о которых речь шла выше. Важно отметить, что семья Дусалы, приняв участие в первой осаде Яицкого городка, далеко не сразу решилась принять участие в осаде Оренбурга, пыталась через лазутчиков разобраться в сложнейшей обстановке. Первые сообщения о продвижении Пугачева к Оренбургу Дусалы получил от казаха Асана, ехавшего с письмом в Оренбург. Хотя Асан и был захвачен местными казаками у Илецкой защиты, но, израненный, он все же сумел бежать и сообщить об увиденном султану.

Помогая Пугачеву, Дусалы не прекращал поддерживать связь и с царской администрацией. Поэтому он срочно отправил к Оренбургу пять человек во главе с переводчиком Ягофером Гуляевым, которые должны были узнать от Рейнсдорпа «о подвигах злодейских и каков со здешней стороны предприемля намерение, также не надобна ль и со стороны киргиз-кайсацкая сила или в лошадях и другом скоте... потому что он, Дусалы, желал по верноподданнической к е. и. в. должности во всем том сделать вспомошествование»². Отряд Гуляева не знал, что Пугачев 6 октября 1773 года уже подошел к Оренбургу. В сильном тумане они пробирались «по сю сторону рогаток к Уральскому мосту» и не заметили, что в сенных стогах у Менового двора укрылась засада, которая захватила всех шестерых посланцев и отвела их к Пугачеву, «который де устрашивая их при назывании себя священнейшим именем императора Петра III», казахов Нурбая и Алдабергена оставил у себя в лагере, как аманатов, остальных отправил в аул к Дусалы-султану с приказом, «чтоб он неотложно сам к нему... ехал»³.

Боясь ответственности, Дусалы решил посоветоваться с Нуралы. О взаимоотношениях хана и султана в этот период сообщил майор М. Ваганов в отчете от 25 июня 1774 года: «О ссоре ево, хана, з братом своим Досали-солтаном, то видна, что прежде оной между ими не было,

¹ АВПр, ф. 122/2, 1762—1763 гг., д. 13, лл. 440—449.

² ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 153, лл. 30—40.

³ Там же.

а началось с самого того время, как появился Пугачев; однако ж и сын ево, Досали-солтана, находился у злодея в толпе не без согласия ханского, ибо хан сказал Досали-солтану, что если будет Пугачев несчастлив, то ему, хану, об нем легко можно упросить, а если быть ему, хану, у него (Пугачева.— *Н. Б.*), то он Досали, об нем, хане, никак упросить не может»¹.

Между Нуралы и Дусалы действительно существовала договоренность об отправке общего аманата к Пугачеву, о судьбе которого в будущем хан обещал хлопотать, пользуясь своим положением. Когда под Оренбург начали стягиваться крупные военные соединения для разгрома армии пугачевцев, Нуралы-хан, подчиняясь обещанию, 18 декабря 1773 года писал Пугачеву: «Извольте реченного племянника моего Сайдали-салтана с величайшим повелением возратить, чрез что и народу нашему без всякого сумнения ехать к вам полезнее будет»².

Хан понимал, что этим письмом он дескредитирует себя в глазах оренбургского начальства. Пытаясь оправдаться, он объяснял свой поступок только желанием добра, ведь Дусалы-султан плакал, «представляя якобы то сына своего отправление учинил в забвенности, а тем самым и бывшего от самозванца яницкого казака от рук его, ханских, избавил и довел до того, что он, хан, о возвращении того сына его солтанского принужден был обманное письмо к самозванцу писать»³.

Позднее, когда армия Пугачева потерпела поражение под Татищевой, Нуралы-хан предал Дусалы-султана, отказался от их союза и, «не надеясь более, чтоб оному злодею в ево предприятии удача была...» писал Симонову, что «Дусалы, восхотев лучшее получить, отдал ему (Пугачеву.— *Н. Б.*) сына в то время, когда еще помянутой злодей здесь обнаружился»⁴, а сам, будучи его помощником, «исполнял ево речи и, много разглашая возмутительные поступки, чрез оное возмущение и лукавство свое немалое причинил озлобление, затем что безумные и лехкомысленные киргис-кайсацкого народа злодеи,

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 27.

² «Пугачевщина», т. I, стр. 169—171.

³ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 29.

⁴ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, лл. 35—38.

сообщались ему, Досалию, по возмущению и приказанию ево»¹.

Отношения между ханом и султаном определились не только в связи с поражением Пугачева, враждебность между ними возникла уже в декабре 1773 года, когда Пугачев, играя на династических разногласиях среди потомков Абулхаира, неоднократно обещал сделать ханом Младшего жуза Сейдалы-султана, что показали на допросах казахи Байтан Умюрбаев, Тойоглой Сенткулов² и Желкандар Байтемиров. По утверждению последнего, «во время бытия того разбойника блись Оренбурга вытребован им к себе у него, солтана, сын, коего имени не знает, обольстя оного солтана тем, что Нуралы-хан, ево брат Айчувак неразумные усердства России своих поданных приводят к разорению незаконно, за что они им, разбойником, будут казнены, а место того введен быть имсет в то ханское звание и власть тот солтанов сын»³. Дусалы, послав сына аманатом к Пугачеву с небольшим отрядом, поставил себя в более выгодное отношение к повстанцам, в то время как авторитет Нуралы падал как у Пугачева, так и в собственных аулах. Более того, за отказ хана прислать помощь к Татищевой крепости, где особенно нужны были казахские отряды, Пугачев обещал, что «кестли он, Пугачев, возвратитца назад, то велит ево, хана, повесить за ребро»⁴. Конкретной помощи под Оренбург, кроме отправки сына, Дусалы-султан так и не представил.

Пугачев понимал, что доброжелательный и верноподанныческий тон писем Дусалы вызван боязнью за судьбу сына, о пребывании которого в Берде было широко известно местной администрации. Болтай Идоркин — приближенный Е. Пугачева — подтверждал сомнения последнего: «Дусалы-салтан писал к самозванцу, именуя его императором, чтоб он сына его содержал в своей милости»⁵. Пугачев обоснованно подозревал в двуличности Дусалы, видимо, знал о его переписке с Рейнсдорпом. Сохранилось письмо султана, отправленное в Оренбург 8 декабря 1773 года, где он отрицает полностью причаст-

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 26.

² Там же, док. 17.

³ АВПр, ф. 122/3, 1774 г., док. 3, лл. 1—5 об.

⁴ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 27.

⁵ Там же.

ность своей семьи к движению: «В каком состоянии вы пребывание имеете, разведав, возвратиться послал было я сына моего Сейдалы-солтана, которой противному вам человеку попал в руки... С самой весны от всего народа моего и от россиян им ни на одну полушку убытку и оскорбления не произошло»¹.

Имеется значительный документальный материал о посылке султана Сейдалы заложником в ставку Пугачева. Но о конкретном пребывании Сейдалы при Пугачеве, с которым семьи Дусалы-султана и Нуралы-хана связывали борьбу за престол, известно очень немного. Имеется несколько версий о прибытии султана в Берды², из них наиболее достоверно сообщение переводчика Я. Гуляева, сопровождавшего Сейдалы к Пугачеву. Дусалы, «объявля себя притворно больным», отправил его и сына в сопровождении десяти казахов. Отряд прибыл к Бердинской слободе и через три дня был лично принят руководителем повстанцев³. Е. Пугачев на допросе в Тайной экспедиции в Москве 4 ноября 1774 года сообщил о приезде к нему Сейдалы-султана следующее: «Идор Болтаев, приведший султана, доложил, «што де Дусалы-салтан прислал онго своего сына к нему, Емельке, послужить. И он (Пугачев.— Н. Б.) велел ему сказать: «Благодарю салтана. Пусть он при мне будет». И притом дал ему, салтану, 50 рублей, да одному при нем приближенному кафтан красной и каждому киргисцу по 12-ти рублей»⁴. Е. Пугачев дорожил Сейдалы-султаном как аманатом, видимо, надеясь этим привлечь казахов в свою армию, поэтому, вспоминая Ягофер Гуляев, он не разрешал Сейдалы участвовать в сражениях и в «выласках не употреблялись: да и самым злодеем допускаемы не были, а только при случае сражения к смотрению онго допускались»⁵. Указания Я. Гуляева опровергают широко распространенное мнение об активном участии султана Сейдалы в Крестьянской войне под предводительством Пугачева, подтверждают его присутствие в ставке повстанцев лишь в качестве заложника, что гарантировало

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 9.

² ЦГАДА, ф. 349, д. 26/7346, л. 12.

³ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 153, лл. 35—40.

⁴ «Об участии казахов Младшего и Среднего жузов в Крестьянской войне», док. 30.

⁵ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 153, лл. 30—40.

от враждебных действий со стороны Дусалы-султана и обеспечивало свободу действий отрядам пугачевцев в районах, смежных с кочевьями султана, где его подданные, не опасаясь преследований, оказывали ему помощь. Благодаря присутствию Сейдалы в Бердах у Пугачева установились с Дусалы интенсивная переписка и обмен посланниками. 18 декабря 1773 года Дусалы писал руководителю повстанцев: «От наших киргиз-кайсаков разные известия происходили, а ныне дикой народ наш требует известия, каким образом им находиться я прикажу, чему и следовать они будут»¹, здесь же он просил о свидании с сыном.

Пугачев откликнулся на просьбу Дусалы и в ответном письме сообщал, что «сын его благополучен и содержится в чести и притом просил его повидаться с собою и позволить своим подданным ехать к нему на службу, коним он обещал жалованье»².

Имея основания не доверять султану, Пугачев пытался реализовать малейшую возможность, чтобы, используя влияние Дусалы, привлечь на свою сторону трудящихся казахов, обещая им даже специальную оплату за службу. Получив разрешение, Дусалы отправил в Берды своего родного брата Ширгазы-султана и одного из своих сыновей. Посольство имело определенное задание. Казах Утяган, который должен был сопровождать султанов к Пугачеву, знал об истинных целях посольства и сообщил об этом в письме атаману Н. Бородину: «Для выручки сына ево салтанского в толпе ево самозванцевой находящегося»³. Пугачев милостиво принял посольство Ширгазы-султана, поставил последнего во главе одного из казахских отрядов, который участвовал в ряде сражений, и после разгрома пугачевских отрядов под Татищевой крепостью вернулся домой. Сейдалы-султан с переводчиком Я. Гуляевым, потеряв в сражении под Татищевой второго сына Дусалы, прибывшего для свидания с братом в Берды⁴, сопровождали султана Ширгазы до Илецкого городка, где получили приказ от Пугачева ехать в Яицкий городок вместе с атаманом Андреем

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 153, л. 32.

² Там же, л. 31.

³ ЦГАДА, ф. 349, д. 26/7346, лл. 5—12.

⁴ В. В. Викторов. Крестьянское движение в XVII—XVIII веках, стр. 212.

Овчинниковым. Прибыв на место, атаман получил известие, что к городку приближается с войсками генерал-майор Мансуров. Овчинников приготовил свой отряд к бою, и Сейдалы с Гуляевым «приготовиться и к тому велел, однако ж они, будучи уже страхом наполнены, отозвались худобою лошадей и совершенной невозможностью и, найдя удобный случай»¹, бежали из отряда в аул к Дусалы-султану.

После разгрома под Татищевой Пугачев ушел в Башкирию. Несмотря на это, массовое выступление казахов продолжалось и тогда, когда армия восставших действовала далеко от границ Младшего жуза. Коллегия иностранных дел, не имея достаточных сил для подавления выступлений казахов (все резервы были оттянуты для борьбы с Пугачевым), вынуждена была констатировать, что с уходом воинских команд из Оренбургской губернии казахи «уклонились на конех по отдалении воинских команд из окрестностей Оренбургских вслед за бывшими мятежниками в такое зло и неслыханные пакости, что почти ежедневно уводят людей и скот отгоняют не только из-под разных селений, но из-под самого Оренбурга, а хан и другие начальники отзываются, что они своих людей воздержать не в силах»².

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 150, лл. 30—40.

² АВПр, ф. 122/3, 1774—1788 гг., д. 10, лл. 200—204.

ГЛАВА III

УЧАСТИЕ КАЗАХОВ МЛАДШЕГО ЖУЗА В ВОССТАНИИ 1774 ГОДА

Совместная борьба казахов с армией Е. Пугачева в Среднем и Нижнем Поволжье летом 1774 года

События 1774 года в Младшем жузе представляют большой интерес и хронологически совпадают с действиями армии Пугачева в Среднем и Нижнем Поволжье летом этого же года. Движение в Младшем жузе летом и в первые месяцы осени 1774 года становилось массовым и носило антиправительственный характер. В этот период намечалось некоторое размежевание классовых сил. Крупнейшие представители феодальной аристократии отошли от движения, но часть ее примкнула к нему, преследуя корыстные цели. Родовая старшина также поддержала движение и выступила вместе с народом, хотя ее интересы далеко не всегда совпадали с действиями широких масс.

Участие казахов в Крестьянской войне летом и осенью 1774 года вылилось в две параллельные формы: в совместную борьбу с отрядами повстанцев, руководимых Пугачевым, и в самостоятельное движение в пограничном районе с Нижнеяницкой, Красногорской и Самарской линиями укреплений. Для второй формы движения была характерна неоднородность, и в ней наметилось два течения: первое — близкое по лозунгам и формам борьбы к Крестьянской войне, и второе — возглавляемое крупными феодалами и частью родовой старшины, которое являлось типичной пограничной барымтой с целью захвата пленных и скота.

Остановимся на совместном выступлении казахов-повстанцев с армией Пугачева в Среднем и Нижнем Поволжье летом 1774 года. Пугачев, сняв осаду с Оренбур-

га, отошел со своей армией в Башкирию. Часть казахских отрядов, бывших с ним под Оренбургом, осталась в приицких степях, а часть последовала с армией повстанцев к Волге, где участвовала во взятии Казани, Пензы, Саратова. Из рассказа участника пугачевского восстания горного писчика Верховлонцева мы узнаем, что Пугачев после разгрома под Троицкой крепостью в конце мая 1774 года ушел в Башкирию, взяв по пути город Осу, Воткинский и Ижевский заводы и примерно с пяти тысячной армией двинулся к Казани. 2 июля 1774 года в городе узнали о приближении армии восставших. Губернатор фон Брандт приказал жителям готовиться к защите города. Казань была окружена рогатками и в 9 местах укреплена редутами с пушками. 11 июля Пугачев был уже в 7 верстах от города и расположился на бивуак у Троицкой мельницы. Его армия под Казанью была особенно многочисленной и состояла «более нежели из двадцати тысяч различных людей»¹. От имени императора Петра III были написаны манифесты к жителям города о добровольной сдаче, но они не имели успеха.

14 июля утром Пугачев решил атаковать город и направил войско от села Царицына к Арскому полю, где с отрядом в 400 человек стоял генерал-майор П. Потемкин. Начался бой. П. Потемкин вынужден был уступить сильному натиску пугачевцев и отступил за городские стены. А восставшие укрылись в роще и через овраги пробрались к предместьям города². Горный писчик Верховлонцев так вспоминает штурм Казани: «Погода предвещала нам успех; ветер дул прямо на неприятеля. Завязалась резня страшная; густой дым пошел прямо на город; наши били неприятеля с вала; вошли в город, зажгли его. Человек пятнадцать храбрецов уже ворвались было в крепость, но их там заперли. Вокруг крепости все жгли и грабили. Пугачев хотел задушить головнями засевших в ней». Верховлонцев утверждает, что среди штурмующих Казань были и казахи³. Пугачев продержался с повстанцами в городе только 8 часов, а к вечеру после сражения с войсками подполковника Михельсона на Арском поле осаждавшие вынуждены были

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. IX, ч. 1. Приложения.

² Н. Баженов. Казанская история, 1847, ч. 2.

³ ЧОИДР, 1862, июль — сентябрь, кн. 3, стр. 295—302.

оставить город. 15 июля было повторное сражение, и после двух безуспешных атак Пугачев был разбит и отошел к Царевококшайску. В памяти казахов, принимавших участие в штурме Казани, остались наиболее яркие детали событий. Сподвижник Пугачева казах Қарим вспоминал о богатой добыче, полученной восставшими в Казани, о покушении девушки на жизнь Пугачева, о сильном пожаре в Казани и скором уходе из города по приказу Пугачева.

В июле армия повстанцев овладела городами Цивильском, Курмышем, Алатарем, Саранском, а в начале августа — Пензой, Петровском и 6 августа подошла к Саратову¹. В памяти очевидцев сохранились воспоминания о том, что в этот период в пестрой по национальному составу армии Пугачева были казахи. Жители Пензенского края помнили, что «в 1774 году 25 мая в нашей деревне Чиилы (Буинского района) прошло очень большое пугачевское войско, которое состояло из людей разных народов, недовольных жестокостью крепостнического закона императрицы Екатерины II. Это войско, собранное из уральских казаков, киргизов (казахов.— Н. Б.) и русских, разоряло, избивало помещиков. У каждого из войска на руках есть оружие, у некоторых дубины, копья, косы, у некоторых ружья и сабли. Отличительным знаком войска является то, что они правый рукав обвязывают синим лоскутом. Это пугачевское войско пришло 25 мая и ушло 20 июля»².

О том, что в войске Пугачева при прохождении его к Саратову через Пензу были казахи, говорил также Карим³. В начале августа 1774 года армия Пугачева прошла в Петровск и оттуда к Саратову. Царские лазутчики сообщали, что армия повстанцев состоит из яицких казаков, калмыков, татар, башкир, русских крепостных крестьян и казахов⁴. Я. Грот утверждает, что к Саратову подошло около 10 500 человек. Пугачев, вступив в переговоры с казаками, склонил некоторых на свою сторону. После небольшого сражения часть жителей и гарнизона также поддержала пугачевцев, обороняться продолжали

¹ ЧОИДР, 1862, июль — сентябрь, кн. 3, стр. 295—302.

² С. Петров. Пугачев в Пензенском крае. Пенза. 1956, стр. 55.

³ С. Глебов (Гнедич). Емельян Пугачев, стр. 88.

⁴ «Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773—1775 годов». Сборник документов. Ростов, 1961, стр. 83.

лишь артиллеристы и батальонные солдаты. Восставшие поставили пушки на Соколовской горе и принудили артиллеристов прекратить огонь. Под вечер 6 августа Пугачев въехал в Саратов, в соборной церкви жители были приведены к присяге.

Данных об участии казахов в событиях под Саратовом сохранилось немного. О казахах в армии Пугачева под Саратовом говорили очевидцы сотник И. Мелехов и квартирмейстер В. Малахов¹. Они утверждали, что среди 10 000 пугачевцев были яицкие казаки, ставропольские калмыки, татары, башкиры, казахи, помещичьи крестьяне, лакеи. Интересные показания дали год спустя жители соседнего с Саратовом хутора Хохлачей, через который проходили «в многолюдном собрании киргизкайсаки»². Присутствие казахов под Саратовом подтверждала и воинская канцелярия Уральского войска в рапорте Рейнсдорпу 11 декабря 1775 года³.

Из-под Саратова Пугачев, преследуемый правительственными войсками, вынужден был уйти в Дубовку⁴, а после — в Царицын, с ним в это время было до 10 тысяч человек⁵. Под Царицыном армия повстанцев потерпела поражение и, потеряв 2000 человек убитыми, отступила к Сальниковой ватаге, где решено было дать сражение правительственным войскам во главе с генералом Михельсоном. 24 августа восставшие вторично были разбиты, около 2000 человек погибло, до 6000 было взято в плен, в этом сражении погиб атаман А. Овчинников⁶. Немногочисленные группы повстанцев, избежавшие плена, скрылись от преследования, бежав вниз по Волге и на Дон, а Пугачев с тысячным отрядом направился к Черному яру⁷. О судьбе казахских отрядов после разгрома под

¹ «Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773—1775 годов», док. 47.

² ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 146, л. 698 об.

³ Там же, л. 700.

⁴ Я. Грот. Эпизод из пугачевщины. См.: «Древняя и Новая Россия», 1877, № 3, л. 240.

⁵ М. Сенюткин. Военные действия донцев против крымского хана Давлет-Герая и самозванца Пугачева в 1773—1774 гг. «Современник», 1854, т. 69, стр. 119.

⁶ В. Ляхов. Россия во второй половине XVIII века. Восстание крестьян под руководством Е. Пугачева. М., 1958, стр. 24.

⁷ Я. Грот. Записки Императорской Академии наук, т. 25, стр. 26—33.

Царицыном сохранилось немного данных. Казахские отряды после разгрома Пугачева под Царицыном рассеялись по степи, часть их вместе с уральскими казаками и крестьянами пошла вслед за Пугачевым к Краснойру. Для подавления восстания в район Царицына было послано несколько отрядов. Крупное сражение произошло недалеко от Царицына. Каратели ночью сбились с пути «и поехали на огни, раскладенные киргисцами... Будучи чужды всякого страха и несмотря на свое малолетство, вступили они в бой. Многих ранили... и несколько человек лишились при том жизни. Киргисцов застреляно до двадцати человек»¹. Второе столкновение с казахским отрядом произошло в 140 верстах от устья реки Самары у деревни Мосты.

**Самостоятельная борьба казахов по Нижнеяидкой,
Красногорской и Самарской дистанциям
и в междуречье Яика и Волги в 1774 году**

Самостоятельное движение в Младшем жузе, организационно не связанное с действиями армии Пугачева, развивалось после ее ухода в марте 1774 года из-под Оренбурга в Башкирию. Младший жуз в 1774 году представлял собой не обособленный район, охваченный восстанием, а являлся лишь частью территории, охваченной Крестьянской войной, куда входили Среднее и Нижнее Поволжье, а также некоторые районы Сибири. Выступления казахов Младшего жуза представляли отдельное звено в цепи Крестьянской войны и наряду с общими чертами имели свою специфику. Общими для огромного района, охваченного восстанием, были массовость, стихийность, разрозненность, кратковременность и часто локальный характер выступлений. Но, несмотря на разобщенность, эти выступления объединяли не только сходные по форме методы борьбы, но и единая идейная основа. Казахам, как и другое пестрое по этническому составу население Поволжья, объединяло стремление уничтожить колониальный гнет, облегчить свою тяжелую участь. Движение в Казахстане, Среднем и Нижнем Поволжье сложилось, как отмечалось ранее, и под влиянием пугачев-

¹ Антинг. Жизнь и военные деяния генералиссимуса, князя италийского, графа Суворова Риминского. Спб., 1789, ч. 2, стр. 159.

ских писем и манифестов и непосредственной борьбы повстанцев с правительственными войсками.

Осенью 1773 и в начале 1774 года, когда армия повстанцев действовала в районе, прилегающем к кочевьям Младшего жуза, Пугачев сумел создать нужное ему настроение среди казахов, которое в сочетании с примером сражений восставших под Оренбургом и Яицким городком определило массовый протест в Младшем и Среднем жузах в 1774—1775 годах, с большим трудом подавленный царскими карателями. Пугачев сознательно вовлекал казахов в восстание, но, вынужденный уйти в Башкирию, он не смог управлять возникшим после его ухода движением, и оно развивалось без него. Но лозунги и манифесты Пугачева усиливали, концентрировали движение казахов, придавали ему большую целенаправленность. Об этом говорит целый ряд документов. Екатерина II писала Нуралы 15 мая 1774 года о причинах волнений его подданных: «Сколько ни было всему тому причиною обыкновенное их своевластие, но больше еще подвигались они к тому и смутными обстоятельствами, в каких Оренбургская губерния находилась, и коснувшимся и до них киргиз-кайсаком злодейским развратом»¹. Нуралы-хан причиной восстания в Казахстане также считал Крестьянскую войну и указывал на это полковнику Симонову: «Злодея Пугачева ложное вдохновение не только лехкомысленной киргиской народ, но и укрепленной законами, российского немалое число поколебало. А киргис-кайсаки тем же Пугачевым бунтом будучи повреждены друг друга, предворяя на злодейство спешили, невзирая на все мои к тому запрещения и не слушали меня и брата моего Айчувака, а удержать их от того моей силы не достало»². Астраханский житель Иван Беляев, находясь в плену у казахов, слышал, как его хозяин Бухар «проговаривал, что они русских людей воюют и в плен берут потому, что де им сие чинить велел оказавшийся в России злодей самозванец Пугачев», у которого был договор с Нуралы и Кубанским ханом, «чтобы им Россию воевать обще, киргиз-кайсацкому Нуралы-хану со здешней стороны, кубанскому с тамошних пределов, а самозванец де со здешними городами будет управлѣтца

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 25.

² ЦГАДА, ф. 1274, д. 195, лл. 100—101 об.

сам», поэтому казахи и нападают на крепости¹. Нуралыхан и Айчувак-султан признавали, что казахи, видя как «россияне между собой разоряют один друга...»² поехав к Пугачеву, сообщились»³ и под его влиянием грабили ватаги и разоряли форпосты, жгли припасы, начиная «от Оренбурга по р. Яику до Гурьева-городка, а от Гурьева зачиная по Волге-реке и до Дубовки»⁴. Крестьянин Михаил Андреев и казак Петр Батыржеев были захвачены в плен казаками, которые их подробно допрашивали о местопребывании Пугачева и, недовольные верностью пленных императрице Екатерине II, «проговаривали, что они служат новому царю»⁵. Казак Семеон Серебряков указывал, что под влиянием Пугачева казахи «многолюдными партиями чинили на все здешние края, селения, крепости и форпосты варварские свои нападения»⁶.

В первые месяцы весны 1774 года наблюдалось некоторое затишье в приицких степях. Рейнсдорп, подтверждая это, указывал, что в марте и апреле казахи «находились в надлежащем спокойствии, начав и продолжая нарочитый торг», но с уходом за Пугачевым в Казанскую губернию «князя Голицына с корпусом, да и протчих detaшментных командиров... уклонились... во зло и неслыханные пакости»⁷.

С конца мая по октябрь 1774 года выступления казахов носили особенно интенсивный характер на участке вдоль линии военных укреплений по нижнему и среднему течению Яика от Гурьева-городка до Орской крепости, в междуречье Яика и Волги, а также по нижнему течению Волги от Астрахани до Самарского городка.

В мае 1774 года казахские отряды сконцентрировали свои удары на районе близ Сахарной крепости, у Гниловского, Каршевского и Каленовского форпостов. В июне, июле и августе 1774 года казахские отряды по-прежнему действовали у Сахарной крепости и соседних с нею Антоновском, Каленовском, Кожехаровском, Сундавском, Кош-Яицком, Каршевском и Поленовском форпостах и

¹ АВПР, ф. 122/3, 1774 г., д. 2, л. 28.

² Там же, без номера, лл. 1—2.

³ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 9, л. 85 и об.

⁴ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 27.

⁵ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 10, л. 213.

⁶ ГАОО, ф. 3, д. 43, л. 449.

⁷ ЦГАДА, ф. 1274, д. 186, лл. 271—272.

немного южнее, у крепости Индерских гор и форпоста Харкин¹. Но основной удар казахские отряды летом 1774 года сосредоточили на укреплениях, расположенных между Яицким городком и Оренбургом. Нападения казахов на Яицкий городок и сражения у его стен происходили 7, 10, 24, 25 и 27 августа². Упорно казахские отряды нападали также на Илецкий городок и находящуюся в 30 верстах от него на реке Кинделе Мустаеву мельницу 11, 15, 21 и 26 июля, 15 и 25 августа 1774 года и крепость Рассыпную — 6 и 23 июля, 23 и 27 августа³. Казахские отряды держали под контролем весь район, включая Илецкую станицу, Кинделинский, Заживенский⁴ и Иртецкий форпосты, а также Ташлинские, Тишковые и Карташевы хутора⁵, принадлежавшие местным казакам. Большую активность казахи также развили у соседних с Оренбургом крепостей. 4, 16, 22, 23 и 26 июля, 22 и 27 августа 1774 года сражения отрядов казахов с правительственными войсками и гарнизонами крепостей происходили у Татищевой и Чернореченской крепостей и дважды, 7 и 16 июля, — у Нижнеозерной. Казахские отряды нападали на Оренбург и Сентову слободу 1 и 22 июля, 20 и 27 августа, на Переволоцкую крепость и соседний Платавский редут — 15, 21, 24, 26 июля и 21 августа, на Тоцкую крепость — 4, 11, 12, 25 августа.

Осенью 1774 года отдельные столкновения казахских отрядов с правительственными войсками происходили у Оренбурга⁶ и Яицкого городка⁷, но в основном движение переместилось на юг, к крепости Сахарной и Гурьеву-городку⁸. Активно казахские отряды действовали также на Красногорской линии военных укреплений, протянувшейся от Оренбурга до крепости Орской, и на Самарской, Орской и Сакмарской дистанциях. Отряды казахов совершали нападение на Красногорскую крепость и сосед-

¹ ЦГАДА, ф. 1274, д. 188, л. 68; д. 195, л. 107; там же, ф. 1100, кн. 9, л. 367; ГАОО, ф. 3, д. 43, л.л. 52—95, 364; д. 194, л.л. 21, 36; АВПр, ф. 122/3, 1763—1775 гг., д. 16, л.л. 554—559 об.

² ГАОО, ф. 3, д. 43, л. 53 об.; д. 194, л. 21, 36; ЦГАДА, ф. 1100, кн. 9, л. 367; ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 186, л.л. 300—305 об.

³ ГАОО, ф. 3, д. 43, л.л. 52—93.

⁴ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 9, л. 201; кн. 8, л. 238.

⁵ ГАОО, ф. 3, д. 43, л.л. 52—93; д. 200, л. 3.

⁶ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 10, л. 25.

⁷ ГАОО, ф. 3, д. 200, л. 523 об.

⁸ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 12, л. 50; ф. 1274, оп. 1, д. 181, л. 70 и об.

ний Вязовский редут 23 мая, 31 августа и 14 сентября 1774 года, на Пречистинскую крепость — 8 и 11 августа, 14 и 15 сентября 1774 года, на Верхнеозерную и Губерлинскую крепости — в июле 1774 года, на Орскую крепость — в июле, 1 августа, 9 сентября 1774 года, на Сорочинскую крепость — 12, 18, 19, 20, 25 августа 1774 года, на Бузулукскую крепость — в июле, 10 августа и 3 сентября 1774 года, на Таналыцкую крепость — 17 сентября, на Новосергиевскую крепость — 17 июля, 29 августа 1774 года¹.

Прежде чем остановиться на крупных столкновениях казахских отрядов с правительственными войсками в 1774 году, постараемся ответить на вопрос о родовой принадлежности казахов в отрядах и о том, кто возглавлял их. На основании имеющихся источников можно утверждать, что более всего казахских отрядов было сформировано в отделениях Младшего жуза Семиродском и Байбакты². Казахи-байбактинцы действовали в районе Кожехаровского, Бударинского и Сундаевского форпостов, у Яицкого городка, Бузулуцкой крепости, Илецкого городка и на реке Кинде, где располагались Ташлинские и Карташевы казачьи хутора. Казахи-алачинцы действовали под Астраханью и Гурьевым-городком. Казахские отряды из рода Джагал-Байлы осаждали Орскую крепость. У Яицкого городка и Бузулукской крепости были казахи из родов Табын, Тама, Берш, Кердари, Чикли³. Во главе казахских отрядов, которые вели борьбу с правительственными войсками и гарнизонами

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 3, д. 196, лл. 44—46; ф. 1100, кн. 10, л. 20; кн. 9, л. 536; ГАОО, ф. 3, д. 43, лл. 52—93; д. 146, лл. 150, 195; д. 200, лл. 154, 307.

² Младший жуз делится на три отделения: Байулы, Семиродское, или Джетируг, и Алимулы. В отделение Байулы входило 12 родов: Адай, Джаппас, Алача, Байбакты, Маскар, Берш, Тазлар, Иссентемир, Черкес, Тана, Кызыл-Курт, Чиклар. В отделение Семиродское входило 7 родов: Табын, Тама, Кердари, Джагал-Байлы, Керейт, Тиляу, Рамадан. В отделение Алимулы входило 6 родов: Карасакал, Кара-Кисьяк, Китя, Дюрт-Кара, Чумекей и Чикли. См.: *Н. Аристов*. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. III—IV. СПб., 1896; «Материалы по истории Казахской ССР», т. 4, карта, приложения № 3 и № 4 к карте.

³ ГАОО, ф. 3, д. 43, лл. 53—92, 361; д. 146, лл. 140, 195, 518; д. 194, л. 57; д. 200, л. 523; ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 186, лл. 307—315; д. 196, л. 138; ф. 1100, кн. 9, л. 303.

крепостей по Нижнеяицкой, Красногорской и Самарской линиям, стояла некоторая часть родовой старшины, а также казаки из татар.

В наших источниках есть указания, что во главе отрядов из рода Байбакты стояли старшины Айдар-батыр Еселбаев, Айдар Кривов Эсенбаев¹, Сырым, Кара-батыр², Атагуза Айткулов³ и Карак⁴. Отряды из рода Берш возглавляли старшины Икара Итемгенов, Кара Чоток и Курбанбай; из рода Кердари — Жолан батыр⁵, из рода Алача — Баимрат, из рода Джагал-байлы — Елбарыс Умертеев.

Во главе отдельных казахских отрядов стояли яицкие казаки из татар Асан Мустаев, Булатай Сманлов⁶.

Царское правительство лишь поздней осенью 1774 года смогло выделить войска из центра для карательных экспедиций, посланных в Казахстан в начале 1775 года. Летом же 1774 года борьбу с казахами ведут в основном местные военные силы, включавшие по Нижнеяицкой линии, по данным военных сводок, 551 казака, по Красногорской линии — 375 казаков. Кроме того, с казахами в этом районе вели борьбу легкие полевые команды полковника Углицкого из 136 человек, прапорщика Вершинина — из 132 человек, сотника Харитонов — из 143 человек, прапорщика Никитина — из 65 человек и майора Зубова — из 100 человек. На помощь им из Ставрополя прибыли 40 человек, «да из малолетков набранные ставропольского ведомства конные, пикенеров 30 с секунд-майором Стрелковым и из Бугульмы — 93 нагайбацких казака с полковником Кожиным и 134 башкира с прапорщиком Насакиным. Эти отряды прибыли в район между Яицким и Гурьевым городками (у Сахарной крепости), Сундаевского, Кожехаровского, Бударинского и Кош-Яицкого форпостов⁷, где сосредоточились крупные отряды казахов.

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 17, 27.

² ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 200, л. 524.

³ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 16.

⁴ ГАОО, ф. 3, д. 43, л. 361.

⁵ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 17, 27.

⁶ ЦГАДА, ф. 1274, д. 186, лл. 307—315; д. 196, л. 138 об.; ф. 1100, кн. 8, л. 202 и об.

⁷ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 181, л. 70 и об.; д. 186, 306—315; ф. 1100, кн. 10, лл. 10, 20, 236—237, 301.

У Сарайчиковской крепости произошло столкновение между отрядом казахов, состоявшим из 500 человек, с командой в 65 человек атамана Никитина и капитана Абакумова, продолжавшееся «с четвертого и до 12 часа дня»; в результате казахи с небольшими потерями отступили и ушли по реке Елшанке к Янку¹. 200 казаков сотника Митрясова у Бударинского и Кожехаровского форпостов разбили отряд казахов численностью 200 человек, «до сороку и более до смерти побили, а другие множеством по прогнатию нашему, побросавшись в реку Яик, потонули и на плову от казаков же побиты», а 20, пытавшихся уйти в степь, захвачены старшиной Акутиным². Тысячные и многосотенные отряды казахов действовали в районе между Яицким городком и Оренбургом. 4 сентября секунд-майор Шкапский был свидетелем нападения 400 казахов на Таналыцкую крепость³. 8 сентября командир Самарской дистанции капитан Мосолов донес, что отряд казахов из 100 человек атаковал крепость Красногорскую, но «находящимися в той крепости казаками через стражение отбиты»⁴. 9 сентября казахи сумели захватить мост через р. Самару и осаждали Красносамарскую крепость «до самой ночи», но взять ее не смогли⁵. 12 сентября вахмистр Камышов сообщил о нападении 700 казахов на крепость Ольшанскую⁶. Казахский отряд в 400 человек действовал между Илецким и Яицким городками в августе 1774 года. Против этого отряда из Яицкого городка было выслано 170 казаков и 120 казаков с двумя пушками из Сорочинской крепости, но казахи «по малом продолжении сражения ушли далее вверх по Янку»⁷.

11 августа 1774 года второй отряд казахов численностью 500 человек совершил нападение на Озерную крепость и Желтый редут, но неудачно, а затем отправился к крепости Тоцкой, уничтожив по пути на Самарской дороге три хлебных обоза, шедших в Бузулуцкую крепость и Яицкий городок под прикрытием казачьих команд

¹ ЦГАДА, ф. 1274, д. 181, л. 154.

² Там же, ф. 1100, кн. 11, лл. 202—203; ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 175, л. 103.

³ Там же, ф. 1274, д. 186, лл. 307—315.

⁴ Там же, ф. 1100, кн. 10, лл. 122—130.

⁵ Там же, л. 217.

⁶ Там же, лл. 122—130.

⁷ Там же, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 186, лл. 300—305 об.

числом до полусотни человек каждая. У Тоцкой крепости казахский отряд встретился с казаками сотника Харитонова. Правительственные войска не выдержали натиска превосходящего их по численности в пять раз казахского отряда и отступили в крепость. Более суток осаждали казахи Тоцкую крепость, которую защитники «за неимением артиллерии едва и отстоять смогли, а затем (казахи.— *Н. Б.*) направились к Оренбургу, Бузулуцкой крепости и через Чаганские хутора к Яицкому городку»¹.

У Яицкого городка действовали два казахских отряда: один численностью 2000 человек, а другой — 3000. Против них были направлены из Тоцкой крепости полковник Углицкий и из Сорочинской — сотник Харитонов и прапорщик Вершинин. Первое столкновение их отряда с 2000 казахов произошло у Погромного редута. Но казахи, предупрежденные своими дозорными, первыми атаковали правительственные войска. В кровопролитном сражении было убито 30 казахов. По приказу Углицкого правительственный отряд «будучи не в силах против их многолюдства более сражаться, сел в осаду и производил беспрестанную против них ружейную стрельбу и находился в осаде через всю ночь до самого разсвету и видя они, воры, что ево с командою без большого урону своих взять его не могут, отступили и прочь пошли в степь»². Полковник Углицкий с отрядом вернулся в Погромный редут, где соединился со 100 уланами капитана Мансурова и затем отправился в погоню за казахами, но догнать их не смог. Отряду только удалось обнаружить казахский лагерь на реке Бузулук, который «оказался весьма великим, на коем, надо думать, что их было до 3000 человек»³. Отряд Углицкого и Мансурова остановился на отдых и для пополнения запасов пороха, снарядов в Бузулуцкой крепости и, соединившись с отрядом сотника Харитонова в 130 человек, направились к Яицкому городку. В пути его атаковали 300 казахов, «держали сутки в осаде», убили 2 и ранили 7 человек, а затем «ушли к крепости Борской, потеряв в сражении немалое число убитыми».

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 186, лл. 300—305 об.

² Там же, ф. 1100, кн. 10, лл. 231—237.

³ Там же.

От казаков Ивана Лопатина и Ивана Шарослы, бывших у казахов в плену, Мансуров и Углицкий узнали, что казахов было вместе с татарами «примером более 6000 человек», возглавлял отряд татарин, который «по-русски говорить весьма сведущ». Он подробно допросил Лопатина и Шарослу об отряде Углицкого, об артиллерии в крепости и увел отряд на речку Калмак в 40 верстах от Борской крепости, а затем на крепость Ольшанскую. Полковник Углицкий, понимая, что силами отряда невозможно справиться с огромными соединениями казахов, писал полковнику Могутнову: «Сколько де великое множество их воров на здешней линии шатаются... великими толпами и в одно число местечки разбивают и людей пленят, которых не разбить с командою, коею у него только 136 человек, а из крепостей де забирать к себе казаков по малоимению оных он не рассудил, ибо каждая крепость от них воров состоит в крайней опасности. Разбить, но и малого вора препятствия учинить не может, потому что они не одною шатаются, а в разных местах и весьма многочисленными партиями»¹.

Аналогичное сообщение пришло полковнику Могутнову и от прапорщика Вершинина, писавшего о казахских отрядах, которые «по Самарской линии и даже до Ольшанской крепости набеги простирают, но по малоимению де казаков и по худобе лошадей поиска чинить никакого способа нет и опасно»².

Положение правительственных войск по Нижнеяницкой, Красногорской и Самарской дистанциям было очень тяжелым. Регулярные войска не справлялись с отрядами казахов, гарнизоны крепостей, не имея возможности заготовлять припасы и лишившись лошадей и скота, находились в плачевном состоянии, поэтому полковник Могутнов писал Рейнсдорпу и просил его о присылке помощи. В ответ из Оренбурга, где не имелось резервов для помощи, командирам крепостей и форпостов был отправлен приказ внушать солдатам и казакам перед боем с казахскими отрядами, что «хотя партии злодейские и немалочисленные, однако ежели со здешней стороны поступано будет с ними мужественнее, то они против ма-

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 10, л. л. 231—237.

² Там же, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 186, л. л. 300—305.

лого числа стоять не могут, чего б ради тщались всемерно на них, воров, сильнее наступать»¹. Рейнсдорп, понимая серьезность создавшегося положения, писал в Петербург о тревожных донесениях командиров из укреплений Нижнеяицкой и Самарской линий, в которых указывалось, что казахские отряды усилили наступление на крепости Сорочиковскую, Новосергиевскую, Токскую, Орскую².

Центральное правительство обещало послать помощь, но пока советовало местным войскам: «Поступать со злодействующими киргиз-кайсаками со всею строгостью, отправляя на ближние их улусы для поисков достаточные команды, какие и можете истреблять от ближних к вам воинских начальников и стараясь чрез то не только сим варварам отомстить за учиненные ими злодеяния, но для будущего времени привести тамошния границы в возможную от них безопасность, которая по их состоянию тем больше и утверждена быть может, чем чувствительнее и сильнее они претерпят от производимых против их поисков»³. Значительные военные силы прибыли в район Оренбурга и Яицкого городка лишь к концу 1774 года, но об их действиях будет говорить позже. Учитывая малочисленность и слабость правительственных войск, действовавших летом и осенью 1774 года в районе Нижнеяицких, Красногорских и Самарских укреплений, можно сказать, что казахские отряды в этот период были здесь хозяевами положения.

Итогом выступлений казахских отрядов в 1774 году можно считать значительный урон, который они нанесли правительственным войскам по Нижнеяицкой, Самарской и Волжской линиям укреплений. Отвлекая на себя значительные военные силы, казахи способствовали успехам Пугачева до его разгрома в августе 1774 года в Нижнем Поволжье. Губернатор Рейнсдорп вынужден был признать, что положение Оренбургской губернии в 1774 году было очень трудным, и виновниками этого он считал действия Пугачева и казахских отрядов, которые не дали убрать рожь и яровую пшеницу, выжгли хлеба и

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 186, лл. 300—305.

² Там же, ф. 1100, кн. 10, л. 150 и об.

³ Там же, ф. 1274, д. 196, лл. 48—49.

сено по Самарской и Яицкой линиям¹, не пропускали продовольственные обозы из Исетской провинции², Симбирска, Саранска, вызвав «превеличайший голод от недороду всякого хлеба» в губернии³. Он опасался, что и в зиму 1774/75 года Оренбург будет подвержен «такому же страданию, каковое прошедшей зимы во время злодейской блокады претерпели»⁴, так как преданные правительству войска были бессильны бороться с казахами, являясь «почти все безконными по недостатку сена, которое не дали заготовлять»⁵ они.

Оренбургу летом и осенью 1774 года так и не удалось наладить «коммуникацию, прекращенную поныне от набегов киргиз-кайсаков»⁶. Губернатор Рейнсдорп писал об этом графу Панину 27 августа 1774 года: «Подлой русской и иноверной народы, будучи в некоторых местах преграждены войсками, не столь злодействуют, как прежде, будучи прельщены и руководствуемы самим злодеем и ближними ево сообщниками; однако ж нигде свободного проезда еще не дают»⁷.

Вооружение и тактика казахских отрядов в годы восстания

Казахи научились владеть оружием задолго до Крестьянской войны, чему способствовали кочевой образ жизни, сопровождавшийся неоднократными столкновениями с соседними народностями, и многолетняя борьба с джунгарскими захватчиками, начиная с конца XVII века. Но о том, каким было вооружение казахских отрядов в годы Крестьянской войны, данных сохранилось очень немного. Подробное описание одного из казахских отрядов оставил поручик Владычин: «...в панцырях и имея ружья, сабли, стрелы, дротики и для пальбы фитили зажжены»⁸. В большинстве случаев казахи имели ру-

¹ АВПР, ф. 122/3, 1774 г., д. 6, л. 440 и об.

² Там же, д. 20, лл. 271—272.

³ Там же, 1773—1774 гг., д. 5, лл. 280 об., 281.

⁴ Там же, 1774 г., д. 20, лл. 271—272.

⁵ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 148, л. 7.

⁶ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 174/3, л. 632.

⁷ АВПР, ф. 122/3, 1774 г., д. 2, л. 28.

⁸ ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 182, лл. 243—244.

жья, сабли, сайдаки (луки) со стрелами, пики, укрюги. Одним из преимуществ казахов-воинов были выносливые лошади. П. Деколонг жаловался Рейнсдорпу в октябре 1774 года на трудность борьбы с казаками, у которых «хорошие лошади, отборные, догнать нельзя»¹. В сражениях с правительственными отрядами казахи обычно наступали лавиной или обходили противника с флангов, хорошо маневрировали и мужественно сражались, но обычно не выдерживали натиска, если применялась артиллерия. Отступая, казахи обычно пускались на некоторую тактическую хитрость: быстро рассыпались по степи и вновь собирались в отдалении для последующего удара.

В начале Крестьянской войны казахские отряды ограничивались внезапными нападениями на правительственные войска, которым уступали в мастерстве ведения боя, несмотря на свое численное превосходство, а затем стремились быстро уйти от погони. Но с конца 1774 и в 1775 году сражения казахов с противником становились упорными и длились по многу часов. В отдельных случаях небольшие воинские команды, даже усиленные артиллерией, по несколько дней не могли прорваться сквозь кольцо осаждавших их казахов и ждали помощи.

Действиям казахских отрядов была присуща и некоторая организованность. Готовясь к нападению, они обычно производили разведку. Имеются интересные показания двух очевидцев. Крестьянин Михаил Андреев, захваченный в плен у Бузулукской крепости казаками, рассказывал: «...кон де, бив его, выпрашивали, много ли в крепости команд, пушек и ружей»². Казак Иван Корянин, плененный у Гурьева-городка отрядом казахов старшины Саржалы, которые его допрашивали, говорил: «Жив ли злодей Емелька и где он ныне находится; а потом... естли у нас в городе и на форпостах лошади, сколько кормны (кормленных.— Н. Б.), много ли в городе Астрахани людей и сколько полков во оной прибыло»³. Проведя разведку, казахи отправились в поход, стараясь двигаться скрытно в целях внезапности нападения, и всегда впереди себя высылали небольшие дозоры для выяснения обстановки.

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 13, л. 143.

² Там же, кн. 10, л. 213.

³ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 146, л. 53.

Сохранились сведения о многодневной осаде казахскими отрядами крепостей, например, Орской, Таналыцкой, Губерлинской, Тоцкой. Но казахи не только пассивно осаждали укрепления, они пытались штурмом взять их. Так, очевидцы с Коряковского форпоста рассказывали, что в первую очередь казахи пытались зажечь деревянные строения внутри укрепления, для чего зажигали бересту и, «воткнув оную на стрелу, стреляют и ею зажигают», затем уже начинали штурм крепостного вала или стен. Наступление казахов защитники крепостей и форпостов не могли остановить даже артиллерией, так как штурмовавшие умели тушить ядра и бомбы мокрым войлоком¹.

Значительный интерес представляет вопрос, где же многочисленные отряды казахов в годы Крестьянской войны в огромном количестве доставали оружие? Главным источником поставки вооружения были Хива и Бухара. Здесь обмен производился как за деньги, так и за пленных. Свидетелем таких торговых сделок был переводчик Ягофер Гуляев, ездивший с султаном Дусалы осенью 1774 года в Хиву и видевший там «пороху, свинцу и разного оружия великое количество, о котором де от самих хивинцов и от пленников наведася, что оное получают они большею частию чрез Астрахань, от плавающих для торгу к ним на купеческих судах мазуров (промышленников.— *Н. Б.*), почему де свинец и оружие по великому множеству покупаются весьма дешево»².

Еще об одном источнике вооружения сообщил на допросе 28 марта 1776 года купец Иван Жидков. В 1774 году он ездил за рыбой в Яицкий городок, Татищеву и Озерную крепости и в пути слышал, что «ездещие ис Оренбурга, ис крепостей за дровами, сеном и травой казаки и прочие русские люди продают народу их (казахам.— *Н. Б.*) ружья, тако ж свинец и порох, сабли и копья, по каковой же де причине худые люди к злодейству и усиливаются»³. Сообщение купца вполне правдоподобно. Казахские отряды полностью нарушали хозяйственную деятельность гарнизонов. Обычно казаки сеяли летом хлеб, заготавливали топливо и сено для скота на

¹ ГАОМО, ф. 1, оп. 1, д. 182, лл. 27—29.

² ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 153, л. 36.

³ Там же, д. 156, л. 9.

зиму, часть необходимых продуктов они получали от жителей окрестных деревень и слобод. Начиная с 1773 и по 1775 год казахские отряды, действовавшие в районе укреплений, контролировали дороги, по которым подвозилось продовольствие казакам, не давали возможности пасти скот, уничтожали хлебные посевы, сжигали траву и заготовленное сено, не выпускали жителей из крепостей на полевые работы даже под прикрытием воинских команд. Поэтому возможно, что продажа казачеством и жителями местных укреплений оружия казакам была вынужденной мерой, которая давала средства к существованию и практиковалась во многих местах.

Казахские феодалы и движение в Младшем жузе в 1774 году

Какую же позицию занял Нуралы-хан в событиях 1774 года? Если с осени 1773 года и до разгрома армии Пугачева под Татищевой крепостью в марте 1774 года он колебался между правительственной стороной и восставшими, то на втором этапе борьбы он полностью поддерживал оренбургскую администрацию. С уходом Пугачева в Башкирию оборвалась всякая переписка между ним и ханом. Но поведение Нуралы в период движения в Младшем жузе нельзя считать до конца последовательным, оно нередко менялось под влиянием внутренних обстоятельств в жузе, так как приходилось считаться не только с настроением рядовых казахов, но и крупнейших феодалов и родовой старшины.

Одной из причин, которые побудили хана пойти в 1774 году на союз с царской администрацией, были его сложные взаимоотношения с подвластной ему рядовой массой казахов. Недовольство подчиненных Нуралы-ханом начало проявляться уже в 50-х годах XVIII века, а в годы Крестьянской войны оно вылилось в прямое неподчинение его указаниям. Уже осенью 1773 года попытка хана препятствовать росту выступлений казахского населения в районе Нижнеяицких укреплений закончилась неудачей, это заставило его с «верными людьми» покинуть зимние кочевья у Яицкого городка и Оренбурга и откочевать на реку Сагыз. Здесь он получил «известие из Оренбурга, что оногo злодея шайку разбив принудили

бежать»¹. Попытка хана выступить с отрядом против казахов-повстанцев закончилась неудачей. Поэтому хан поехал со своими друзьями к Оренбургу «просить разрешения о кочевках у Яика»², близ Оренбурга, надеясь на защиту правительственных войск.

Положение Нуралы в 1774 году становилось все более сложным. 5 августа он писал полковнику Симонову, что казахи «все к войне на Русь склонились, которых я от того и возразить не в силах, почему они и мне злодеи оказались, от которых злодеев по речке Утве в вершину прочь и откочевал я к Илеку. Извольте оных воров собою искоренять, я тем буду довольным от воров табынцев... Желаю прикочевать к России... к Оренбургу... здешние вору от часу умножаются, прошу меня оборонять и удовольствовать»³.

Попытка хана уговорить казахов оставить их «воровской умысел» не имела успеха, поэтому он, сознаваясь в своем бессилии, просил графа Панина: «Ежели вышепомянутых воров киргисцев е. и. в. хотят наказать оружием по своему высокому повелению, то я об оных ворах ни мало не сожалею, но еще почел бы за отмщение, ежели таким образом повелит привести в порядок, всеми силами стараться буду... Ежели е. и. в. соизволит киргисцев простить, но мое намерение есть такое, сколько можно буду просить, чтоб оных воров киргисцов не простила, не наказав достойным им наказанием, которое они сами заслужили»⁴.

Неблагополучными были и отношения Нуралы-хана с частью феодальной знати. Так, родовая старшина была недовольна позицией хана в переговорах с царской администрацией по вопросу о выдаче русских пленных. В начале 1774 года яицкий комендант и оренбургский губернатор в письме к Нуралы-хану подтвердили указание из центра: «Форпосты, на которых люди пришли в согласие к Пугачеву, раззорять»⁵. Хан и феодальная знать постарались воспользоваться этими указаниями, организовав походы не против Пугачева, а на беззащитные русские

¹ АВПР, ф. 122/3, 1774 г., без номера, лл. 1—10.

² Там же.

³ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, л. 174, л. 200 об.

⁴ АВПР, ф. 122/3, 1774 г., без номера, лл. 1—10.

⁵ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 27.

и башкирские селения, где захватили массу пленных, которых частично продали в Хиву и Бухару.

Летом 1774 года, разгромив армию Пугачева под Царицыном, правительство усилило нажим на Нуралы-хана, требуя выдачи русских пленных, что неопровержимо доказало бы его политическую благонадежность. У хана и его родственников в 1774 году еще находилась большая партия пленных¹. Он, не желая расставаться с военной добычей, в то же время боялся отказать царскому правительству, а поэтому часть из подлежащих возврату пленных решил переложить на родовую старшину, вызвав этим ее недовольство. Когда из Яицкого городка от коменданта прибыло посольство во главе с татаринном Сарсакаем с требованием возврата русских пленных, хан, надеясь на поддержку старшин, созвал совет старейшин, который отказал ему в помощи, и заявил: «Зачем ты прежде сам зачал из-под Яицкого городка — твои люди как захват в плен людям, так и отгон скоту учинили, когда бы ты своим запретил, потом и нам запрещения учинил, а топеря зделавши беду, не найти плен, запродан в Хиву»².

Хан, понимая безвыходность создавшегося положения, вынужден был уступить и даже пойти на компромисс со своими подданными, с которыми он договорился, что пленных до весны 1775 года возвращать не будут, а затем откочуют в труднодоступные удаленные районы степи. Нуралы-хан надеялся, что правительство зимой 1774 года не сможет выделить силы для карательных экспедиций в Казахстан, а местные войска были обессилены в неравной борьбе с многочисленными казахскими отрядами³. Но, договариваясь со старшинами, он понимал всю шаткость своего положения в жузе и знал, что удержаться у власти он сможет лишь с помощью царского правительства. Поэтому в феврале 1774 года он начал переговоры с графом Паниным и просил его «оренбургскому губернатору и яицким судьям весьма строго повелеть, чтоб они со мною были друзьями и о всяких киргиз-кайсацких делах со мною посовествовавшись дела-

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, лл. 35—38; кн. 10, л. 338; АВПР, ф. 122/3, 1774 г., д. 3, л. 81.

² ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 96, лл. 126—127.

³ Там же.

ли»¹. В благодарность за это Нуралы обещал графу указать районы кочевков тех родов, которые принимали участие в Крестьянской войне.

Какой же политической линии придерживался Петербург во взаимоотношениях с казахами в годы Крестьянской войны? Осенью 1773 года правительство, напуганное размахом движения, настойчиво требовало помощи от Нуралы-хана для борьбы с Пугачевым. В начале 1774 года, когда царизм собирался с силами для окончательного разгрома армии повстанцев, его отношение к казахам становилось менее терпимым. 27 февраля 1774 года Нуралы-хан получил из Петербурга высочайшую грамоту «об удалении киргиз-кайсака за Яик, о приведении их в порядок, об освобождении здешних пленных и в прочем о удовлетворении всех причиненных убытков»².

В середине апреля 1774 года к Нуралы-хану из Астрахани был направлен для переговоров майор Ваганов. Он от имени астраханского губернатора Кречетникова потребовал от хана принятия экстренных мер для прекращения волнений в Младшем жузе и возвращения русских пленных: «Для дураков определил бог на земле царя и протчих набольших, чтоб дураков за их продерзости наказывать, дабы они от дурачества были воздержаны. Также и он, хан, саблю (носит.— Н. Б.) не напрасно, а по повелению божию»³. Нуралы, зная об успехах Пугачева в Башкирии, не оставил замечание Ваганова без ответа и впервые за годы Крестьянской войны выдвинул предложение о возможности смены казахами подданства и откочевке в «соседние государства Балх, Хиву, Ташкент»⁴. В Петербурге серьезно отнеслись к заявлению хана, так как из письма Симонова было известно о секретном сообщении казахов Татая Сабыргаева и Бичкаха, узнавших о переговорах Нуралы-хана с Аблай-султаном в ноябре 1773 года о совместной откочевке в районы, которые были под контролем турецкого султана⁵. Центральное правительство не столько опасалось маловероятной откочевки казахов на земли Турции, сколько того, что «когда злодей Пугачев будет войсками

¹ АВПр, ф. 122/3, 1774 г., без номера, лл. 1—10.

² Там же, 1774—1782 гг., д. 10, л. 197 и об.

³ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 27.

⁴ Там же.

⁵ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, лл. 218—219.

притеснен, тоб не имел случая бежать к нему, хану, и не был бы им прикрываем и особливо не покусился бы с помощью его прорваться на Кубань к вящей России вредности»¹.

В Петербурге, взвесив обстоятельства и учитывая, что движение в Казахстане разрасталось, а армия Пугачева продолжала действовать в Башкирии, решили занять более терпимую позицию по отношению к казахской степи. Поэтому Коллегия иностранных дел дала указание астраханскому и оренбургскому губернаторам «не подавать хану о нашей стороне... сомнения... и при нынешнем в том краю смущении корреспонденцию с ним, ханом, весть почаще под разными предтекстами и оказывать к нему ласковость, похваляя при том его доброжелательства и уверяя за сие высочайшею императорскою милостию утверждать в непоколебимой верности»². П. Рычков даже предлагал центральному правительству устроить личное свидание Нуралы-хана с Рейнсдорпом, приласкать хана, затребовать сына аманатом и «содержать здесь с старшинскими детьми в залог ево и народной верности, так как о том многие указы повелевают»³.

С победой царских войск над Пугачевым под Татищевой крепостью в марте 1774 года правящая верхушка Младшего жуза в письмах Рейнсдорпу выражала свою радость по этому поводу и предлагала свою помощь в будущем⁴. Султаны Айчувак, Ералы, Ишим, Гали, Усяк и Шабак полностью перешли на сторону царского правительства. Что касается семьи Дусалы-султана, то она в 1774 году откочевала на Сыр-Дарью, полуостров Мангышлак и в Туркмению, поэтому в движении этого периода участия не принимала⁵.

Большая часть феодальной знати и родовой старшины участвовала в движении, стремясь использовать казахские отряды не для борьбы с правительственными войсками и нападений на военные укрепления, а для грабежа мирных русских и башкирских селений и колоний немецких поселенцев на Волге.

Нуралы-хан в 1774 году поддерживал царское прави-

¹ АВПР. ф. 122/2, 1763—1775 гг., д. 16, л. 48.

² Там же.

³ ГБ им В. И. Ленина. Рукоп. отдел, ф. 222, л. VIII, д. 2, л. 26 об.

⁴ АВПР, ф. 122/3, 1774 г., без номера, лл. 1—10.

⁵ Там же.

тельство, но в то же время пошел на соглашение с феодальной знатью, так как боялся оказаться в изоляции внутри жуза. Не участвуя лично в походах казахских отрядов, хан всячески в переписке с царской администрацией стремился приуменьшить роль феодалов в движении, за что получал от них львиную долю добычи¹.

Среди крупных феодалов и ряда старшин, возглавлявших казахские отряды, действия которых не отличались от пограничной барымты и преследовали целью только захват пленных и скота, можно отметить двоюродного брата Нуралы-хана Баимраты², зятя Нуралы-хана Джанибека³, султанов Акима и Адюриза с братом, «который де в Хиве был на ханстве»⁴ и старшин Шири-ма, Саржали⁵, Актакуза, Карая⁶.

Какие же причины способствовали тому, что феодалы сумели частично возглавить народное движение летом 1774 года? Из них прежде всего укажем на барымту и национальную рознь. Пограничная барымта — общепринятое в то время явление в казахских аулах — воспринималась населением как одна из форм хозяйственного дохода, когда недостающие продукты питания и ремесла добывались за счет грабежа соседей. Барымта практиковалась между родами. В годы Крестьянской войны общее смятение, ослабление гарнизонов и правительственных войск на линиях военных укреплений и официальное разрешение правительства разорять «форпосты, на которых люди пришли в согласие к Пугачеву»⁷, позволили феодалам спровоцировать казахское население на грабеж пограничных селений, что ослабляло силу антиправительственных выступлений, отвлекло часть казахских отрядов от борьбы с царскими войсками.

Национальная вражда, разжигаемая царизмом, также была одной из причин выступления казахов против мирных русских, башкирских, немецких селений. Национальная рознь была надежным оружием самодержавия,

¹ АВПР, ф. 122/3, 1774 г., без номера, лл. 1—10.

² Там же.

³ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 16.

⁴ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, лл. 221—222.

⁵ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 18; АВПР, ф. 122/2, 1763—1775 гг., д. 16, л. 548.

⁶ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 17.

⁷ Там же, док. 27.

помогала ему ослаблять народы и нередко подавлять антиправительственные выступления, натравливая один народ на другой. Интересно проследить историю взаимоотношений казахов с башкирами в течение десятилетий, предшествовавших Крестьянской войне. Уже в 30-х годах XVIII века, когда в Башкирии в связи с усилением гнета феодально-крепостнического государства и общей активизацией правительственной колониальной политики растет недовольство населения, вылившееся в восстание 1737—1739 годов, начальник оренбургской комиссии Татищев пытался привлечь казахского хана Абулхайра к участию в подавлении башкирского движения. Он вел переговоры и с казахскими феодалами Среднего жуза, добиваясь их выступления против башкир¹. Особенно обострились отношения казахов с башкирами с 1755 года, когда царизм сумел натравить казахов на башкир, укрывшихся в казахской степи от репрессий правительства за участие в движении Батырши².

Если национальная вражда между башкирами и казахами имела свою предысторию, то о каких-либо прочных связях казахов с русским населением в первой половине XVIII века говорить еще рано. Казахи в своей повседневной жизни могли сталкиваться лишь с русской администрацией и линейным казачеством, которые являлись проводниками колониальной политики царизма и поэтому не могли надеяться на дружественное расположение к ним населения Казахстана. Если учесть, что в поселениях вдоль Яика и Волги среди гражданского населения был значительный процент отставных казаков и солдат, а также тесную хозяйственную связь гарнизонов крепостей и форпостов с мирными жителями, становится ясным, почему казахи, не различая своих врагов, обрушивали удары на крепости, а затем и на поселения вокруг них. Совершая эти нападения, казахи искренне верили, что оказывают помощь Пугачеву. Примером в этом плане является сообщение бежавших из казахского плена жителя деревни Усмановой Симбирского уезда Михаила Андреева и оренбургского казака Петра Батыргеева из отряда полковника Углицкого: «Они, кай-

¹ Н. Устюгов. Башкирское восстание 1737—1739 годов. М.-Л., 1950, стр. 80, 93—98.

² А. Чулошников. Восстание 1755 года в Башкирии. М.-Л., 1940.

сакн, по поимке его спрашивали, кому он служит, а сами де проговаривали, что они служат новому царю (Пугачеву.— Н. Б.)»¹. Феодалная знать смогла возглавить выступления части отрядов также благодаря укоренившимся в кочевом обществе патриархально-родовым традициям.

В 1774 году казахи неоднократно совершают походы на иностранные колонии на Волге и чаще всего на немецкие поселения у Саратова. Эти поселения на Волге у Саратова возникли в результате изданных Екатериной II двух манифестов от 4 декабря 1764 и 8 июля 1772 года, которыми она приглашала всех «нуждающихся и празднующихся иностранцев переселиться в Россию... для заселения и обитания рода человеческого наиболее выгоднейших и полезнейших мест». Выходцы из Германии, Франции, Швейцарии, Швеции, Нидерландов были поселены на Волге, где за счет русской казны они получили землю, луга, леса, рабочий скот, провиант, строительный лес и на 10 лет были освобождены от налогов. В конце 60-х годов XVIII века среди колонистов было около 43% крестьян, 44% ремесленников и 8,7% составляли дворяне, купцы и духовенство². Важно отметить, что выступления казахов в этом районе хронологически совпадали с действиями армии Пугачева в Среднем и Нижнем Поволжье и закончились с разгромом восставших у Сальниковой ватаги под Царицыном 25 августа 1774 года.

Казахские отряды, возглавляемые феодалами, совершали походы и на казачьи поселения по Волге. Волжское казачье войско было создано по указу императрицы Анны Иоановны от 15 июля 1731 года о добровольцах из донских казаков и украинцев, которым разрешено было селиться по Царицынской линии. Волжские казаки несли службу в Саратове и Астрахани, а также привлекались для воинских поисков против казахов. В 1775 году Екатерина II наказала часть из них за участие в Крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева и пересе-

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 196, лл. 307—315.

² «Саратовский край». Сборник, вып. 1. Саратов, 1893, стр. 237; «За коммунистическое просвещение». Энгельс, 1941, № 1, стр. 61, ЦГАДА, ф. 1274, оп. 2, ч. 1, д. 174(6), л. 413.

лила на Кавказскую линию под именем Гребенских казаков¹.

Царицынский комендант Цыплетев в письме графу Панину указывал, что казахи, «начав от Дмитриевска на нис по Волге, а особливо в волском войске великое зло в увозе людей и отгоне скота произвели, показывая наущение сего ж проклятого изменника (Пугачева.— Н. Б.)»². Первые походы казахских отрядов против волжских казаков отмечались в январе 1774 года, когда были разорены казачьи хутора Водянские, Широковские, Стрелинские, зимовья и форпосты, лежащие близ Дубовской, Балаклеяской и Поровайской станиц. Из них были уведены в плен 149 человек и отогнано много скота³.

Два крупных отряда казахов действовали в районе города Дубовки в марте 1774 года. Один из них численностью 1500 человек атаковал на волжских форпостах казаков старшины Терскова, застигнув их врасплох. И хотя казакам удалось отбить форпосты, преследовать казахов они не решились, так как еще не получили легкую артиллерию из Царицына⁴.

Действия казахских отрядов нанесли значительный урон Волжскому войску, поэтому были приняты экстренные меры для защиты форпостов и поселений вдоль Волги. По приказу царицынского коменданта Цыплетева жители покинули зимовья за Волгой, волжскими казаками были организованы дополнительные форпосты и круглосуточно производились разъезды у линии, а в Дубовке наготове стояли 300 казаков⁵.

Но так как этих мер оказалось недостаточно для борьбы с казахскими отрядами, на помощь Волжскому казачьему войску были присланы часть полевой команды и казаки из Царицына и 60 казаков из Саратова⁶.

Не имея достаточных сил справиться с казахскими отрядами на Волге, царское правительство решило вос-

¹ «Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. Мишиным», т. 2, ч. 1, стр. 51, 75; ЦГАДА, ф. VI, д. 595, ч. 4, л. 15; А. Рябинин. Уральское казачье войско, ч. 1. СПб., 1886, стр. 60.

² АВПР, ф. 122/3, 1773—1774 гг., д. 5, лл. 520—520 об.

³ Там же, 1763—1775 гг., д. 16, л. 546.

⁴ АВПР, ф. 122/3, 1774 г., д. 3, лл. 72—73.

⁵ Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II, т. II. СПб., 1884, стр. 268.

⁶ АВПР, ф. 122/3, 1763—1775 гг., д. 16, л. 546.

пользоваться помощью калмыцкого князя Дундука. Его отряд, состоявший из 4038 человек, нес дозорную службу на степной стороне Волги, в помощь ему были присланы из Астрахани две драгунские роты и казаки¹.

Князь Дундук был заинтересован в успешных действиях отряда, потому что это оправдывало его в глазах царского правительства, показывало непричастность к массам калмыков, поддерживавших Пугачева. Сомневаясь в надежности собранного отряда, Дундук поставил во главе его крупных феодалов Тюменя, Теке, Джиргала, Балника с братьями Нохань, Кобепем и Джамбой, Тарабанья, Бааранга, Баяра, Арасланга, Кирипа Яндыкова, Ицуня, Аскахала.

Когда калмыкам пришлось столкнуться с казахским отрядом, эти феодалы «сами из своих рук злодеев побивали, а на них смотря, и подвластные, будучи ими ободрены, всячески старались делать неприятелю вред». В столкновении погибло 107 казахов, 15 попало в плен, было отбито много скота. Князь Дундук потребовал за оказанную помощь от царского правительства, помимо полученной добычи — пленных, скота, оружия, которые достались начальникам отряда, денежного вознаграждения для рядовых калмыков. Правительство, желая укрепить положение Дундука среди калмыков, согласилось на это. Но основная причина награждения иная. Астраханский губернатор П. Кречетников разъяснил ее так: калмыки «с нашей стороны признаютца сумнительными, так в подкрепление их в верности и к поощрению впредь к службе е. и. в., в рассуждении и настоящей ныне с стороны Кубани опасности от неприятельских нападений в здешние места; паче же и других калмык в приведение к тому в склонность, дабы они все в самую верность к службе и ревность приводятца могли». В дальнейшем калмыцкие войска несли службу на луговой стороне Волги между крепостями Енотаевской и Астраханью, Чернойрской и Красноярской².

* * *

Еще в сентябре 1773 года, когда начал складываться основной костяк армии Пугачева, наметился ее много-

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 19.

² Там же, док. 24.

национальный состав. Руководитель Крестьянской войны, создавая армию, стремился уничтожить национальную вражду, десятилетиями разжигавшуюся царским правительством между народами России. Казахи, внимательно наблюдавшие за развивающимися событиями, знали о многонациональном составе армии восставших. Пугачев, отправляясь вторично в аул к Нуралы-хану в ноябре — декабре 1773 года, видимо, преднамеренно прибыл в сопровождении отряда, где были русские, чуваша, черемисы, башкиры, татары, калмыки. Он считал, что многонациональный отряд послужит наглядным примером возможности объединения и совместной борьбы представителей разных национальностей. Агитация Пугачева сыграла свою роль, многие казахи влились в армию восставших и сражались плечом к плечу вместе с представителями разных народностей, все сильнее намечалась тенденция к объединению сил для совместного выступления против царизма. Ярким подтверждением этому явились письма султана Младшего жуза Сейдалы и старшин Среднего жуза султанов Хутайменды и Таира к башкирскому народу с призывом прекратить вражду и объединиться для совместной борьбы с царизмом. С самого начала восстания наиболее благоприятные отношения были между казахским и татарским народами, нередко объединявшимися в боевые отряды. Дружба этих двух народов зародилась еще до восстания. Казахи часто с коммерческими целями посещали селения татар у крупных торговых центров Оренбурга, Троицка, Петропавловска. Татарские купцы неоднократно посещали казахские аулы — почти вся мелочная торговля в Младшем и Среднем жузах находилась в их руках.

Но татары прочно не обосновывались в казахских селениях, а задерживались лишь для торговых сделок. Впоследствии, в годы Крестьянской войны Пугачев использовал эту группу татар, хорошо знавшую казахскую степь, для распространения манифестов и агитации среди казахов с целью привлечения последних в армию повстанцев, а также для переговоров и переписки с крупными феодалами Младшего и Среднего жузов. Кроме того, татары, как живые участники и свидетели событий Крестьянской войны, непосредственно влияли на настроения рядовых казахов, рассказывая им о действиях армии Пугачева, что способствовало развитию само-

стоятельного движения в казахских жузах. Но была и небольшая группа татар-чиновников, которая в годы Крестьянской войны верно служила царизму. С 30-х годов XVIII века татары принимали более или менее значительное участие в делах пограничного управления, были толмачами, письмоводителями и нередко тайными агентами царского правительства в казахских аулах. В годы Крестьянской войны они подробно информировали правительство о положении дел в казахских жузах.

Имеются сведения о совместных выступлениях казахов и татар¹. Полковник Углицкий, посланный для борьбы с казахскими отрядами на Самарской линии в 1774 году, узнал от бежавших из казахского плена казаков Ивана Лопатина и Ивана Шарова о готовящемся нападении шеститысячного отряда казахов и татар на Борскую крепость: «Воры киргисцы грабеж производят не одни, а есть немалое число с ними татар, да и хозяин де из них у Лопатина был татарин и по-русски говорить весьма сведущ, которой де Лопатина с пристрастием допрашивал, сколько у него Углецкого команды и есть ли в крепостях пушки»².

Татарин Аптуш Тангаев возглавлял отряд казахов в декабре 1774 года при нападении на Кулагину крепость³. Яицкий казак из татар Асан Мустаев руководил казахским отрядом в 500 человек во время осады им Сарайчиковской крепости осенью 1774 года⁴.

В особо тесных отношениях казахи были с татарами из Сентовской слободы (Каргала) под Оренбургом, где они часто бывали по торговым делам. В годы Крестьянской войны казахи продолжали поддерживать отношения с кундровскими татарами, которые кочевали у Астрахани и были крайне недовольны мероприятиями царизма, например, по запрещению им перекочевки на луговую сторону Волги, что способствовало росту у них земельной тесноты. В годы Крестьянской войны кундровские татары, воспользовавшись общим смятением, начали переговоры с Нуралы-ханом о смене подданства и перекочевке в казахские степи. Переводчик А. Алтышев и

¹ А. Васильев. Материалы к характеристике взаимоотношений татар и киргизов. Оренбург, 1898.

² ЦГАДА, ф. 1100, кн. 10, л. 213.

³ Там же, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 186, л. 309.

⁴ Там же, лл. 307—315.

казах Байгоджи Ангелдиев были свидетелями приезда к Нуралы-хану посольства кундровских татар со старшиной Джапалаком, которое объявило, что «им между русскими находиться весьма трудно и потому желают от России удалиться, к чему и способ хорошей имеют, будучи на луговой стороне, куда переведены с прежних мест, с горной, астраханским губернатором, и для того б ожидал он, хан, их к себе и просил прислать навстречу им войска»¹.

Рядовые казахи и старшины, которых особо интересовал вопрос о перекочевках через Яик, знали о земельной тесноте у кундровских татар и живо интересовались их переговорами о кочевках за Волгой². В начале января 1775 года кундровские татары ушли из-под Астрахани в Младший жуз. Но в Рынь-песках они были разбиты правительственными войсками и вынуждены вернуться на прежние места³.

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 18.

² Там же, док. 27.

³ Там же, док. 16.

ГЛАВА IV

ПОДЪЕМ ВОССТАНИЯ В МЛАДШЕМ ЖУЗЕ В 1775 году

Массовое антиколониальное движение, начавшееся в 1774 году, продолжалось и в 1775 году, и оно было не менее интенсивным, хотя не связывалось непосредственно с действиями и именем Пугачева, которого казнили в январе 1775 года. На новом этапе движения наметились некоторые изменения в социальном составе его участников. Изменился и географический район концентрации восставших казахских родов, откуда их отряды вели наступление на укрепления Нижнеяицкой линии и вдоль Волги.

Движение казахов Младшего жуза в 1775 году можно разделить на три периода: зима 1774/75 года, весна и лето. В разные времена года движение казахов Младшего жуза меняло свою интенсивность и форму. С осени 1774 года казахи, «слыша о приближении для отмщения им войск, от Яику-реки отвалились к Каспицкому морю и на острова», где расположились для зимовки¹. Зимой 1775 года действия казахских отрядов сосредоточились на сравнительно небольшом участке по Оренбургской укрепленной линии от Гурьева-городка до крепости Калмыковой. Этот вывод подтверждает экстракт², составленный для графа П. И. Панина, где перечисляются крепости и форпосты, на которые совершались нападения казахов тех родов, которые в зимнее время обычно кочевали в районе Оренбургской укрепленной линии.

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 196, л. 71.

² Там же, д. 191, лл. 307—310 об.

В феврале и весной 1775 года волнения в Младшем жузе разрастались, охватывая большую часть населения кочующих здесь казахских родов и огромную территорию от реки Эмбы до реки Чингерлау и озера Кынаю, прилегающую к Оренбургской пограничной линии. Отдельные казахские отряды действовали в междуречье Яика и Волги и даже доходили до Саратова. Общую характеристику области, где сконцентрировались казахские роды, примкнувшие к движению, дал П. И. Рычков в «Экстракте о казахском народе»: «...от Каспийского до Аральского морей, где имеют не только к кочевкам, но в случае опасности и к убежищам своим множество выгодных и безопасных мест»¹. Более подробно район движения определен в двух письмах Нуралы-хана, о которых сообщал в донесениях за январь и апрель генерал-поручик А. В. Суворов графу Панину: «...вниз по Яику реке, близ Гурьева-городка, при степных речках: Каны, Багдурта, Каракуль и Тункуль², Уландый, Калдыгай и озеро Кынаю»³. Позднее, в конце апреля, Нуралы-хан место скопления повстанцев ограничивал реками Хана и Каракуль⁴. Об этом он писал на Горский форпост майору Голубу и просил его, «чтоб он нападения на кочующих по Яику-реке киргисцов не чинил, потому что де они уже, раскаясь, пришли ему в послушание, а следовал бы на реку Каракуль, где кочует их большое количество... по речкам Калдыгаю, Уландыю, Чунгурлову и около озера Кынаю»⁵. Местная администрация, не доверяя полностью хану, уточнила район, где скопились казахские роды, принимавшие участие в волнениях, через сотника Терновского, который жил в ауле у Нуралы-хана, и узнала, что «по реке Уралу вверх и вниз кочуют воров киргисцов до тысячи кибиток... на реке Хане также кочуют воров киргисцы да несколько кибиток. Хан же с братом своим Айчувак-султаном кочуют от Кулагинной крепости в двух

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 196, л. 16.

² Там же, д. 182, лл. 80—81.

³ Там же, д. 202, л. 178 и об. Имеются также в документах следующие указания о районе, где сконцентрировались восставшие казахские роды: по рекам Хана, Канты, Булдурты, на урочище у озера Каракуль и озер Баркуль и Итункуль, на речке Уланты у Индерских гор. См.: ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 167, л. 134; д. 151, л. 218; ГВ им. В. И. Ленина. Рукоп. отдел, ф. 222, л. VIII, д. 2, лл. 42—43.

⁴ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 182, л. 181.

⁵ Там же, д. 196, лл. 331—332 об.

верстах»¹. Наиболее упорными были волнения на реках Сагыз, Емели и Эмбе².

Какие же казахские роды принимали участие в волнениях 1775 года? В движении приняли участие казахи двух отделений Младшего жуза Байулы и Семиродского, из которых наиболее активными были роды Байбакты³, Алача, Джегал-Байлы, Табын, Тама, Кердари⁴. Трудно установить в каждом конкретном случае, какой род действовал в каком районе. Обстановка в Младшем жузе в 1775 году была очень сложной, что подтверждается письмом хана Нуралы и султана Айчувака графу Панину от 17 апреля 1775 года: «Прислан был к нам майор с требованием, чтоб мы вступили в разобранье и винных людей от невинных отличали. Но нам того учинить никак невозможно было, потому что народ наш был тогда в великом волнении, наподобие кипящей воды»⁵.

Прежде чем говорить о движущих силах восстания 1775 года в Младшем жузе, отметим некоторые изменения, которые произошли с конца 1774 года в социальном составе его участников. Феодалная аристократия, возглавлявшая часть отрядов летом 1774 года, полностью отошла от движения в 1775 году и возглавила его подавление. Ярче всего этот процесс можно проследить на поведении Нуралы-хана и Айчувак-султана. В 1773 и в начале 1774 года хан занимал выжидательную позицию. Его колебания объяснялись успехами армии Пугачева. Но уже с 1774 года Нуралы-хан перестал колебаться и полностью отошел от движения. Этот шаг он сделал втайне от широких народных масс, продолжая вести двойную игру, так как боялся окончательно лишиться авторитета. Продолжались разногласия с родственниками по линии его отца хана Абулхайра. Несмотря на то, что Нуралы и его брат Айчувак-султан выступали противниками движения в 1775 году, в их действиях не было единства. Нуралы-хан, опасаясь в будущем притязаний своих родственников на место верховного правителя жуза, пытался очернить их в глазах правительства. Он пи-

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 202, лл. 377—378.

² Там же, д. 183, лл. 377—378.

³ Там же, д. 181, лл. 432—438 об.; д. 203, л. 242 об.

⁴ ГАОО, ф. 3, д. 43, лл. 53—95 об.; оп. 1, д. 151, л. 280; ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 181, лл. 432—438 об.; д. 196, лл. 338—339.

⁵ ЦГАДА, ф. 1274, д. 184, лл. 281—292.

сал Рейнсдорпу, что Айчувак-султан вышел из его повиновения, помогал восставшим казахам из рода Табын, а поэтому заслуживал наказания. Хан также требовал репрессивных мер и по отношению к своему двоюродному брату Дусалы-султану, который был соучастником Пугачева и прощать которого «не следовало, ибо естли таковыя воры освободятся, то и других на равномерность поощрять будут»¹.

Сложными были взаимоотношения Нуралы-хана и со значительной группой феодалов — родовых старшин. Основная их группа в 1775 году просила у Нуралы-хана «в их преступлениях прощения и, прочтя молитву, присягою утвердили, чтоб им быть в его ханском повиновении, и весь российский плен собрав возвратить»².

Отдельные старшины возглавляли казахские отряды и продолжали антиправительственную борьбу. К числу их можно отнести старшин рода Табын — Тлянчея Букенбаева, рода Кердари — Банзурзы и Карьяу, рода Тама — Кыдыра, рода Джегал-Байлы — Улбариса Арметеева, рода Байбакты — Срыма Датова, и «издревле в справедливости пребывающего старшину, именуемого Яркумби», и Джолана³. Не удалось установить, к каким родам принадлежали старшины — батыры Турунбет и Каржау⁴ и Кадыр Худайбердин⁵. Но и среди старшин, возглавлявших казахские отряды, не было единства. Часть их, временно примкнув к восставшим, с весны 1775 года пыталась отойти от движения. Свою временную связь с повстанцами старшины объясняли Нуралы-хану так: «Мы, видя российский народ промеж собою колеблющегося и друг друга убивающего до смерти, прозывая оного вора и злодея большим человеком (Пугачева.— Н. Б.) к тому ж на сих границах обращающиеся российские люди, следуя ему, оказывали вредности»⁶— и обещали присягнуть в верности императрице Екатерине II и вернуть захвачен-

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 196, лл. 338—339; ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 155, л. 162.

² АВПР, ф. 122/3, 1775—1781 гг., д. 1, лл. 10—11 об., л. 26 об.

³ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 181, лл. 432—438 об.; д. 196, лл. 338—339; д. 202, л. 284; д. 203, л. 18 об.; ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 151, л. 193; д. 146, л. 126.

⁴ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 146, л. 126.

⁵ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 202, л. 284 об.

⁶ АВПР, ф. 122/3, 1775—1786 гг., д. 2, лл. 10—11 об.

ных пленных. Часть старшин, которые отошли от движения, договорилась с Нуралы-ханом о встрече у Гурьева-городка для сбора пленных. Но среди них так и не была достигнута договоренность, волнения продолжались. Нуралы-хан в письме к Рейнсдорпу сообщал, что еще до его прибытия к Гурьеву-городку «к Яику-реке из легкомысленных киргис-кайсаков по прежним их возмущениям своевольно одна партия, переправясь через Яик, поехала для воровства»¹.

Видимо, переговоры Нуралы-хана со старшинами были малоуспешны, и он вынужден был уехать, «не дознав, кто из них союзники, кои злодеи». Так как волнения в этот период приняли массовый характер, то колебания старшин, хотя и ослабляли движение, но не меняли его общей картины. Имеется интересный документ, подтверждающий существование разногласий между старшинами и рядовой массой казахов. Так, в роде Байбакты старшин, которые отказывались поддержать движение, население заменяло выборными старшинами. Например, отряд из 500 казахов возглавляли из выбранных «самими теми киргисцами за отличность Джамбулат Айвазов сын, Ташбулат Айвазов же сын, а тому Джамбулату брат, да Утчиле, а чей сын не знает» (по словам казаха Ж. Батырова)².

Какими же были отношения Нуралы-хана и Айчувак-султана с рядовыми казахами? С 1775 года они стали враждебными. Причин этому и отходу от Нуралы было достаточно. Еще задолго до Крестьянской войны бессилие хана в переговорах с правительством разрешило вопрос о перекочевках подорвало его авторитет и обострило отношения с населением подчиненных ему казахских родов. В годы Крестьянской войны (1773—1775) вопрос о земле по-прежнему оставался нерешенным. 27 февраля 1774 года Екатерина II грамотой, присланной Нуралы-хану, подтвердила запрещение для казахов перекочевывать на левобережье реки Яика: «Обширность лежащей за рекою Яиком степи столь велика и столь обильна разными угодиями и привольствами, что всегда тамошних мест довольно быть иметь для их расположения, содер-

¹ АВПр, ф. 122/3, 1775—1786 гг., д. 2, лл. 10—11 об.

² Там же.

жания их скота и для нужной на всякий случай безопасности...»¹.

Одной из причин, которая также настраивала рядовых казахов против Нуралы-хана, были «воинские поиски» и произвол в действиях гарнизонов по линии.

Хан был официальным лицом, через которого осуществлялась связь казахской степи с царским правительством. Без сомнения, какая-то часть ответственности за действия русских гарнизонов ложилась и на него. Оправдываясь, Нуралы-хан связывал начало волнений в Младшем жузе с русско-турецкой войной 1768—1774 годов, когда казахи, «сведав об открытии линии и о умалении воинских сил», выступили против царского правительства. С появлением в казахских степях осенью 1773 года Пугачева эти волнения усилились. Как утверждает Рейнсдорп, казахи пустились «на такое злодейство, что многия линейные крепости, государственные и помещичьи селения разорнили...»².

Попытки Нуралы-хана в 1774 году изменить настроение волновавшихся казахских родов оказались безуспешными, «а чтоб к сему злодею (Пугачеву.— Н. Б.) никто не приставал и его словам не верил и не слушал, посылал я с объявлением о том в нижния жилища людей своих, но в оные их не допускали, страшая убитием из ружей»³. Рядовые казахи отказывались подчиняться Нуралы, «не взирая на ханское и братьев его увещевание, не только не помышляли обратиться к спокойствию и возвращению российских пленников, а расширяли злодейства и воровства свои до самой Волги реки»⁴. Поэтому хан был вынужден признать в письме к Рейнсдорпу 22 декабря 1774 года, что «его старание остается тщетно, ибо они (казахи.— Н. Б.) как меня не слушают, так и России не боятся и вас не почитают, да слышно и паки собираются малые люди для злодеяния»⁵.

О сложности положения Нуралы-хана в 1775 году сообщал сотник Дерновский Рейнсдорпу в феврале: «...а при хане очень мало кочует, хан в великом суждении

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 202, л. 284 и об.

² ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, л. 12.

³ АВПР, ф. 122/3, 1775—1786 гг., д. 1, лл. 10—12 об.

⁴ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, л. 12; ГБ им. В. И. Ленина. Рукоп. отдел, ф. 222, ч. VIII; д. 2, лл. 42—43.

⁵ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 167, л. 134.

о них, а что касается до плену надежды не будет, а киргизцы хана нимало не слушают, да и сил его не достает, а сам от крепости не идет»¹. 7 марта Нуралы, признавая свое бессилие, писал майору Голубу о грабеже казахских аулов командой поручика Щукина² и о форпостных казаках, которые ему и его подвластным «чинят обиды и налоги»³.

Разногласия между рядовыми казаками и ханом привели к тому, что в 1775 году народные массы выступили против отдельных представителей феодальной аристократии, и в первую очередь против хана и его ближайших родственников. Нуралы, напуганный размахом движения, обратился в Оренбург с просьбой прислать против восставших карательные отряды, а для защиты его семьи — казаков⁴. Царское правительство знало, что подданные хана выступили против него, поэтому, когда в феврале 1775 года оно направило в Младший жуз карательные отряды, для защиты семей Нуралы-хана и Айчувак-султана были посланы казачьи старшины. Весь 1775 год при Нуралы-хане находился сотник Дерновский, а при Айчувак-султанине — хорунжий Белтюков⁵ с отрядами из 30 казаков каждый. А когда карательный отряд был на пути к кочевьям казахов, расположенным по нижнему течению Янка, решено было укрыть Нуралы-хана и Айчувак-султана с семьями в одной из русских крепостей⁶.

Весной 1775 года население оказало мужественное сопротивление царским карательным отрядам, с помощью которых Нуралы-хан надеялся подавить восстание. Казахские роды, принявшие участие в событиях 1774 года, не прекращали борьбу и весной 1775 года. Еще с осени 1774 года казахи из родов Байбакты, Тама, Табын, Алача, Кердари решили, что до весны они будут возвращать небольшими партиями русских пленных, а с наступлением тепла откочуют от Янка и крупными отрядами бу-

¹ ГБ им. В. И. Ленина. Рукоп. отдел, ф. 222, д. 2, л. 68 и об.

² Там же, лл. 143—146.

³ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 196, лл. 91—101 об., 331—332, 334—335.

⁴ ГБ им. В. И. Ленина. Рукоп. отдел, ф. 222, л. VIII, д. 2, лл. 42—43; ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, л. 12; ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 181, лл. 432—438 об.

⁵ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 148, л. 23.

⁶ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 196, лл. 91—101 об.

дуг нападать на форпосты и Яицкий городок, гарнизону которого не дадут ни сена косить, ни плоты гонять, надеясь, что «от такой тягости (казаки.— Н. Б.) и город свой бросить могут»¹. До весны 1775 года казахи переселенных родов кочевали на левобережье Яика и у Каспийского моря, несмотря на запрещение царского правительства. На попытки казаков согнать их с занятой территории они отвечали сопротивлением и говорили, что «эта сторона их»². Казахи неоднократно вступали в сражения с казачьими отрядами, посылавшимися для сгона скота с запретной зоны за реку Яик. Такие сражения, например, были у Тополевской, Кулагинской и Баксаевской крепостей, при этом с обеих сторон были убитые и раненые.

Кроме столкновений с казаками во время перегона скота через Яик, небольшие сражения были и при нападении казахов на крепости, редуты и форпосты укрепленных линий. В январе 1775 года такие сражения были у Кулагинской и Калмыковской³ крепостей, у крепости Индерских гор, Зеленовского и Гребенщиковского форпостов. Передвижение по степным дорогам становилось опасным. Казахи вступали в сражения с отрядами, сопровождавшими продовольственные обозы и почту. Так, в середине января казахи совершили нападение у Каршевского форпоста на отряд в 60 человек, сопровождавший почту из города Гурьева, но, потеряв 8 человек убитыми, отступили⁴.

Во всех этих столкновениях потери с обеих сторон не превышали двух десятков человек, но сам факт показывал, что борьба не прекращалась даже в тяжелые зимние месяцы. Обычно в течение всего периода Крестьянской войны в зимние месяцы наблюдалось ослабление выступлений казахских отрядов, что объяснялось тяжелыми природными условиями, спецификой быта казахов, имевших кочевое хозяйство. Но это ослабление подготавливало основу для их продолжения весной. Именно в этот период происходило накапливание сил, их перегруппи-

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 96, лл. 126—127.

² ЦГАДА, ф. 1100, кн. 1, лл. 359—360; АВПР, ф. 122/2, 1774—1782 гг., д. 10, л. 200.

³ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 182, лл. 175—176.

⁴ Там же, д. 191, лл. 307—310 об.

ровка, и обычно уже с конца зимы и весной борьба разгоралась с новой силой.

Интересные сведения о волнениях весной 1775 года в роде Байбакты, той его части, которая кочевала по рекам Емели и Сагыз, рассказал Ж. Батыров¹. Казахи этого рода весь период Крестьянской войны самовольно перегоняли скот на внутреннюю сторону. Яика в сопровождении больших вооруженных отрядов численностью не менее 500—600 человек². Такие перегоны совершались у Баксайской крепости, Гурьева-городка, Сорочинского форпоста, Сарайчиковского редута, и при этом неоднократно происходили стычки казахских отрядов, сопровождавших стада, с русскими военными отрядами. Например, значительное столкновение казахов произошло с отрядом в 60 человек капитана Краевича, который пытался препятствовать перегону скота через реку. В этом бою погибло до 40 казахов³.

Кроме того, в аулах рода Байбакты формировались отряды, которые совершали нападения на казачьи поселения в районе реки Камышенки на левом берегу Волги. Необходимо оговориться, что это были селения верных правительству волжских казаков, которые выступали против восставших совместно с гусарами Молдавского и Бахмутского полков. Казахским отрядом из 170 человек были разбиты поселения в районе колонии Ровной и хутора Золотого, где в марте 1775 года размещался эскадрон Молдавского гусарского полка. Казахи, разделившись на два отряда, вступили в сражение с гусарами. Один отряд в 60 человек был разбит, второму удалось уйти от преследования вверх по реке Еруслану⁴. Весной 1775 года казахи совершали нападения на казачью Нижне-Каравайскую станицу и Дуткины хутора. Действовали они организованно. Так, они разбили хутора по рекам Волга и Медведица «в сырую неделю (масляная неделя предшествует великому посту, примерно бывает

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 196, л. 340 и об. Старшина Ж. Батыров был захвачен в колонии Ровной и приговорен к ссылке. Но по просьбе Уралы был освобожден, так как хан надеялся, что Батыров, пользуясь уважением в роде Байбакты, поможет ему уговорить казахов прекратить выступления против царизма.

² ЦГАДА, ф. 1274, д. 404, л. 284 и об.

³ Там же, д. 183, лл. 377—378.

⁴ ЦГАДА, ф. 1274, д. 183, л. 215.

в феврале-марте.— Н. Б.), предузнавши слабость волжских казаков, кои вместо способов о защите обращались в пьянстве, оставя все надобные предосторожности»¹. Волжские казаки не могли справиться с многочисленными казахскими отрядами, поэтому майор Сентюнин вынужден был послать против них из города Дмитриевска еще один эскадрон гусар с капитаном Сабовым². На помощь казакам прислан был также эскадрон Бахмутского гусарского полка³.

Выступления казахов рода Байбакты царское правительство считало особенно опасным, так как здесь движение возглавляли такие сильные руководители, как старшина Срым Датов⁴. Нуралы-хан просил Рейнсдорпа прислать карательные войска прежде всего против этого рода, надеясь, что если удастся усмирить этот род, то «и другие роды то ж учинят», и затем обещал показать места, где сконцентрировались казахские роды, также участвующие в волнениях, с указанием, «кто из них вор и кто справедлив»⁵.

Волнения в Байбактинском роде вызвали большое беспокойство у царской администрации, особенно после того, как 20 июля 1775 года Рейнсдорпу стало известно, что «Срым-батыр во многом числе киргисцов имеет намерение к учинению в границы наши сделать впадение»⁶. Оренбургская администрация приняла меры предосторожности и приказала начальникам военных отрядов, «не упуская ни мало удобного времени намеряющуюся воровскую киргизскую толпу с Срым-батыром, где б оной когда в зломышленном виде не проявился, самово ево искоренить, схватить или на месте умертвить, какую бы ни дальнюю погоню за ним чинить... равномерно тож учинить и с его главными сообщниками»⁷.

Волнения в роде Байбакты весной 1775 года подавить не удалось, они продолжались и в летние месяцы, что подтверждается перепиской Суворова с Паниным в июле 1775 года. Казахские отряды численностью от 100

¹ ЦГАДА, ф. 1274, д. 183, л. 214.

² Там же, оп. I, ч. 1. д. 404, л. 50 и об.

³ Там же, д. 202, лл. 50—51.

⁴ Там же, д. 181, лл. 432—438 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же, д. 203, л. 242 об.; ГАОО, ф. 3, оп. I, д. 146, л. 126.

⁷ ЦГАДА, ф. 1274, д. 203, л. 18 об.

до 500 человек из родов Байбакты, Тама, Табын, Кердари и Джегал-Байлы с весны 1775 года действовали по Нижнеяницкой и Верхнеяницкой дистанциям. Отдельные сражения казахских отрядов с регулярными и иррегулярными войсками, а также нападения на крепости и форпосты отмечены у следующих укреплений: крепостей — Татищевой, Кулагиной, Тополинской, Баксайской, Индерских гор, Калмыковой, Илецкой защиты, Красногорской, Воздвиженской, Орской, Верхнеуральской, Степной, форпостов — Индерского, Красных Яров, Бударинского, Кош-Уральского, Антоновского и редутов — Подгорного и Сухореченского¹. Неоднократные нападения на русские укрепления большими отрядами в количестве до 300 человек совершали казахи, кочевавшие в районе Верхнеяницкой крепости по рекам Большой Гунбейке, Тогузак и Каята. В апреле казахские отряды напали на Степную крепость и селения Исецкой провинции², отряд из 500 человек к Таналыцкой крепости «приступ делал, однак, стрелянием из пушек отбиты»³. Неоднократно подвергались нападениям со стороны казахов Красногорская крепость и Илецкая защита⁴.

Казахские роды, кочевавшие вдоль Оренбургской линии, действовали не только в районе Урала и Волги и пограничных укреплений, но спускались и к берегам Каспийского моря, совершая набеги на морские ватаги. 7 марта 1775 года бывший в казахском плену Петр Семенов сообщил, что казахи, «собравшись до трех сот человек, пошли между Астрахани и Гурьева-городка попрежнему на состоящие по Каспицкому морю ватаги, с намерением, чтоб разбивать и российских людей пленить, да сверх де оных еще и из аулов туда собираются»⁵. Казак Закладнов, посылавшийся из Сорочиковской крепости для разведки в Гурьев-городок, узнал, что казахи родов Табын и Берш⁶ разгромили рыбные ватаги купца Ершова, Богатый култук и Каменную. Во главе одного

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 146, л. 124; д. 151, лл. 43, 109, 280, 193, 218, 306; ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 182, л. 175; д. 181, лл. 432—438; д. 184, лл. 9—10.

² ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 184, л. 9 и об.

³ Там же, д. 200, лл. 191—192 об.

⁴ Там же, д. 196, лл. 338—339.

⁵ Там же, д. 202, лл. 50—51.

⁶ АВПР, ф. 122/2, 1763—1775 гг., д. 16, л. 561.

из отрядов в количестве 300 человек стоял казах Чакташ-батыр¹. Подтверждение этому находим в рапорте Оренбургской губернской канцелярии графу Панину 18 марта 1775 года: «Киргисцы, на коих хан жаловался и о укрощении их просил, не приставали почти всю зиму при Уральских форпостах делать пакости уводом людей и отгоном скота, а напоследок отважились, прокрався чрез линию, во многолюдстве пробраться и до взморья и тамо все Астраханские рыбные ватаги разорить и людей со всем их имуществом захватить»².

Царское правительство было обеспокоено действиями казахских отрядов по пограничной линии и в междуречье Урала и Волги, кроме того, оно боялось их соединения с остатками армии Пугачева в этом районе, что могло привести к дальнейшему усилению волнений в Младшем жузе. Поэтому, когда из допроса бывшего пугачевца Семена Мордвинкина 8 марта 1775 года выяснилось, «якоб оторвавшаяся от толпы Пугачева в пятнадцати или более человеках шайка имеет кочевие по реке Узене»³, царское правительство ускорило формирование и отправку в Младший жуз карательных отрядов, а на реку Узень срочно был послан с командой поручик Никопольский. В верховьях реки Чарачуна он обнаружил отряд казахов из 30 человек, но установить, кто были эти люди, не удалось, так как после небольшого сражения отряд казахов ушел от преследования в сторону Больших Узеней.

Еще с осени 1774 года царское правительство решило выделить войска не только для борьбы с казахскими отрядами на линиях военных укреплений, но и для карательных экспедиций в глубь казахских степей. Уже 3 октября 1774 года Екатерина II писала графу Панину, что казахов необходимо «поставить в такое состояние, чтоб вперед перестали нашей коммерции с Индией и Бухарией быть вредны»⁴. В декабре 1774 года Рейнсдорп получил из Петербурга приказ об отправке карательной экспедиции в Младший жуз с рекомендацией захваты-

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 183, л. 211 и об.

² Там же, д. 191, л. 326 и об.; д. 202, лл. 90—91; ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 146, л. 66.

³ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 202, лл. 90—91.

⁴ «Бумаги графа П. И. Панина о пугачевском бунте», Спб., 1871, стр. 81.

вать у казахов жен и детей, отгонять скот, чтобы заставить их прекратить нападения на военные укрепления и вернуть русских пленных¹. Зимой 1774/75 года царское правительство не посылало крупных карательных отрядов для подавления движения в Младшем жузе. Это объяснялось тяжелыми природными условиями. Сделав попытку с помощью феодальной верхушки успокоить население Младшего жуза и потерпев при этом неудачу, царское правительство решило задуть восстание при помощи карательных отрядов весной 1775 года.

Народный, антифеодальный и антиколониальный характер движения казахов Младшего жуза особенно ярко проявился в борьбе восставших с карательными отрядами. К марту на Оренбургской пограничной линии были сосредоточены значительные русские военные силы. На основании табеля расположения русских войск к 10 марта 1775 года в районе, который был охвачен

Расположение и количество регулярных войск на территории Младшего жуза в 1775 году

Название воинских соединений	Место расположения
8 и 22 легкие полевые команды Ядринского мушкетерного батальона	Под Оренбургом
3 драгунских эскадрона Оренбургского корпуса	Под Оренбургом
Изюмский гусарский полк	Под Уральском
Башкир и мишарей от 3 до 5 сот	Под Уральском
12 эскадронов Бахмутского гусарского полка	Под Уральском
6 и 7 полевые команды Свияжского батальона	Под Уральском
Молдавский гусарский полк	Под Илецким городком
300 башкир ²	Под Илецким городком
23 и 24 полевые команды Чернойярского мушкетерского батальона	Под Верхнеуральской крепостью
Донеский пикетерный полк и 100 донских казаков	Под Верхнеуральской крепостью
100 мишарей или башкир	Под Верхнеуральской крепостью

¹ ГБ им. В. И. Ленина. Рукоп. отдел, ф. 222, л. VIII, д. 2, л. 41 и об.; ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 182, л. 163 и об.

² ЦГАДА, ф. 1274, д. 182, л. 163.

Крестьянской войной под предводительством Пугачева, составлена следующая таблица с указанием пунктов расположения в них русских войск на территории Младшего жуза¹ (см. на стр. 135).

Периодически из пунктов, где находились русские военные соединения, направлялись карательные отряды в районы наиболее активных выступлений казахских родов.

О формировании одного из таких отрядов мы узнаем из указа Екатерины II Рейнсдорпу от 14 января 1775 года. В отряд входило два эскадрона Бахмутского гусарского полка, 120 легких драгун, 300 башкир². Второй отряд состоял из трех эскадронов Бахмутского гусарского полка, 300 яицких казаков и 500 башкир и был сформирован в начале 1775 года³. Одновременно были усилены гарнизоны от Верхнеяицкой крепости до Оренбурга на 500 человек⁴. Каратели были направлены против казахских родов, место кочевок которых было указано Нуралы-ханом. Он просил послать войска в район рек Хана, Кондагайты, Булдуры, Каракуль и Тункуль⁵. Позднее Нуралы уточнил район реками Хана и Каракуль, но при разработке плана посылки карательных отрядов царская администрация ориентировалась на сообщение хана, посланное им в декабре 1774 года, где был указан более обширный район, в котором действовал Бахтумский гусарский полк⁶. Это подразделение уже с августа 1774 года участвовало в подавлении волнений в Младшем жузе. Из рапорта майора Шевича графу Панину узнаем, что полк участвовал в сражениях с казахами 30 августа, 3, 4 и 6 сентября 1774 года⁷.

Проведение карательной экспедиции было поручено майору Голубу и капитану Мансурову. Каким же образом проходила эта карательная экспедиция? При выходе к району, указанному Нуралы-ханом, начальники карательных отрядов получили задание, «чтоб они по ука-

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 202, л. 184; *Н. Дмитриев-Мамонов*. Пугачевщина в Сибири. М., 1898, стр. 138—139.

² ГБ им. В. И. Ленина. Рукоп. отдел, ф. 222, д. 2, л. 41 и об.

³ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, л. 12.

⁴ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 182, лл. 80—81.

⁵ Там же, д. 196, лл. 91—101 об.

⁶ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, л. 12.

⁷ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 182, л. 280 и об.

занию хана притчинныя улусы старались разбить... сделать им вора́м знатную шкоду и привести в страх и чувствие, к должному хану и солтанам подвластною»¹. Особое задание было дано, как поступать с казахскими женщинами и детьми, их было приказано «ловить живых и препровождать в крепости... для обмена на русских пленных»², что в дальнейшем привело к участию в сражениях казахских женщин.

О жестокой расправе карателей с восставшими казахами можно судить по действиям отряда майора Голуба. Разделив отряд на две колонны, он пытался усмирить казахские роды по реке Хана и в урочище Каракуль. Из рапорта Голуба генерал-майору Мансурову 8 марта 1775 года мы узнаем, почему именно в этом районе сконцентрировались казахские роды: здесь на десятки километров тянулся высокий камыш, который мог укрыть от опасности, «сне воровское укрытие простирается в длину верст на сто, на пятьдесят, а в ширину, где я перебирался,— верст по примеру на пятнадцать»³.

Одному из отрядов во главе с подпоручиком Петуховым удалось захватить пленного у пустых кибиток, который им сообщил, что в полночь казахи получили известие о том, что против них направлена команда, «а до того они известны не были»⁴. Отряд отправился в погоню за бжавшими казахами и через 30 верст нагнал их. Оставя жен и детей, казахи «сами пешные и конные выехали, вооружась против наших команд, начали из ружей и стрел уже чинить вред, ибо до вступления в сие место от меня было приказано, чтоб от кровопролития удерживаться, но тогда велено было наказывать сих злодеев оружием»⁵. Майор Голуб далее отмечает беспримерное мужество, с которым защищались казахи: «Хотя и не ожидал, однако, был я сам очевидцем, что они плуты так отчаянно дрались, что всякой старался лутче лишиться жизни, нежели отдаться в плен. Словом, многие, будучи изранены, при последнем почти издыхании пушают стрелы и стреляют из ружей. Равно и

¹ АВПР, ф. 122/3, 1775—1786 гг., д. 2, лл. 21—29.

² ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 196, лл. 91—101 об.

³ Там же, л. 330 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

жены их помощь некую им делают»¹. Сражение длилось около трех часов, казахи были вынуждены отступить в камыши, откуда «из ружей и сайдаков повреждение немалое делали»². Тогда Голуб приказал поджечь камыш, где многие погибли в огне, не желая сдаваться в плен.

В этом сражении погибло 400 казахов обоего пола, «сгорелых найдено немалое число», в плен взят 151 человек³ и от ран умерли 8 человек, «не упоминая о тех ребятах, коих сами матери по природному их варварству с верблюдов бросали на землю и убивались до смерти»⁴. Отряд Голуба имел небольшие потери.

Отряд, который был отправлен несколько ранее на реку Хану под командой капитана Мансурова, добрался до места только через сутки. Пастухи успели предупредить население аулов, поэтому часть казахов успела бежать, часть была настигнута на дороге, а некоторые еще не успели сняться с места. Тогда оставшееся население, собравшись в кибитках, «кучами отстреливалось так сильно и отчаянно, что капитан Мансуров принужденным себя нашел стрелять из пушки ядрами и картечью, а потом спешить людей с ружьями и послать туда с некоторым хотя и вредом, но ни один из мужчин-киргисцов как в кибитках, так и настигшие на пути не давался жив до тех самых пор, пока оружие имел в руках»⁵. В этом сражении 70 казахов погибло и 50 взято в плен. Всего погибло в обоих сражениях 470 казахов, в плен был взят 201 человек, захвачено 400 верблюдов, 100 голов рогатого скота и 60 лошадей. Потери царских войск были незначительны. Казахи, бежавшие до прихода отряда, успели уйти в направлении Гурьева-городка⁶.

Некоторый свет на мужественное сопротивление карательному отряду казахских родов, кочевавших в урочище Каракуль и в бассейне реки Хана, проливает письмо Нуралы-хана и Айчувак-султана майору Голубу от 3 марта 1775 года, в котором они писали, что казахи родов, принимавших участие в движении Пугачева

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 196, л. 330 об.

² Там же.

³ Из 151 человека, взятых в плен, мужчин — 70, женщин — 81.

⁴ ЦГАДА, ф. 1274, д. 196, л. 330.

⁵ Там же, лл. 327—329 об.

⁶ Там же.

осенью 1774 года, стали успокаиваться и обещали вернуть захваченных ими русских пленных, но репрессии со стороны воинских гарнизонов по линии способствовали продолжению волнений: «Но токмо как форпостные люди у перекочевавшихся вместе с нами скот захватили, то пребывающимся во отдаленности киргисцы имеющихся у них в руках невольников отдавать удержались, сказывая, то, что естли б им было благодеяние, тоб у находящихся при хане людей скот бы не брали»¹. Видимо, население не прекратило волнений, так как не оправдывались обещания хана о беспрепятственном перегоне скота через Янк и о том, что к родам, принимавшим участие в Крестьянской войне под предводительством Пугачева, не будут применяться репрессии, если они вернут захваченных пленных.

Из допроса захваченного во время сражения на реке Хане казаха Донгура в марте 1775 года выясняется, что сопротивление населения было не стихийным, а заранее решенным и организованным. Он определял район, в котором сконцентрировались мятежные казахские роды, «вверх и вниз по реке Каракул и расстоянием от сего места Ялтер, на сколько верст не знает, а ездить вверх до аулов последних три дня, а вниз реки Каракула два»². 4 марта 1775 года население аулов, кочевавшее по реке Каракуль, узнало от казаха Делюгельдия, что «российское войско для нападения на них завтра по утру будет... и чтоб с сего места как можно куда они хотят уходили»³. Население начало собираться, но «около полуночи пасущие в стороне скот с их аулов два человека, увидя издали идущую команду, дали знать, что услыша, быв в готовности по первому известию разными в степь дорогами ушли»⁴. Причем, посоветовавшись, мужчины решили «без жестокого кровопролития жен, детей и имущества равно и самих себя в плен не отдавать»⁵ и пробираться на реку Сагыз.

Протокол допроса сохранил фамилии людей, участвовавших в вышеописанных событиях — это Сююндук, То-роувай, Тейлей, Мутарбай, Уталы. Важно отметить, что

¹ ЦГАДА, ф. 1274, д. 196, лл. 331—332 об.

² Там же, л. 330 об.

³ Там же, лл. 330—331.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 183, лл. 377—378.

в источниках не встречается указаний на участие в сопротивлении, которое оказали рядовые казахи карательным отрядам, имен как представителей феодальной аристократии, так и родовой старшины.

Карательный отряд жестоко расправился с восставшими в аулах, кочевавших по рекам Хана и Каракуль. Но в не менее тяжелом положении оказались и казахи в соседних районах. Так, население, кочевавшее в верховьях Каракуля, пыталось спастись от карателей и откочевало в степь, «где за большими там снегами и бескормицею не только весь скот попадал, но и множество и самих их от случившейся на тех днях большой стужи и холодного ветра поколело, да и теперь, которые живы остались прикрываются по камышам нагие и без всякого пропитания»¹. Видимо, движение карательного отряда вызвало волнение по всему течению реки Янка и в прилежащих к нему районах, так как известно, что и на реке Эмбе казахи «встревожились и тронулись в степь, где также много скота пало и самих погибло».

Летом 1775 года карательные отряды были отозваны из Младшего жуза.

¹ ЦГАДА, ф. 1274, д. 183, лл. 377—378.

ГЛАВА V

ЛЕГЕНДА О НЕВИДИМКЕ И ОТГОЛОСКИ ВОССТАНИЯ

1 В сентябре 1775 года в родах Табын и Тама Младшего жуза появился человек, имя которого было легендой. Степная молва называла его Незримым, Святым, Чародеем, но чаще всего Куктемиром или Невидимкой¹. Считая себя преемником Пугачева, Невидимка агитировал за продолжение борьбы. Призывы его пользовались большой популярностью в аулах Младшего жуза. Движение Невидимки возникло осенью 1775 года и явилось как бы откликом, новой формой борьбы после трагических событий весны и лета, когда карательными отрядами были жестоко подавлены волнения казахов в Младшем жузе. Репрессии только временно снизили накал борьбы. Осенью она возрождается, но в иной форме. Призывы Невидимки в родах Табын и Тама, как в наиболее пострадавших, нашли самую благоприятную почву, а затем распространились и в других родах.

Как же родилась легенда о Невидимке? Причиной этому были многочисленные слухи, особенно волновавшие умы населения в районах, где в недалеком прошлом бушевала Крестьянская война. В Башкирии, на Урале, на Волге, в Младшем жузе верили, что Пугачев жив, что он с войском находится в Крыму и вскоре вновь явится под Оренбург и Яицкий городок. В своих предсказаниях Невидимка умело использовал эти слухи, его призывы отвечали вере казахов в скорое возвращение императора Петра III (под этим именем Пугачев был известен в ка-

¹ АВПР, ф. 122/3, 1775—1786 гг., лл. 50—69 об.

захской степи). Причиной движения Невидимки было и то, что аулы родов Табын и Тама кочевали по соседству с аулами Дусалы-султана и без его поддержки оно, видимо, не получило бы распространения.

Возникнув в сентябре 1775 года, движение Невидимки быстро приобрело популярность, чему способствовали многочисленные легенды. В памяти казахов еще не стерлись действия карательных экспедиций в 1775 году, и для них было естественным желание Невидимки быть незримым для окружающих, что делало его неуязвимым, скрывало от врагов и породило миф о сверхъестественных способностях. Такие легенды обычно складывались народом в трудные минуты жизни. Примером этому может служить знаменитое «Сказание о незримом граде Китеже», который скрылся под водой во время нашествия на Русь татарского хана Батые¹. Жители казахских степей приписывали Невидимке необыкновенные качества, видели в нем существо мифической силы и мощи. Шире всего в казахской степи было известно следующее представление о Куктемире: «Яко тот Невидимка о четырех ногах, в Урде живет, говорит человеческим голосом, из Урды уходит, пропадает сутки по два и по три, а куды уходит не знает, а когда идет обратно, будто ревет по-скотски как корова, а когда в Урде бывает все бунчит, а видеть никто не может. Только одна женщина, которая находится при нем, разводит огонь, она видит и пересказывает, что ходит на четырех ногах, на всех ногах сапоги, а называет себя бусым быком, голова человечесья, носит шапку, а рога быковые, спина вся железная», отсюда и имя Куктемир².

Но сохранились и более правдоподобные сведения о Невидимке. Царское правительство, которое боялось даже воспоминаний о пугачевском восстании, быстро среагировало на слухи о Невидимке: губернатором Рейнсдорпом были срочно наняты и отправлены в аулы к Дусалы-султану под видом купцов татары из Сеитовой слободы. Есаул Губандулла Адгамов и Рахимкул Ибраев, вернувшись из аулов, кочующих на устьях рек Хобды и Илека, так рассказывали о своих наблюдениях. | Аул

¹ В. Комарович. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М.-Л., 1936.

² ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, л. 182; АВПР, ф. 122/3, 1775—1786 гг., д. 1, л. 54 и об.

Невидимки охранял Дусалы-султан,¹ который с сентября 1775 до весны 1776 года временно поддерживал движение по причинам, о которых будет сказано позже. Не желая вступать в объяснения с русской администрацией, Дусалы относился подозрительно к гостям издалека, и поэтому купцы были остановлены за две версты до аула, куда для переговоров приехал сам султан с сыновьями и старшинами. Узнав, что купцы присланы от губернатора и желают видеть Невидимку, Дусалы не решился им препятствовать, но предупредил об опасности, так как подчиненные ему казахские роды, присоединившись к Невидимке, вышли частью из его повиновения. «В кочевья киргизские ехать невозможно, потому что в тех кочевьях находятся люди худаго состояния и могут их умертвить, ибо де при нем, солтане, надежных людей никого почти нет, а, естьли б были, тоб отправил он с ними провожатых»¹. Султан не обманывал, в его ауле с прибытием торговых татар стало беспокойно: «...киргиз-кайсаки на него, солтана, негодовали, для чего он их (купцов) по орде разъезжать допускает»². Но купцы все-таки на свой страх и риск решили добраться до аула Невидимки.

Кочевал Невидимка в устье реки Хобды с двумя тысячами кибиток, и при подъезде к селению татары были поражены, услышав «странной, никаких речей не составляющей голос, похожий не столько на человеческой, сколько на рошковой или другой какой»³. В ауле кибитка Невидимки стояла обособленно и была похожа на мечеть с полумесяцем наверху. Татар заставили выполнить религиозный ритуал, слезть с лошадей, поцеловать двери кибитки и священный сундук якобы с сокровищами Святого. Купцы, стремясь войти в доверие к Невидимке, оставили для него на сундуке кораллы и жемчуг. В кибитке приезжих встретила молодая казашка, готовившая мясо. При ней собравшиеся казахи подробно расспросили купцов об их именах и намерениях. Подтверждая еще раз дар провидения у Невидимки, женщина сообщила, что вчера он ей сказал: «Будет посланник с большею черною бородою и с бельмом на глазу, как-то он Ибраев и есть». А ночью у женщины был припадок, «она троекратно кричала, так как бы будучи от

¹ АВПР, ф. 122/3, д. 1, 1775—1786 гг., лл. 89—92 об.

² Там же.

³ Там же.

кого-либо битая с глубоким унижением, и поутру де видимы были на ее лице синие знаки¹. Она объяснила свое поведение ночью приходом Невидимки, который сердился, что в аул были допущены купцы, и предупредила их об опасности.

А на другой день днем она посмотрела наверх кибитки, «заделалась тотчас без ума, от чего минуты, например, через три свободясь», заставила гостей покинуть кибитку, «ибо де святой идет». Купцы, стоя у кибитки на коленях, прежде слышали «троекратно странной же голос, никаких речей не изъясляющей, причем тот час выставился сквозь кибитку большой нож с колешным звуком, о коем де киргисцы сказывали, что тот звук происходит от железа» на спине Куктемира! Невидимка обвинил купцов, что они присланы от губернатора «для разведывания о киргиском народе. Вы де тамо (в России.— Н. Б.) народ разорили, да и здесь раззорить хотите».¹ Женский голос из кибитки вынес купцам приговор: «Взяв саблю изрубить их Адгамова и Ибраева в куски, чтоб они не говорили, а инаково де они больше зделают возмущения, ибо де и присланы они для примечания состояния орды». Но купцы, когда их отвели от кибитки, «сумели откупиться»².

Покинув аул, они еще некоторое время провели в междуречье Хобды и Илека, беседовали с жителями и пришли к выводу, что «все то под именем его, Невидимки, производит вышереченная женка с поспешествованием ей киргисцов, а при том содействием нечистого духа, вселившегося в нее еще из детска... ныне уже она за другим мужем, будучи двадцати двух лет, именем Сапара, Табынского рода, киргисца Мятяна дочь, причем тем мужем ее примечено, что в ночное время приключалось ей, как бы кто в духе нечистом приходил и с нею сообщение имел. По умертвии того первого ее мужа беглыми из здешней протекции калмыками, прошедшею осенью взял ее в замужество брат меньшей того умершего киргизца, Янбалта, с коего времени поныне она Сапара, то свое странное дело и производит, в чем ей тот муж для корысти своей помогает; а и Дусалы-солтан с детьми его способствует»³.

¹ АВПР, ф. 122/3, д. 1, 1775—1786 гг., лл. 89—92 об.

² Там же.

³ Там же.

Сапара призывала продолжать восстание от имени Невидимки потому, что в силу приниженного положения женщины в феодальном кочевом ауле агитация от ее имени не имела бы успеха. Сапару отличали большая гибкость ума и находчивость. Создав в своем воображении Невидимку, она остроумно защищала его от любопытства собравшихся в ауле казахов¹. «как я вам покажусь, так как востра сабля»¹. Казахи верили общению Сапары с Невидимкой, так как она страдала душевным недугом — припадками, сопровождавшимися видениями, что было необъяснимо, таинственно и внушало страх¹.

К чему же призывал казахов Невидимка, что он им конкретно говорил? Прежде всего, Невидимка обещал скорое возвращение «нового государя» (Е. Пугачева. — Н. Б.). Казахи верили Невидимке, его пророчество подтверждалось многочисленными слухами², будоражившими степь. Народ не желал верить, что поражение Пугачева под Царицыном окончательно, ведь его армия неоднократно возрождалась после многократных разгромов. Народ ждал Пугачева. Кроме того, казнь Пугачева многими не воспринималась как конец императора Петра III, под именем которого предводитель восстания был известен в народе, и отсюда рождение слухов такого содержания: «Емелька жив, а на место его казнен другой, тот Емелька себе новое войско собрал в Киргизской степи и сюда идет и вы его ожидайте»³; «От села Белибей в двухстах верстах собираетца великая армия разного народа, орда башкирцов в тридцать тысяч, киргисцов числа не знает, казаков яицких двадцать тысяч и других народов много... и (Пугачев) намерен идти в город Казань и далее»⁴.

Об этом слухе, распространявшемся на заводах в Башкирии, сообщал в письме священник Петр Афанасьев своему отцу в Черемшанскую крепость. В народе появились подложные манифесты, написанные от имени императора Петра III, что еще больше укрепляло веру в то,

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, л. 90.

² Некоторые документы о слухах, распространявшихся в 1775—1776 годах в Поволжье и Казахстане, приведены А. Рязановым. См.: «Отголоски пугачевского восстания на Урале, в Киргиз-кайсацкой Малой орде и в Поволжье», стр. 198—212.

³ «Оренбургские губернские ведомости», 1868, № 3.

⁴ ЦГАДА, ф. 349, д. 57/7306, лл. 24—25.

что предводитель Крестьянской войны жив. Тобольский купец Дмитрий Постников сделал донос на казака Герасима Завьялова из Верхнеуральской крепости за разглашение слуха, что «бывший самозванец злодей Пугачев был посланным от государя Петра Третьего, а сам государь Петр Третий находится у теплого моря донныне, при нем войска двенадцать тысяч и калмыков и других людей, с которыми пошел ныне в Петербург, а вскоре и к Оренбургу будет»¹. Старшина Сучуныкипчатской волости Куселей Альтраков слышал от крестьянина Петра Ерина на Кош-Преображенском заводе, что «Пугачев жив и с яицкими казаками и киргисцами идет от Яицкого городка к Оренбургу»². Петру Ерину об этом на заводе сообщили крестьяне Иван Федоров, Григорий Мокеев, Гусев и Мыночин.

Если сравнить содержание этих слухов с предсказаниями Невидимки, можно отметить, что в общих чертах они совпадали, но имели и специфические, местные казахские особенности. Когда в ауле Куктемира собрались большие вооруженные отряды казахов, он, видимо, основываясь на слухах о том, что Пугачев скоро должен быть под Оренбургом, призывал казахов, «чтоб все были в готовности, которой вам город надобно Оренбург или Уральской, тот вам и отдам»³. Пытаясь ободрить казахские отряды, укрепить их мужество, Куктемир уверял, что «когда он находится будет при них, то де ничего им вредного последовать не может»⁴. Невидимка знал, что в прошлую весну казахские роды, совершавшие набеги на русские крепости, подверглись тяжелому наказанию, и поэтому он успокаивал казахов: «На вас идущих военных людей нет... к которой бы крепости не поехали, оную вам я отдам и возьмете, только выезжайте, а сами на устье реки Кобды кочевьем расположитесь, где вам от россиан вреда не будет, ибо они сделать с вами ничего не в состоянии»⁵. Прошедшая зима для казахов была очень трудной. Зная это, Куктемир предлагал переждать холодные месяцы и с весны продолжить борьбу.

Невидимка начал свою агитацию в сентябре 1775 го-

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 158, л. 3.

² Там же, д. 162, л. 2.

³ Там же, д. 152, л. 90.

⁴ Там же, л. 164.

⁵ Там же, д. 153, лл. 32—34.

да, к весне следующего года многих из его сторонников начали одолевать сомнения, так как император Петр III все не появлялся; отряды, собравшиеся в аулах Куктемира, стояли в бездействии. Казахи хотели знать, почему же не осуществляется пророчество Невидимки и государь не является. На это получили от него такой ответ: «Новый государь прибудет из-за Казани, а доселе прибытие его продолжилось по притчине препятствия расположения войск»¹.

С весны 1776 года практическая сторона движения Невидимки под влиянием семьи Дусалы-султана приобретает иной смысл, переходя от антиправительственных выступлений к обычной пограничной барымте. Вероятно, Невидимка не без давления со стороны султанов Сейдалы и Дусалы с весны 1776 года начинал призывать казахов к походам на башкирские селения². Дусалы и Сейдалы, провоцируя походы, которые обещали им богатую добычу, знали, что причин для нападения на башкир было достаточно. Прежде всего, этому способствовала национальная рознь, разжигаемая царским правительством между нерусскими народами. Например, взаимно натравливая казахов на башкир, оно сумело подавить движение Батырши в 1775 году, чем «положило таковую вражду между теми народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна»³. В годы Крестьянской войны, несмотря на то, что большинство башкиршло за Пугачевым, отдельные отряды оставались верными царскому правительству и помогали подавлению движения в Младшем и Среднем казахских жузах в 1773—1775 годах. Казахи знали об участии башкир в карательных отрядах, что мешало изжить национальную рознь между этими двумя народами. Казахам было известно и о том, какую роль играли башкиры в армии Пугачева. Но в 1774 году движение в Башкирии было подавлено, в Младшем же казахском жузе оно продолжалось до 1776 года. Отсюда вполне объяснима уверенность казахов в том, что башкиры предали Пугачева, а поэтому отошли от движения. По этой причине население Младшего жуза поддержало призывы Невидимки идти на

¹ АВПР, ф. 122/3, д. 1, 1775—1786 гг., лл. 89—92.

² ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, л. 245 и об.

³ И. Неплюев, Записки, Спб., 1893, стр. 161.

башкирские селения и силой заставить башкир продолжать борьбу.

Эту сложную ситуацию использовала в своих целях семья Дусалы. Утерев контроль над движением и лишившись авторитета в массах с уходом из лагеря восставших еще весной 1774 года, Дусалы и Сейдалы решили применить своеобразный дипломатический ход, пытаясь извлечь выгоду из движения Невидимки. Султан Сейдалы, якобы по требованию Куктемира, пишет письмо к башкирскому народу, которое, завуалировав корыстные цели султана, помогло ему стать во главе казахских отрядов. Письмо, продиктованное Сейдалы, представляет значительный интерес, и текст его мы приведем полностью.

«Если б сан (тысяча человек.— *Н. Б.*) был добр, тоб между нашими и вашими улусами сообщение было; ибо хотя с Росснею у киргисцов от времени Абулхаира-хана и было мирно, однако с прибытием нового государя, с генералом (Рейнсдорпом.— *Н. Б.*) находимся мы в раздоре, а с теми, кои государю преклонны, мирными. При чем детям мусульманским бесчестие одно быть может: от враждующих на нас русских никакого предосуждения мы не имели, только от преклонных государю башкирцов великое разорение претерпели, которые сею весною от всюду как людей, так и лошадей и верблюдов много взяли, девок, женок да служанок погубили немало, да от враждующих на нас россиан при настоящем их спокойном пребывании, держащимся государя, вам и нам добраго быть не может. А лутше, ежели б мы обе стороны, будуче мусульмане, утвердась между собою согласием и миром, и войски совокупя до прибытия новаго государя на Россию воевали. С самого основания орды нашей такого башкирскаго разорения слышать вам случалось ли? Мы не могли вытерпеть вашего поступка, один улус забрали, ежели бы самым делом захотели забирать, то б половину орды сокрушили. Только мы по уповании на нового государя находимся и повеления его нарушить не хотим. А вы, видно, от государя отчаялись? Сей ваш поступок советуем вам оставить. Ежели не оставите, то нас в средине улусов ваших увидите, готовтесь. Буде господь бог великого государя принесет, каждого преступления ему представить имеем; и преступление чье есть, то во первых бог, а затем государь рассмотрит.

Ежели вы склонны будете, то с нами сношение имейте и помощью займствуете.

Буде же вопреки сего поступите, то на нас не пеняйте. Если у вас худые мнения будут и вы в неверность обратитесь: то однако ж мы правоверия держаться не оставим. Естли ж вы от чаемой беды убегнуть желаете, то пребывание ваше учредите по Орь реке, где по состояннии общем списываться можем, есть ли вы на сие согласны будете. Сейдали-султан, Дусалиев сын собственноручно печать приложил»¹.

Разбирая текст письма, мы должны отметить хитрость и гибкость замысла султана. Сейдалы знал, что увлечь за собой казахов он сможет, бросив в массы клич, отвечающий настроению народа. А так как под влиянием призывов Невидимки идеи Пугачева вновь всколыхнулись, он и положил их в основу послания к башкирскому народу, которое идеологически обосновало поход казахских отрядов на башкирские селения, оформляя его как возмездие казахам за измену башкир «повому Государю» (Е. Пугачеву.— Н. Б.), в армии которого башкиры и казахи сражались плечом к плечу. В письме, написанном Сейдалы от имени Невидимки, казахи призывали башкир к сплочению сил и совместной борьбе с общим врагом — царизмом. А свой набег казахи оправдывали стремлением заставить силой оружия башкир объединиться с ними, готовиться к новому восстанию, а не жаждой мести, хотя и перечисляют нанесенные им в последнее время обиды. Это выглядело правдоподобно, многие в Младшем жузе верили, что Пугачев с армией находится у Черного моря и пройти ему в казахские и башкирские степи мешают правительственные войска. Поневоле казалось странным, что башкиры не поднимают восстания, чтобы помочь его продвижению.

Письмо прекрасно отражает настроения казахам в 1775 году, показывает рост их политического сознания под влиянием пугачевского восстания. В послании перечислены основные вехи в жизни казахского народа со времени добровольного присоединения Младшего жуза к России, отмечается нарастание гнета со стороны царского правительства, который стал невыносим в период губернаторства Рейнсдорпа, что заставило казахам при-

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, л. 42.

нять участие в Крестьянской войне. Письмо было направлено в Башкирию с башкиром Адилгузой Исямгуловым в ноябре 1775 года. Его лично ему передал Сейдалы-султан, под диктовку которого оно было написано мullah из татар. Кроме того, Исямгулову было приказано сказать, «чтоб они, башкирцы, с ними, киргисцами, жили в покое и больше б на воровство и грабительство не поступали...», «что когда де они от сор не успокоются, тоб выезжали большим скопом на военное действие в вершины реки Оря, где де также и с их сторон (казахов.— Н. Б.) будет скопище»¹. Исямгулов не знал точно, кому передать письмо, и поэтому явился к коменданту Озерной крепости Корфу, вручил письмо и рассказал об обстоятельствах, при которых оно к нему попало.

С весны казахские отряды совершили ряд походов на башкирские селения.

В марте 1776 года походы казахов против башкир прекратились. В аулах Невидимки собрался вновь отряд численностью 1500 человек «с таким намерением, чтоб, разоря Башкирию, ехать для злодейства до города Уфы»². Но Невидимка запретил им поход, объясняя так: «Хотя прежде он против башкирцов и предводительствовал, но ныне де не позволяет, а можно де на то удобнее поступить весною по просухе»³.

Но движение Невидимки вылилось не только в походы против башкир. Ряд эпизодов его имеет связь с событиями Крестьянской войны по своей форме — нападение, осада и разгром мелких военных укреплений. Эти выступления носили антиправительственный характер. В 1774 году причиной нападения казахских отрядов на крепости было стремление уничтожить военный кордон, мешавший свободному пользованию землей вдоль Яика и на его правобережье, так называемой «внутренней стороне». В 1775 году к основной причине добавилась ненависть рядовых казахов к царскому правительству за тяжелейшие репрессии в весенние месяцы. Казахские отряды в 1775—1776 годах беспокоили гарнизоны крепостей и форпостов по всей Оренбургской линии укреплений от Гурьева-городка до крепости Красногорской. В нападениях принимали участие казахи родов Табын,

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, лл. 23, 25.

² АВПР, ф. 122/3, 1775—1786 гг., д. 1, лл. 89—92 об.

³ Там же.

Тама, Байбакты, Джегалбайлы, Чикли, Шомкей, Шекты, Кердари.

Большие отряды казахов общей численностью до 10 000 человек сосредоточились в верховье реки Большой Хобды, между Гурьевом-городком и Кулагинной крепостью и по речке Чингурле и «намеряются итти в Россию для разбития крепостей»¹. О движении этих отрядов мы узнаем из донесения Чернореченского коменданта Соболева Рейнсдорпу. Первоначально отряды устремились к крепости Красногорской, но штурмом ее взять не удалось. Тогда по заранее решенному плану пошли к Оренбургу, крепостям Чернореченской и Илецкой защите².

Казахские отряды совершили нападения на крепости Верхнеуральскую, Кизильскую, Таналыцкую, Орскую и Ильинскую. Вооруженные отряды неоднократно пытались захватить крепости Ильинскую и Илецкую защиту³. Табынец Калыбай, таминцы Кадыр, Садыр, Жанболат и Ташболат и джагалбайлинцы разбили редут Калпацкий⁴. Были разорены казачьи хутора по Уралу при урочище Кирсанов яр и между Иртецким и Гвенвардовским форпостами. Казаки организовывали защиту поселений, но спасти их от разгрома не смогли. Часть казахских отрядов действовала в районе Гурьева-городка, разбила селения Красный и Черный Яр и собиралась идти к Саратову⁵.

Местная администрация, напуганная действиями казахских отрядов, затребовала войска для укрепления гарнизонов крепостей. Но к лету 1776 года движение Невидимки прекратилось, и в этом сыграли свою роль Нуралы-хан и семья Дусалы-султана. Последняя временно, до февраля 1776 года, поддерживала движение. После того, как Сейдалы-султан, возглавлявший поход казахских отрядов в Башкирию, разгромил там ряд селений и захватил много пленных и скота, семья Дусалы-султана отошла от движения и заняла враждебную пози-

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, лл. 266 об., 268 об.

² Там же, д. 151, л. 314; д. 152, лл. 1, 9; д. 153, лл. 32—34.

³ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 151, д. 152, лл. 21, 76—80.

⁴ АВПР, ф. 122/3, 1775—1786 гг., д. 1, лл. 31—41 об.; ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, л. 261.

⁵ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, л. 327; АВПР, ф. 122/3, 1775—1786 гг., д. 1, лл. 86—87 об., лл. 31—41 об.

цию по отношению к Невидимке. В феврале 1776 года Дусалы писал Рейнсдорпу: «Только думаю, что Орде нашей в нем (Невидимке.— Н. Б.) прибыли нет»¹. Кроме того, Дусалы жаловался губернатору, что в среде ему подданного «легкомысленного народа есть такие, кои де и его, солтана, совсем не слушают»² и просил выслать против них карательный отряд в верховья Илека. Сам султан с немногочисленными верными аулами прикочевал под защиту крепости Туз на реке Хобде³.

Нуралы-хан с самого начала был противником движения Невидимки. Обещания Куктемира о скором возвращении Пугачева внушали хану большой страх. Нуралы не мог забыть о приговоре Пугачева, который еще под Оренбургом просил «о выдаче киргизского Нуралы-хана» и обещал повесить его за ребро⁴. Кроме того, в движении Невидимки принимала участие враждебная хану семья Дусалы-султана, которую Пугачев обещал поставить во главе Младшего жуза. Поэтому Нуралы-хан прилагал все усилия для подавления движения. Он подробно информировал о действиях Дусалы-султана и его сыновей, о походах казахских отрядов, их численности, родовой принадлежности и о конечной цели движения. Нуралы-хан настоятельно просил выслать в аул Невидимки карательный отряд: «Если упомянутые разбойники, населяющие берега Илека и Хобды, за свои преступления не будут вами наказаны, то я опасюсь, что с наступлением лета к этим сбившимся с пути присоединятся и другие,— пишет он Рейнсдорпу.— Я удивлен и поражен, почему вы жалеете совершающих разбой киргиз-кайсаков из родов Табын и Тама, которые со своим главарем Дос-Али находятся близко от вас, на берегах Илека и Хобды»⁵.

Нуралы-хан даже советовал направить на казахские аулы башкир, так как «в той местности племена обезсилены, вследствие истощения их скота»⁶. Стремясь воспрепятствовать росту популярности Куктемира, он, на-

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, л. 245 об.

² АВПР, ф. 122/3, 1775—1776 гг., д. 1, лл. 89—92 об.

³ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, лл. 263—266 об.

⁴ Там же, д. 148, л. 183.

⁵ Там же, д. 152, лл. 90, 318—321.

⁶ Там же, лл. 90, 318—321.

чиная с осени 1775 года, пытается использовать для этой цели известного в степи справедливостью и умом старшину Срыма Датова, которого посылал в казахские аулы для приведения казахов к присяге, чтоб они не верили Невидимке и боролись с ним. Кроме того, Нуралы-хан созывал родовых старшин для переговоров. Но все это имело мало успеха¹. Тогда Нуралы, собрав небольшой отряд, отправился в аул Невидимки: «Намерен я был истребить, а дом его сжечь и как в то место ехал, то та женка со всем тем улусом, в коем она находилась, откочевала на речку, называемую Кыл»².

Прекращению движения Куктемира способствовало полное подавление Крестьянской войны на территории России, предательство султанов и большей части старшин, их отход от движения и откочевка Невидимки на реку Кыл с прекращением агитации. Царское правительство не послало в аулы родов Тама и Табын карательные отряды, ограничилось лишь разрешением ответного похода башкир за набеги на их селения в феврале 1776 года, не были также наказаны и представители феодальной верхушки, принимавшие участие в движении, которое на последнем этапе уже не представляло опасности царизму и переродилось в обычную пограничную барымту.

Движение Невидимки было последним выступлением казахов, связанным с Крестьянской войной под предводительством Пугачева. Но отголоски восстания в Младшем жузе, продолжавшегося до 1776 года, нашли свое отражение в отдельных мелких вспышках борьбы в междуречье Урала и Волги, в частности были движения, которые питались слухами, родившимися в Казахстане. Целый ряд документов подтверждает существование одного из отрядов, действовавшего у берегов Каспийского моря в междуречье Урала и Волги под предводительством Заметаева. Для нас действия этого отряда представляют интерес, так как они связаны в какой-то степени с волнениями в казахской степи в 1775 году. Интересные сведения об отряде Заметаева имеются в за-

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 153, л. 88; д. 152, лл. 215 об., 198—207 об.; АВПР, ф. 122/3, 1775—1786 гг., д. 1, лл. 50—69 об.

² ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 153, л. 196.

писи допроса крестьян Василия Тимофеева и Петра Степанова: «Государственный бунтовщик Пугачев с его сообщниками черни был не злодей, а приятель и их заступник, а притом еще хотя ево теперь нет и не будет, то есть Подметалка (так называли Заметаева в народе.— Н. Б.), который таковым же образом вознамериваица их защищать и вскоре будет к ним с войском своим от стороны Саратова»¹.

В Поволжье стал распространяться слух, что Заметаева поддерживают большие отряды казахов. 26 июня 1775 года князем Мещерским была получена из Саранской воеводской канцелярии запись допроса «пехотных солдат Михаила и Лукьяна Алексеевых детей Рыковых, Михаила Михайлова сына Рыкова же, пушкарей Василия Сергеева сына Дымкова, Михаила Алексеева сына Шапошникова»², что «покойный император Петр Третий будто он жив и город Саратов киргизами разорен, в коем де и состоит тех киргизов до пяти тысяч человек»³. Сообщение об этих разгласителях поступило из района Пензы, Верхоломова и Саранска. Под городом Верхоломовым у деревни Головищиной, по донесению однодворца Петра Основина и прапорщицы Алены Ларионовой, Рыковы, Дымков и Шапошников были схвачены и доставлены в Верхоломовскую воеводскую канцелярию. Оказалось, что они были вооружены, под одеждой на них были портупен и, видимо, принадлежали они к отряду Заметаева, так как это подтверждалось допросом свидетелей. Так, Алена Ларионова показала, что более других «уверял Михайла Алексеев, что де от Оренбурга идет Метлин, от государя Петра Федоровича на две дороги с десятью тысячью войск своих и еще де владетель Некрасов за городом Саратовом, разоря оной в луговой стороне, с таковым же множайшим войском киргизским стоит, которой послан от государя Петра Федоровича и дворян оставших забирают и ведут на канатах»⁴. Видимо, в отряде Заметаева находились бывшие сообщники Пугачева, так как Верхоломовская воеводская канцеля-

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 201, л. 149.

² Там же, л. 85.

³ Там же, л. 81.

⁴ Там же, л. 88.

рия, выясняя прошлое братьев Рыковых. Дымкова и Шапошникова, установила, что «в бывшие возмущенные означенные Михайла и Лукьян Рыковы были в злодейской толпе казаками... и сочувствовали грабежам невинных...»¹.

Можно предположить, что волнения в Младшем жузе в 1775 году оживили надежды на новый подъем Крестьянской войны у оставшихся в живых сторонников Пугачева; отсюда попытка вовлечь в движение русское население по Волге и при этом прямые ссылки на волнения в Младшем жузе, надежда на помощь казахских отрядов, которые действовали в первую половину 1775 года в районе Волги. Слухи об отряде Заметаева правдивы, хотя этот отряд и не совершил приписываемых ему нападений на такие укрепленные пункты, как город Саратов, и едва ли Заметаев действовал в контакте с казахскими отрядами, что подтверждает казанский губернатор в письме графу Панину от 8 августа 1775 года: слухи о Пугачеве и Заметаеве «служат о вновь оказывающихся к народному возмущению злодеях и их единомышленниках и скопищах, да и в таких еще местах, где теперь нет наших войск и от оных команд, дабы тем через навлекаемое сумнение не допустить довольного разглашения и предупредить в самом начале недавно истребленное, но не совсем еще из памяти вышедшее народное зло в новом их возмущении»².

В прямой связи с восстанием в Младшем жузе в 1775 году можно рассматривать заговор 1776 года на Змеиногорском руднике, где находились в ссылке сподвижники Пугачева. Бывший купец Мартын Андреев, крестьяне Филипп Мартынов, Родион Лошкарев, Иван Суслов и горный работник Григорий Востров, которые, распространяя в тюрьме указ от имени императора Петра III, говорили, что «он жив подлинно и от него имеется в Оренбургском корпусе войско, да и бывший де злодей, Пугачев, не казнен, а казнен вместо его из яицких казаков, при том советовали бежать сперва в киргизскую землю, а оттуда в Оренбург»³.

¹ ЦГАДА, ф. 1274, д. 201, л. 92.

² Там же, л. 93.

³ «Краеведческие записки», вып. I. Барнаул, 1956, стр. 124; ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 817, лл. 1—8.

В какой-то связи с восстанием в Казахстане в 1773—1775 годах можно рассматривать и заговор в 1783 году на Алтае бывшего пугачевского атамана Петра Хрипунова¹ и крестьян Федора Пургина и Петра Борцова. Борцов и Пургин уговаривали Хрипунова принять имя императора Петра III, собрать отряд в 500 человек из мастеровых, беглых и пугачевцев, находившихся в ссылке на Змеевом руднике, и начать восстание в Сибири. Но заговор был раскрыт и Хрипунов вновь был посажен в острог. В 1786 году он пытался совершить побег и договорился об этом с солдатом Копейкиным. У Хрипунова были следующие планы: он думал пробраться к Чановским озерам или к озеру Карасуку в 25 верстах от Барнаула, а оттуда «степью через слободу Ваган... пробираться пустыми местами, в Омской крепости переправиться (через.— Н. Б.) Иртыш, иттить землей киргизов. А как де я по-киргизски говорить знаю, да и они же, киргизцы, знают меня, что де я команды Петра Федоровича, а потому и пройдем без опасения»². Хрипунов надеялся на помощь казахов и даже говорил драгуну Сибирского полка Никифору Гавриловскому, что казахские отряды уже собраны и ждут его прибытия.

Побег Хрипунову в 1786 году осуществить не удалось: местное начальство, опасаясь, что он установит контакт с населением, посадило его в сумасшедший дом, где он находился до своей смерти в особом отделении под охраной солдат³.

¹ Петр Хрипунов был у Пугачева атаманом. В 1774 году он был разбит с отрядом у Усть-Каменогорской крепости и сослан в город Тобольск, а затем в Верх-Суерскую волость Ялutorовского округа. В 1781 году Хрипунов «бежал из места ссылки и до 1786 года числился в бегах».

Сохранилось следующее описание внешности Хрипунова в официальных документах: «...росту среднего, плотен, несколько в сторону искривлен, волосы и борода русые, борода ж комельком, так как была брита и отросла, сорока трех лет». См.: ГААК, ф. 1, д. 24, л. 81 об.

² «Краеведческие записки», вып. 1. Барнаул, 1956, стр. 124; ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 24, лл. 82—83.

³ «Отголоски Пугачевского бунта (по архивным материалам)». См.: «Русская старина», 1905, июнь, стр. 662—667.

ГЛАВА VI

УЧАСТИЕ КАЗАХОВ СРЕДНЕГО ЖУЗА В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ

Волнения в Среднем жузе в 50—70-х годах XVIII века

С 50-х годов XVIII века находившиеся в тяжелом положении казахские шаруа Среднего жуза начали борьбу за жизненно необходимые им пастбища, «самовольно и тайным образом в великия непогоди, ночным временем собственный свой скот» перегоняли через Иртыш, а когда военные команды начали сгонять их обратно, «собирались немалыми толпами... весьма противяцца и вступают в великие драки и бьют укрючинами и палками немилосердно». Местные власти отмечали, что столкновения происходили не со старшинами и знатными людьми, а с «простым и несмысленным» народом¹.

Царское правительство не желало считаться с нарастанием земельной тесноты у казахов Среднего жуза, хотя положение было серьезным. Основная масса казахов с давних времен, кочуя в районе рек Иртыша, Тобола, Ишима и Уя, была заинтересована в расширении кочевий в этих местах, что заставило Аблая-султана вести переговоры по земельному вопросу с русским правительством, но они были безуспешны.

Казахи продолжали бороться за право пользоваться пастбищами по Иртышу и в низовьях Тобола и Ишима, угрожая собрать отряд из 10 000 человек и «учинить нападение на Российские жилища».² В 70-х годах XVIII века они активизировали свои действия у Звериноголовской, Пресногорьковской и Троицкой крепостей, разбили зимовья по Тобольской линии и обещали всех «зимов-

¹ АВПР, ф. 122/2, 1762—1775 гг., д. 14, л. 166.

² Там же, 1744—1782 гг., д. 10, л. 10.

щиков жечь и приколоть... и под разные места иттить намеряются»¹, жгли сено по линиям, травили хлеб скотом. Подробности о волнениях среди казахов Среднего жуза в 1769—1770 годах мы узнаем из донесения переводчика М. Арапова: «Киргиз-кайсаки весьма беспокоятся и немалые во всей своей орде сборища имеют и, большими толпами разъезжая, производят пакости при сибирских и здешних линиях, что и впредь продолжать, сколько их сил будет, намерены, а особливо по наступлению холодных дней. Киргис-кайсаки, как и сам Аблай-солтан, весьма в худых мыслях находятся»². М. Арапов объясняет это гибелью скота в тяжелую зиму 1769/70 года и слухами о временных неудачах России в войне с Турцией.

Царское правительство опасалось усиления волнений в Среднем жузе, поэтому пошло на уступки и указом от 16 июля 1771 года разрешило казахам перегонять скот через Иртыш на русскую сторону, но не далее как на 25 верст от линии под охраной казаков, с дачей подписки и аманатов, а также с условием не приближаться к жилым местам, стратегически важным дорогам и Колывано-Воскресенским заводам³. Но эта небольшая уступка не смогла остановить роста волнений в Среднем жузе, и с марта 1773 года особенно активно начали выступать казахи многочисленных родов поколения Аргын, кочевавшие в верховьях рек Иртыша и Ишима. Сержант Абдулов, находившийся со специальным заданием в Среднем жузе, отмечал, что уже в марте — апреле 1773 года казахи Караульской, Канжигалинской, Егалбайлинской, Увакской, Кирейской, Чакчацкой, Дюртаульской и Атагайской волостей решили самовольно перегонять скот у Пресновской крепости и «мстить казакам за перегоны скота в прошлую зиму и захваты его на жилой стороне»⁴. Весной 1773 года казахи совершали нападения на форпост Семиярский, станицу Озерную, редуты Пешаный и Алабужский и на крепость Святого Петра⁵.

Мулла Ишмухамет Баганаев, живший при Урус-сул-

¹ АВПр, ф. 122/2, 1762—1765 гг., д. 14, лл. 366—367.

² Там же, лл. 369—373 об.

³ ЛОИИ, ф. 36 (Воронцова), д. 1634, § 33.

⁴ ГАОмО, ф. 1, оп. 1, д. 184, л. 468.

⁵ Там же, лл. 346, 544—545, 649.

тане, сумел узнать от казахов, что они решили разбить Иртышскую линию, так как «всех команд и протчих нерегулярных войск от Омской до Усть-Каменогорской не более может набраться пяти тысяч, а нас де чрез десять дней набраться могут десять тысяч, конии де можно... под какую ни есть крепость подступить»¹. Ряд источников зачинщиками волнений в Среднем жузе весной и летом 1773 года называют старшину Увакской волости Саркабая и Балбука Онева².

Приведенные документы позволяют утверждать, что волнения в Среднем жузе начались еще до Крестьянской войны и особенно усилились в начале 70-х годов XVIII века³.

Волнения в Среднем казахском жузе с сентября 1773 по май 1774 года

Казахи Среднего жуза также принимали участие в Крестьянской войне 1773—1775 годов. Восстание поддерживали прежде всего казахи родов из всех 4 поколений жуза — Найман, Кипчак, Аргын и Увак-Гирей⁴, которые кочевали в верховьях рек Тобола, Ишима и Иртыша. Казахи этих родов более других страдали от земельной тесноты, так как с постройкой линии военных укреплений потеряли возможность использовать пастбища в районе низовий рек. Район боевых действий казахских отрядов в 1773—1774 годах был значительно уже и ограничивался Ново-Ишимской и частично Уйской и Иртышской линиями, включавшими крепости Карагайскую, Степную, Троицкую, Петропавловскую, Крутоярскую, Каракульскую, Усть-Уйскую, Звериноголовскую, Пресногорьковскую, Кабанью, Петропавловскую, Железинскую и Ямышевскую. Так как казахи Среднего жуза

¹ ГАОМО, ф. 1, оп. 1, д. 182, лл. 27—29.

² Там же, д. 184, л. 538; д. 182, лл. 49, 178.

³ Существует и вторая точка зрения по данному вопросу, которую первым высказал А. Дмитриев-Мамонов: казахи Среднего жуза до прихода Е. Пугачева к Сибирским линиям «находились в спокойствии». См.: А. Дмитриев-Мамонов. Пугачевщина в Сибири, стр. 65.

⁴ Подробные сведения о поколениях Среднего жуза. См.: Н. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. III—IV. Спб. 1896.

объединялись по родовому признаку в волости¹, перечислим наименования тех из них, население которых поддерживало Пугачева: Канжегалинская, Кипчацкая, Каракульская, Кирейская, Тортагайская, Еганбайлинская, Чарджатымчакчацкая, Атагайская, Аргынская, Наиманская², Дюртаульская, Чакчацкая, Увак-Гиреевская.

Совместно с казахами Среднего жуза выступали отдельные подотделения родов Младшего жуза, кочевавшие на смежных территориях, например в верховьях реки Тобола. Это были казахи из родов Тиляу, Тама, Рамадан, Джагал-Байлы³. Подданные султана Младшего жуза Ералы, кочуя у Сыр-Дарьи, примкнули также к казахским отрядам из Среднего жуза и совместно действовали у Верхнеяицкой и Уйской линий укреплений. По-видимому, казахи этих родов, в 40-х годах XVIII века кочевавшие с султаном Ералы на территории Среднего жуза, сохранили связь с его населением.

Во главе казахских отрядов, формировавшихся в аулах Среднего жуза, в основном стояла родовая знать и в отдельных случаях — представители из простого народа.

Участие в движении приняли следующие представители из родовой знати: в Канжегалинской волости старшина Кусемас, в Аргынской — старшина Тугулун, Нугабай-султан-батыр, Чинет Сатаев, Алуике Сарыев, Каштутер Янаев, в Дюртаульской — старшины Таир-султан, Ачибай и Барабаш, в Тортаульской — старшины Антуке, Угюбай и Итега, в Караульской — старшина Исынбай⁴, в Кипчатской — старшины Дюрткара, Избасты и Кламан Карамендеев, в Кирейской — старшины Бирде Ятробов, Балбек, Коштаулет Арсалбетев, Акжигит-мурза, Тактадал Акжигатов, Чобатар, Ишкердей Кушпугадамов, Балбук Биев, в Наманской — Елюнбет Акан, Даншурут и Тохтагул, в Увак-Кирейской — старшины Саргалдык, Елузя и Темирбай Утяшевы, в Ирпе-

¹ Встречающийся в документах термин «волость» не означает наименования объединений, созданных по «Уставу 1822 года» М. Сперанского, а существовал в XVIII веке как определение родовых объединений. См.: ЦГАДА, ф. 196, д. 1634, гл. 1, § 4.

² ГАОМ, ф. 1, оп. 1, д. 190, л. 146; д. 191, лл. 225, 217, 272, 299, 604; д. 195, лл. 72—77.

³ Там же, ф. 1, д. 190, лл. 196 об., 522, 162, 509.

⁴ Там же, д. 191, лл. 25—26, 169, 176, 224, 311; д. 190, лл. 146, 196, 410, 690.

нияцкой — старшина Увак, в Даургинской — старшина Даутбай Яныбеков, в Аргынской — старшины Утюбай, Саргалдык и Салпалам Каипов, в Балтинской — старшины Байжигит и Коштовлет, в Джагалбайлинской — старшины Чека Мерген, Ичебак Таштемиров и Чибаев, в Чаритимчакчацкой волости — старшина Хутаймендасултан. Не удалось установить, из каких волостей были старшины Дагабетдин, Сарыбай, Байжигит-мурза Ендилеев, Узьзубай, Ерат и Бактыбай¹.

Во главе некоторых отрядов стояли рядовые казахи Среднего жуза: Наурусов из Караульской волости, Темирбай, который в сражении у Кабаньей крепости «был первый возмутитель», Китембег Мелбетов и Исергал Буравин из Наиманской волости, Читан Чибаев и Кучетыр Япаев, повешенные за участие в движении по приказу генерала Деколонга, Кутай Кубаев и Алик Санбаков, возглавлявшие нападение на редут Пресногорьковский².

Подавляющее большинство старшин Среднего жуза, стоявших во главе волостей и кочующих в верховьях Иртыша, Тобола и Ишима, выступило совместно с народом, некоторая часть их осталась нейтральной, но были и верные сторонники царского правительства. К числу последних можно отнести старшин Атагайской волости Кулсару-батыра, Кирейской и Малой Кирейской волостей — Саргалдака Утяшева, Байжигит-мурзу, Атагайской волости — Байтука Елдубаева, Артынской волости — Баркана Имбурзина, Увак-Иргенияцкой волости — Серкобая, Киреевской волости — Акжигит-мурзу и Дербисала Ялобурзина, Наиманской волости — Мамбетбатыра³.

Старшины, примкнувшие к восстанию, выступили также и против этой группы. Они обещали захватить Елдубаева за то, что «о всех их происшествиях в крепость Петропавловскую командующему дать знать»⁴, а Кулсару-батыра удавить за «худые мысли» и доносы на них.

¹ ГАОМО, ф. 1, д. 146, лл. 27—28; д. 182, лл. 15, 355, 438, 494; д. 184, л. 342; д. 187, л. 340; д. 190, лл. 2, 141, 160, 263, 414, 502, 519, 593, 610, 674.

² Там же, д. 189, 36; д. 190, лл. 160, 412; д. 191, лл. 6, 272.

³ Там же, д. 190, лл. 165, 208, 412, 414, 674, 690; д. 191, л. 272.

⁴ Там же, д. 191, л. 76.

Но они не смогли выполнить свое намерение, так как вмешался влиятельный зять Кулсары-батыра, который, по словам старшины Утешева, был сыном Бухарского хана¹.

Положение старшин, настроенных враждебно по отношению к восставшим, было трудным; они знали об успехах Пугачева в Башкирии и на Уйской линии, поэтому неоднократно выясняли у правительственной стороны «вор ли Пугачев сам или самозванец... и приклонил ли он злодей Оренбургскую линию?»². Они не успокаивались даже после ухода Пугачева в Поволжье после разгрома в мае 1774 года под Троицкой крепостью, продолжая интересоваться «точно, где Пугачев?», просили выслать против восставших казахов «команду с пушкой... и хотят сами с ними (восставшими.— Н. Б.) поступить как подлежит настоящим порядком»³. Старшины, предавшие казахов-повстанцев, не доверяли и русской администрации, опасаясь, что она не сумеет оценить их преданности Екатерине II, а поэтому писали И. Деколонгу: «В каком разуме российские войска собираются против киргисцов, одного ль зловердного Кутай-менды или бесисключения против всех»⁴.

Колебания в среде старшин не были преодолены до конца движения. Известно, что в начале 1775 года отдельные старшины продолжали отходить от движения и искали соглашения с царским правительством. Некоторые из них в феврале 1775 года приняли повторно присягу в верности Екатерине II, например старшины Наиманской волости батыры Барганаби Чекаманов, Илгонды Банарасланов, Кандыбанбур⁵, Кош, Надый, Нура, Умбет⁶. Массовый отход старшин от движения наблюдался лишь в 1775 году, когда Деколонгом после безуспешных переговоров и переписки с родовой знатью в аулы Среднего жуза были посланы два деташамента и малые команды, которые «несколько таких дерзновенных воров и хищных народов побили и прогнали своими диверсиями в глубину степи... чрез что и приведены колеблющие-

¹ ГАОмО, ф. 1, д. 191, л. 270.

² Там же, д. 190, л. 680.

³ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 10, л. 363; ГАОмО, ф. 1, оп. 1, д. 191, л. 176.

⁴ ГАОмО, ф. 1, д. 195, л. 240.

⁵ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 182, л. 428.

⁶ ГАОмО, ф. 1, д. 189, л. 473.

ся старшины» к спокойствию, за исключением султанов Хутайменды и Таира, старшин Алчехая, Даутбай-тархана и старшин Караульской, Канжегалинской и Кипчатской волостей¹.

Мы отметили позицию старшин ряда родов Среднего жуза в годы Крестьянской войны. Не было единогласия и среди рядовых казахов Среднего жуза. Часть из них уже с октября 1773 года начала нападения на укрепления Сибирских линий и совместно с отрядами Пугачева вела осаду Оренбурга и участвовала в сражениях с правительственными войсками. Но другая часть продолжала колебаться, опасаясь последующих репрессий со стороны царского правительства. Калмычка Царинова, находясь в плену, слышала от казахов: «В российской стороне внутри жительство производится мятеж и драка, для чего, зачиная от Оренбурга даже и вверх по реке Иртышу до Усть-Каменогорской крепости, все кочующие около линии киргисцы имеют большую опасность и думая то, чтоб в их стороне не причинили какого нападения и разорения»². Часть казахов даже собиралась откочевать подальше от линии, «опасаясь по носящемуся слуху от известного государственного изменника Пугачева и всей его толпы разорения»³.

Видимо, по этим соображениям отдельные рядовые казахи выступили против восставших на стороне правительства, информируя его о действиях повстанцев. Сохранились записи сообщений подобного рода от казаха Кирейской волости Килембета Махамбетова, подданного старшины Коштаулата Арсалбетова, казаха Умира, подданного старшины Кирейской волости Балбека, казаха Баркана Имбурзина из Табуке Аргынской волости и других⁴. Так, Аитан Штоулетов и Ештемыш Аитаров предупредили старшину Елдубаева о том, что казахи-повстанцы собираются расправиться с ним за доносы царской администрации. Кучук Избасаров предупредил старшину Кулсалу-батыра о том, что Таир-султан с трехтысячным отрядом пошел на крепость Пресногорьковскую⁵. Баитуган Янабаев и Тозукблай Сутулбаев донесли

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 195, лл. 179—181 об.

² ГАОмО, ф. 1, оп. 1, д. 187, л. 250.

³ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 9, л. 263.

⁴ ГАОмО, ф. 1, д. 190, лл. 603, 680; д. 184, л. 342.

⁵ Там же, д. 191, лл. 73—90.

султану Вали и Кулсаре-батыру о двухтысячном отряде Хутайменды-султана, с которым он собирался «идти на Россию»¹. По-видимому, конфликт между сторонниками и противниками Пугачева из среды рядовых казахов доходил даже до вооруженных столкновений. Например, казахи, кочевавшие по Иртышу у Коряковского форпоста, жаловались капитану Лебедкину, что «у них там между себя происходят большие ссоры и драки и затем они от того Салтамамет-султана в дальности кочевкою быть не хотят»², а старшина Кипчатской волости Берды Псулебаев жаловался на казаха Баибаура и его братьев, «ибо де они со всеми ими в больших ссорах, да разных же волостей, то де оным в нашей Орде никто ничего сделать не может», и поэтому просил русскую администрацию выдать ордер на их арест³.

Несмотря на существование некоторых несогласий среди рядовых казахов, подавляющая часть населения Среднего жуза, кочевавшая в верховьях Тобола, Ишима и Иртыша, вместе со старшинами принимала участие в Крестьянской войне⁴. При этом рядовые казахи зачастую действовали вопреки воле старшин, не поддержавших движения. Так, казахи из аулов старшины Кулсары-батыра, враждебно относившегося к повстанцам, присоединились к отрядам, которые возглавляли сторонники Пугачева — старшины Хутайменда-султан, Даутбай-тархан и Алчербай⁵. Старшина Байжигит-мурза и Вали-султан жаловались бригадиру Сумарокову на своих подданных, которые «против России на войну посхали, конх нам унять нельзя, ибо они нас не слушают»⁶.

Выступление казахов Среднего жуза, так же как и Младшего, началось под влиянием манифестов Пугачева. Вполне вероятно предположение, что манифесты здесь стали распространяться не ранее как с конца сентября и в октябре 1773 года и вначале стали известны казахам, кочующим вдоль Уйской линии, где население обоих жузов более тесно общалось. С октября 1773 года

¹ ГАОМО, ф. 1, д. 191, л. 93.

² Там же, д. 195, л. 410.

³ Там же, л. 264.

⁴ О союзе старшин с рядовым населением говорит такой факт: казахи не дали капитану Шарту арестовать старшину Аргынской волости Тугулчи. См.: ГАОМО, ф. 1, д. 191, л. 224.

⁵ ГАОМО, ф. 1, д. 191, л. 90.

⁶ Там же, л. 41.

в Среднем жузе через посланцев Пугачева начинают широко распространяться сведения о действиях армии повстанцев под Оренбургом, что также способствовало росту восстания. Казахи знали, что «около Оренбургской линии приехал какой-то государь и с нашими российскими воевать задумал», что его поддерживают казахи, подданные Нуралы-хана и Ералы-султана, которые, «совокупясь, поехали к Оренбургу... якобы на войну»¹.

В октябре — ноябре 1773 года аулы Среднего жуза посещали посланцы Пугачева — башкиры, калмыки и татары с целью сбора казахских отрядов для армии повстанцев, одновременно они вели переговоры с казахскими феодалами. Так, Салтамамет-султан знал от приезжих башкир, что «де Петр III ныне с войска пришел к Оренбургу и к нему все башкирцы превратились... и вся Сибирь в сопротивление к нему ушла и на Иртышской линии остаемся-де только мы», так как в Оренбургской губернии 80 000 казахов с двумя ханами перешли также на его сторону². Султану Хутайменде башкиры сообщили следующее: «Россия ведет войну с Турцией, а к Оренбургу «подъехал новый Император — царь и наши-де башкирцы к нему поклоняются»³, а поэтому призывали казахов к совместному выступлению с армией Пугачева.

Казахское население Среднего жуза, поддерживая Пугачева, имело определенные намерения. Так, понимая, что крупным крепостям «ничего сделать и не можно», обещали, что «маленькие редуты выжгут..., заготовленные сена и обывательские хлебы выжгут», а это вызовет голод зимой⁴. Кроме того, казахи собирались «совокупясь во общество с... Пугачевым сделать нападение на тамошние крепости и прочие места»⁵. Уже в сентябре — октябре 1773 года волнение населения в Среднем жузе проявилось в нарушении указа царского правительства, запрещавшего переход на правобережье Иртыша. Казахи Кирей-Наиманской, Тамгал-Наиманской, Басантинской и Бура-Наиманской волостей перегнали скот через

¹ ГАОМО, ф. 1, д. 182, л. 350—355.

² П. Орлов. Пугачевщина в Сибири. См.: «Сибирские огни», 1925, № 6, ноябрь — декабрь, стр. 156.

³ ГАОМО, ф. 1, д. 182, л. 479.

⁴ Там же, д. 191, л. 95.

⁵ Там же, д. 190, л. 610.

Иртыш у Лебяжьего и Семиярского форпостов, Станового и Гагарьевского редутов¹ и начали формировать отряды для действия на Ново-Ишимской линии укреплений.

О начавшихся волнениях в районе Ново-Ишимской линии говорят донесения на имя командовавшего войсками на Сибирской пограничной линии Деколонга, Рейнсдорпа и командующего войсками генерал-аншефа графа Панина, действующих против Пугачева. Из рапорта Деколонга графу Панину в конце сентября мы узнаем, что казахи Караульской, Канжигалинской и Кипчатской волостей с султанами Хутаймендой и Таиром, старшиной Алчебаем и Даутбай-тарханом, кочевавшие в районе Озерной крепости и Завируевского форпоста, готовились напасть на Озерную крепость, захватывали в плен людей и отгоняли скот². Против них были посланы 14-я легкая полевая команда капитана Пучкова и Петропавловский батальон капитана Лилигрейнова³. Тогда, спасаясь от преследовавших войск, казахи подожгли заготовленное казаками сено и сожгли за собой степь между Озерной крепостью и Завируевским форпостом⁴. Крупное сражение произошло между отрядами поручика Владычина и казаками Кипчацкой волости, совершившими нападение на Гагарьевский редут. Казахов было 200, все они в панцирях, имели «ружья, сабли, стрелы, дротики и для пальбы фитили зажженные»⁵.

Управляющий Колывано-Воскресенских заводов Ирман сообщал о готовящемся нападении казахов на Новую, Ишимскую, Тарскую⁶ и Оренбургскую линии⁷. С первой половины октября 1773 года казахи активно действовали у Озерной крепости: «...на линии нападают, лошадей, скот и людей отгоняют, да еще страшат невероятным числом, то есть тридцатью тысячами на линии нападать и опустошать»⁸. 14 октября 1773 года, по сообщению бежавшего из казахского плена татарина Кузара

¹ ГАОМО, ф. 1, д. 184, л. 5.

² ЦГАДА, ф. 1100, кн. 3, л. 11 об.

³ Там же, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 182, лл. 222—225.

⁴ Там же, ф. 1100, кн. 2, лл. 51—52.

⁵ ГАОМО, ф. 1, д. 182, лл. 243—244.

⁶ ГААК, ф. 1, св. 249, д. 495, л. 12.

⁷ ГАОМО, ф. 1, оп. 1, д. 182, лл. 355 и 438.

⁸ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 3, л. 120.

Муллакаева коменданту Озерной дистанции Корфу, стало известно, что в 15 верстах от Озерной крепости на речке Берденке «киргиз-кайсаки в многочисленном собрании стоят с намерением напасть на Озерную дистанцию и разбить оную»¹. Действительно, казахи в числе 600 человек осаждали Озерную крепость, но взять не смогли. Из допроса захваченных казахов выяснилось, что они же 11 октября нападали на Губерлинскую крепость, взяли много пленных, отогнали скот и собираются напасть на Ильинскую крепость². Очень важен тот факт, что в ноябре 1773 года Озерную крепость атаковала «посланная самозванцем партия»³. У нас нет данных о совместном нападении войск Пугачева и казахов на эту крепость, но факт проведения совместных действий в одном районе налицо.

В октябре казахские отряды готовились к нападению на крепости Пресногорьковскую, Троицкую и редут Ггарьевский⁴. В январе 1774 года казахские отряды сконцентрировались у крепостей Кабаньей, Пресногорьковской и Звериноголовской, дождались, когда был отогнан подальше от линии в степь скот⁵, и начали нападать на крепости, выжгли несколько поселений у Звериноголовской, разбили на Оренбургской линии редут Алабужский⁶, у Сенжарского редута обрубил колосья у 253 снопов, увезли 121 копну сена, а остальное сожгли⁷.

В феврале казахские отряды нападали на крепость Усть-Уйскую, продолжали действовать у Звериноголовской крепости, значительные бои происходили у крепостей Кабаньей, Крутоярской и редута Пресноизбного⁸. Предварительно перед нападением на редут Пресноизбный казахи захватили казаков Бабушкина и Пурьгина, «избили их смертельно, причем-де спрашивали, много ли по линии войск». Отряд казахов состоял из 170 человек, все «в панцырях и вооруженные», сражался со 100 казаками во главе с пятидесятниками Шентановым и

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 2, лл. 418—420.

² Там же.

³ Там же, кн. 3, л. 222.

⁴ ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 182, лл. 355 и 438.

⁵ Там же, д. 190, л. 141.

⁶ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 182, лл. 222—225.

⁷ ГАОмО, ф. 1, оп. 1, д. 187, л. 52.

⁸ ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 190, лл. 25—26, 179, 187.

Зензиным и отступил, когда против него была применена артиллерия¹. Отдельные же выступления казахов отрядов не отличались от обычной пограничной барымты.

Волнения в Среднем жузе осенью 1773 и зимой 1774 года были настолько значительными, что на Сибирские линии начали стягивать войска из других районов страны. Так, из Башкирии были переведены в Верхнеяицкую крепость 500 рядовых с 4 орудиями, 250 казаков и 250 башкир². Деколонг обратился за помощью к оренбургскому губернатору Рейнсдорпу и главному командиру Колывано-Воскресенских заводов Ирману также с просьбой прислать на помощь войска. Рейнсдорп, несмотря на тяжелое положение Оренбурга, который осаждала армия Пугачева, отправил в Верхнеяицкую крепость 10-ю и 14-ю легкие полевые команды и писал Деколонгу, что «больше послать уже не может»³, а Ирманом были присланы для укрепления линии казаки из Тарского и Ишимского ведомств⁴.

Выступления казахов Среднего жуза весной 1774 года и в 1775 году

Весной 1774 года феодальная аристократия и родовая знать Среднего жуза вступили в тесный контакт с Е. Пугачевым, вели с ним переговоры и переписку о совместных действиях. Но султаны и старшины, связываясь с Пугачевым, действовали независимо друг от друга по причинам, о которых мы говорили ранее. Важно отметить, что если старшины вступили в переговоры с руководителем Крестьянской войны по своей инициативе, то с султаном Аблаем Пугачев установил связь первым⁵. Он надеялся, что влияние, которым пользовался Аблай в жузе, облегчит ему вовлечение населения в движение. Переписка и обмен посланцами между Пугачевым и Аблаем начались с марта — апреля 1774 года. Имеются

¹ ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 190, л. л. 25—26.

² ЦГАДА, ф. 1100, кн. 2, л. 453.

³ Там же, кн. 2, л. 457; кн. 3, л. 221.

⁴ ГААК, ф. 1, св. 249, д. 495, л. 12.

⁵ Султан Аблай и старшины, поддерживавшие движение, делали попытку договориться о совместных действиях лишь в 1775 году, когда готовились карательные экспедиции против повстанцев Среднего жуза, уже знавших о жестоком подавлении движения в Младшем жузе. См.: ГАОМО, ф. 1, д. 195, л. 864.

некоторые сведения о переговорах, которые шли между яицкими казаками и Аблаем в октябре 1773 года. Можно предположить, что они начались по инициативе Пугачева. Яицкие казаки через владельца кубанских татар Араслан-хан-бека и Нуралы-хана пытались добиться помощи от султана Аблая, чтобы вместе с восставшими казаками «так и теми кубанским татарам тож и подговоря киргиз-кайсак воевать на Россию». Араслан-хан-бек сумел договориться, по поручению яицких казаков, с Нуралы-ханом, который вел переговоры с Аблаем, и просит его объединиться с ними и готовить казахов «к войне в вешнее время на российские границы»¹. Нуралы-хан договорился с Аблаем о встрече их отрядов под Кулагиной крепостью для совместных действий против России, а в случае неудачи — об откочевке в Крым под защиту турецкого султана². Нуралы-хан ожидал султана Аблая в ноябре 1773 года у форпоста Харкин в 284 верстах от Яицкого городка. Султан Аблай действительно «с места своего поднялся и как-де крепость и форпост чрез подчиненных своих разбивать намеревался»³. Пока мы не имеем данных о совместном выступлении султана Аблая и Нуралы в районе Кулагиной крепости. Вероятно, неудачи Пугачева под Оренбургом изменили их планы, да и местные власти ожидали нападения казахов на Кулагину крепость, поэтому усилили ее гарнизон.

Для непосредственных переговоров с Аблай-султаном Пугачевым были направлены из-под Оренбурга в октябре — декабре 1773 года башкиры Шугур Алтанов и Баязит с 10 пугачевцами. Не застав Аблая в ауле, они вели переговоры с его сыном Вали-султаном, которому сообщили: «Мы-де посланцы государя Петра III... он велел всем киргисцам... нападение учинить на Россию настоящею неприятельскою рукою»⁴. Известен ответ султана Вали посланцам Пугачева в конце 1773 — начале 1774 года: «Мы не почитаем ево (Пугачева.— Н. Б.) государем, а единственно предносим злодеем, вором и разбойником, когда-де он с башкирцами согласился и воюет с российскими храбрыми и верноподданными войсками с. н. в.»⁵.

¹ ГАОО, ф. 1, д. 190, л. 92.

² ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, л. л. 218—219.

³ Там же, л. 187 об.

⁴ ГАОМО, ф. 1, оп. 1, д. 191, л. 85; ЦГАДА, ф. 1100, кн. 10, л. 370.

⁵ ГАОМО, ф. 1, оп. 1, д. 191, л. 85.

Но Аблай и его сын Вали после долгих колебаний все же решили поддержать движение и договорились с крупнейшими феодалами Среднего жуза султанами Салтамаметом, Абулфензом и Абулмамбетом о выступлении в апреле 1774 года, «чему подданные их киргисцы очень радыотца».

О чем же писал Пугачев феодальной знати Среднего жуза? Так, в начале апреля 1774 года башкир Иткул привез письмо султану Аблаю, в котором Пугачев просил, «чтоб они ему подали в завоевании здешних мест и побеждению российских войск помощь, а сверх сего велел им тех хана Аблая и старшин словестно уверить, когда он здесь всю да и Сибирскую губернию завоеует, то за ту помощь обещает отдать им всех сибирских дворян в подданство»¹. Пугачев, надеясь привлечь феодальную знать Среднего жуза на свою сторону, преднамеренно называл султана Аблая ханом, не имевшего юридически этого звания, как бы поднимая этим политическое значение феодальной аристократии в жузе. Дважды после 3 мая Пугачев писал султану Аблаю из Магнитной крепости и просил помочь войском, а также обещал вернуть деньги за отобранный им скот, который 73 казаха Среднего жуза гнали для мены в Оренбург². О содержании другого письма Пугачева Аблаю П. Рычков в «Осаде Оренбурга» сообщает следующее: «Сказывают, что самозванец Пугачев пришед на Уйскую линию, отсылал от себя в Среднюю киргиз-кайсацкую орду к Облаю-салтану и к тамошним старшинам с требованием, чтоб они ему к овладению Троицкой крепости помогли, обещая им за то всех пленных людей отдать в семейство»³.

После приезда к Аблаю башкир Упака и Шукура Уразовых с письмом, в котором Пугачев велел султану, «чтоб он состоящие по той линии (Ново-Ишимской.— Н. Б.) крепости все выжег... а взятых им в плен» себе взял, Аблай перешел к решительным действиям: он собрал большой отряд и выступил на Ново-Ишимскую ли-

¹ ЦГАДА, ф. 1274, д. 182, лл. 231 об.—233.

² Факт о захвате Пугачевым 73 казахов со скотом известен из показаний татарина К. Мухаметова. До июля 1774 года они находились у пугачевцев, часть их осталась в рядах повстанцев и после поражения Пугачева князем Голицыным. Скот же был использован в пищу войсками. См.: ЦГАДА, ф. 1100, кн. 2, л. 177.

³ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 9, лл. 478—479 об.

нию, написав Пугачеву, что «он с сорокью тысячью чело-
веками к Звериноголовской крепости подошел и тут стан-
ево расположил и с таким намерением, чтоб на нее на-
пасть и три крепости уже выжег и людей в полон по-
брал»¹. О том, что ряд крепостей на Ново-Ишимской
линии был действительно разорен казаками Среднего
жуза, мы узнаем из экстракта Деколонга графу Панину
в январе 1775 года² и из письма султана Аблая Пугачеву
в Троицкую крепость, в котором он просил разрешения
взять в собственность захваченных пленных. Пугачев в
ответном письме «взятых им в плен ему отдал»³.

Под влиянием переписки с Пугачевым Аблай отказал
в помощи бригадиру Сумарокову, ссылаясь на то, что его
«ветренный народ другим безвинным вашим людям при-
чинит зло»⁴. В Оренбурге уже не сомневались, что Аблай
«зделался усердным известному государственному зло-
дею и народному возмутителю Пугачеву и, чиня с ним
взаимную пересылку, оказывает с подчиненным ему кир-
гиз-кайсацким народом на Уйской линии и в Исецкой
провинции верноподданным Е. И. В. разорение»⁵.

В апреле — мае 1774 года старшины Карауленской,
Канжегалинской, Аргынской, Кипчатской волостей по
инициативе правителя Чакчацкой и Чержатынской воло-
стей Даутбай-тархана установили переписку с Пугаче-
вым, который в то время находился в Башкирии. От
Даутбай-тархана к руководителю повстанцев ездил «из-
древле у них находящейся Еланской волости башкир
Иткула... для разведывания, кто во оной (в России.—
Н. Б.) имеет войну, вор ли какой или действительно Тре-
тий император». Пугачев в ответном письме Даутбаю
писал, «чтоб он естли хочет иметь при себе на степи слуг,
тоб собрав свое войско от своей стороны, разорял рос-
сийские места... а он (Пугачев.— *Н. Б.*) з другой стороны
будет тож чинить»⁶. За помощь Пугачев обещал каза-
хам, что «доставит он им многую казну и имения и что
они пожелают»⁷. Получив письмо, Даутбай-тархан дого-
ворился о совместных действиях со старшиной Хутай-

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 8, лл. 335—336.

² Там же, ф. 1274, д. 195, лл. 179—180 об.

³ Там же, ф. 1100, кн. 8, л. 335.

⁴ ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 190, л. 395.

⁵ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 8, л. 284.

⁶ Там же, кн. 9, лл. 3—4.

⁷ ГАОМО, ф. 1, д. 199, л. 177.

менды-султаном и стал готовить «войска в волостях Чакчатской, Чарчатской, Канчигалинской и Кипчатцкой яко же и лошадей, чтоб итти на Россию...» и отправил с этим известием к Пугачеву своего сына Уметбая.

Е. Пугачев, как сообщает башкир Иткул, направился на Каму. Но понимая всю важность начавшихся переговоров со старшиной Даутбай-тарханом, он предложил своим полковникам Усману Ертагулову, Чагиру Илкиманову и Суюргулу Яманачеву организовать посольство в Средний жуз к Даутбай-тархану и Аблай-султану. Были отправлены 20 башкир со старшиной Саязацкой волости Банзитом Максютковым и сотником Тесяцкой волости Мазмутом Калмакаевым с приказом от Пугачева, «чтоб они собрали киргизцов немалое число и разоряли линейные крепости, а сам он, Пугачев, обещался к ним быть в Звериноголовскую крепость по свидании под Уфою с сыном Павлом Петровичем¹ через 20 дней.

Даутбай-тархан, встретившись с посланцами Пугачева, отправил вместе с ним казанского татарина Раима и башкира Иткулу Ураева, которые смогли встретиться с руководителем повстанцев только в начале мая у Магнитной крепости² и сообщить ему, что казахи готовы поддержать его армию. Пугачев отправил с посланцами Даутбай-тархана башкир Упака и Шукура Уразовых, которые должны были отвезти письмо и посетить Даутбай-тархана, Енбекея-батыра и Урамбета-батыра. Пугачев просил их «о воспоможении российских войск, ибо де он действительно государь Петр III, император несправедно от престола своего изгнанной...³ и чтоб они киргисцы собирались и ехали, простирая путь от Сибирской линии до Омской крепости по своей Бухарской стороне⁴, а он де Пугачев с толпою ево отправится и туда съедет внутренею, где с ними и сообщится может»⁵. В пути Уразовы по заданию Пугачева уговаривали казахов,

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 9, л. 474.

² К Магнитной крепости Пугачев подошел 5 мая 1774 года и овладел ею. См.: А. С. Пушкин. История пугачевского бунта, т. IX, 1950, стр. 56.

³ ГАОМО, ф. 1, оп. 1, д. 189, л. 461. Из донесения бригадира Сумарокова из Троицкой крепости генерал-майору Скалону 14 июня 1774 г.

⁴ Бухарская сторона — это условное название казахской степи, лежавшей к югу от Сибирских линий.

⁵ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 8, лл. 94—95 об.

«чтоб к нему Пугачеву собрались, ибо де он точно государь». Встреча Улака и Шукура Уразовых с Ембете-батыром и Даутбай-тарханом произошла на реке Сарытургай, куда для совета съехались более 30 казахских старшин. Узнав о просьбе Пугачева собрать несколько тысяч казахов и напасть на крепость Звериноголовскую, старшины решили ему помочь и просили только дать указания, «куда де явитца или какие места разорять прикажет»¹.

С письмом казахских старшин Уразовы, сопровождаемые 11 казахами во главе с сыном старшины Аралбая Егембетом, отправились к Троицкой крепости, где заранее договорились о встрече с Пугачевым. Но руководитель повстанцев не ограничился только переговорами и перепиской с феодальной знатью Среднего жуза. В мае, незадолго до того, как покинуть Магнитную крепость, Пугачев встречался с группой казахских старшин. Он принял их около палатки, окруженный знаменами, «на нем была парчевая бекеша, род казачьего троеклина, сапоги красные, шалка, сделанная из покровов церковных»². Он «с великой ласковостью» беседовал с казахами, очень сожалел, что крепости Таналыцкая, Орская и Губерлинская остались неразоренными и «приказал им все оставшиеся от разорения крепости до основания разорить, ничего не опасаясь»³. Несколько позднее, после захвата 19 мая 1774 года Троицкой крепости⁴, Пугачев послал с реки Абухи, где он расположился с повстанцами, 30 человек для переговоров с населением аулов, расположенных по соседству с линией, «чтоб они киргизы к толпе его предались и ему сделались сообщниками». С их помощью он надеялся покорить мелкие крепости по Сибирской линии, запастись артиллерией и другими припасами, а затем уже идти на крупные дистаночные крепости, так как в его армии порошу оставалось «по два-три фунта на ружье, а протчие лишь с копьями, саблями и сайдаками»⁵.

¹ ГАОМО, ф. 1, д. 189, л.л. 461, 582.

² Д. Анучин. Второе появление Пугачева и разорение Казани. См.: «Военный сборник», 1871, март, № 3, стр. 231.

³ А. Поспелов. Пугачевский бунт. Хроника происшествий. См.: «Оренбургские губернские ведомости», 1869, № 28.

⁴ «Пугачевщина», т. II, стр. 330; ЧОИДР, 1858, кн. 1, отд. 2, стр. 32.

⁵ ГАОМО, ф. 1, оп. 1, д. 189, л. 465.

Но под Троицкой крепостью казахские отряды так и не пришли на помощь Пугачеву, а Уразовы с письмом от казахских старшин прибыли уже после того, как Пугачев был разбит здесь и вынужден был уйти в Поволжье. По пути к ним присоединились «калмыки человек с пятьдесят», которые хотели служить в армии Пугачева¹. Не сумев выяснить, кем занята Троицкая крепость, отряд двинулся к Санарской. Здесь Уразовы были схвачены правительственными войсками и вскоре казнены. Правда, калмыкам удалось уйти от погони. Как сообщил Упак Уразов на допросе, письмо казахских старшин осталось в их руках² и, видимо, все-таки было получено Пугачевым.

Переговоры и переписка старшин Среднего жуза с Пугачевым весной 1774 года привели к действенным результатам. Особенно активно казахи выступали на Ново-Ишимской линии. Наиболее крупные отряды, насчитывавшие от 100 до 1000 человек, формировались в Чакчацкой, Кипчатской, Тортоульской³ и Кирейской волостях⁴.

Остановимся на описании лишь одного крупного столкновения, которое произошло в середине мая 1774 года у крепости Петропавловской. Отряд сержанта Водяникова направлялся в Кипчатскую волость с карательными целями и для выручки русских пленных. На берегу Ишима, у Кабанацкой луки, его встретили 100 казахов. Водяников начал переговоры через переводчика с ними, надеясь выманить их из густого тальника на берегу реки. Но казахи, «несмотря на те переговоры, зачали палить... и палили стрельбу, несмотря ни на что непрерывную». Водяников решил применить артиллерию. Тогда из соседних аулов начали прибывать новые казахские отряды, и, окружив казаков Водяникова, заставили его уйти за Ишим со значительными потерями⁵.

В мае 1774 года часть казахских отрядов действовала в районе Уйской и Верхнеяицкой линий. Несмотря на то, что эти отряды действовали организационно самостоятельно, они оказывали значительную поддержку армии

¹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 182, л. 233.

² Там же, л. 231.

³ ГАОмО, ф. 1, оп. 1, д. 182, лл. 351, 438.

⁴ Там же, д. 190, л. 141.

⁵ ГАОмО, ф. 1, д. 191, л. 148.

восставших. Поручик Поспелов¹ сообщал интересные подробности о действиях казахских отрядов. В конце марта 1774 года он был направлен в Орскую крепость. В это время Пугачев успешно развивал действия в районе Верхнеяицкой дистанции, взял крепости Уртамызскую и, обойдя Кизильскую, нападал на Магнитную крепость. Ожидая сильное сопротивление в Верхнеяицкой крепости, куда прибыл генерал-майор Станиславский, Пугачев решил направиться к Троицкой крепости, на пути к которой сжег Карагайскую, Петропавловскую и Степную крепости. 20 мая 1774 года Пугачев начал осаду Троицкой крепости. Положение гарнизонов крепостей, которые не были взяты Пугачевым, было очень тяжелым. Как утверждает Поспелов, казахи по приказанию Пугачева разорили до основания Губерлинскую крепость и держали в постоянной осаде Верхнеозерную, Орскую и Таналыцкую крепости². Особенно тяжелым было положение Орской крепости. Здесь казахи угнали весь скот жителей и часть лошадей гарнизона, лишив его возможности сражаться за стенами крепости. Опасаясь, чтоб казахи не ворвались в крепость, поручик Поспелов приказал укрепить брустверы, куртины и бастионы, так как крепостные стены были земляными. Но силы защитников крепости постепенно таяли, голод, цынга, лихорадка вызвали большую смертность среди населения. А казахи продолжали осаду крепости, захватили казачьи пикеты и сенокосную команду у крепости, но не смогли задержать 40 солдат и 35 казаков, которые отправились за продовольствием в Таналыцкую крепость, где незадолго до этого с трудом отразили нападение значительного отряда казахов. В отсутствие Поспелова огромные толпы казахов пытались взять крепость приступом. Бои у крепостных стен продолжались пять дней, казахи «не давали покою ни днем, ни ночью, а особливо поморили всех жаждою, не выпуская за водой». Но когда вернулся с отрядом из Таналыцкой крепости поручик Поспелов, они «отступили и зажгли вокруг крепости травы и кустарник, чтоб воспрепятствовать его движению». Но от-

¹ Поручик Поспелов А. Е. в годы Крестьянской войны служил на Верхнеяицкой линии и с марта 1774 года являлся комендантом Орской крепости.

² П. Авдеев. Историческая записка об оренбургском казачьем войске. Оренбург, 1904.

ряд все-таки сумел пробиться к крепости, после чего казахи сняли осаду с Орска.

В конце мая и в июне 1774 года наблюдается некоторое затишье в действиях казахских отрядов. Поражения Пугачева 21 мая 1774 года под Троицкой крепостью и 23 мая 1774 года под деревней Лягушиной резко изменили планы руксводителя восстания, о которых хорошо знали казахи. Пугачев обещал им, что все крепости от Троицкой до Звериноголовской «выжжет и вырубит»¹, а затем направится в Сибирь, к Тобольску или к Омску. О том, что Пугачев предполагал идти в Сибирь к Тобольску или к Омской крепости, говорит ряд документов. Например, комендант Верхнеяицкой крепости Ступишин писал Рейнсдорпу 10 ноября 1773 года, что стало известно о намерении Пугачева «по взятии Оренбурга идти для стояния в Тобольск». Сподвижники Пугачева Творогов и Чумаков на допросе в Яицком городке показали, что Пугачев после разгрома под Царицыном «советовал казакам идти в Сибирь и там набрать новую армию»².

Сибирский губернатор Чичерин в связи с упорными слухами о скором приходе Пугачева в Сибирь, которые распространяли сибирские пугачевцы Яков Кудрявцев, Алексей Тюленев и Семен Новгородцев, вынужден был опубликовать специальное обращение к жителям Сибирского округа в 1774 году. Вот небольшая выдержка из этого обращения: «Жители Сибирского округа все совершенно верные рабы Е. И. В. и что всякой сын Отечества... всех таковых злодеев не только стараться будет ловить и истреблять, но и себя и свои жилища защищать единодушно и не поддадутся врагу церкви христовой, врагу покоя и благоденствия жителей лукавому змию Пугачеву»³.

Казахские отряды, собравшиеся у Звериноголовской крепости, ожидали прибытия Пугачева до середины июня 1774 года: распространялись слухи о том, что он скрывается в данной местности. Был схвачен беглый Азовского полка драгун Мезенцев, уверявший, что «Пугачев, ускользнув из Башкирии от всех войск и перебежав линию, находится в киргизской степи, против Зве-

¹ ГАОМО, ф. 1, оп. 1, л. 189, л. 461.

² ЦГАДА, ф. 1100, кн. 3, лл. 223—226; «Русская старина», т. VII, 1876, л. 479.

³ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 639, лл. 107—108.

риноголовской крепости в 50 верстах, вверх по реке Абуче, откуда он и послан к крепости для разведок о ее защищенности»¹. Слухи были так упорны, что сибирский губернатор Чичерин приказал усилить гарнизоны Сибирской линии у Звериноголовской и до Пресногорьковской крепости. Но вскоре стало известно, что Пугачев с армией ушел в Поволжье.

Казахские старшины, возглавлявшие движение, решили продолжать борьбу самостоятельно. Для переговоров об объединенных действиях они собрались на реке Нижнем Тургае. Сюда приехали старшины Хутайменда и Таир — султаны, Манглай и решили, собрав до 700 человек, «ехать под Троицкую крепость... а когда де в Троицкой не удастца, то намерялись вверх по Ую-реке»². Деколонг, узнав, что старшины «для каких-то советов съезжаются и скоплятся намерены», побоялся снять войска с Ново-Ишимской линии и задержал свой отъезд в Башкирию и на уральские заводы в июле 1774 года³.

К середине лета казахские отряды возобновили активные действия по Уйской и Ново-Ишимской линиям укреплений. В донесениях уже с начала июля появились сообщения о действиях подданных султана Аблая в Исецкой провинции и на Уйской линии, где «в здешних крепостях каждодневно происходят неприятельские приступы, с здешними драки, смертоубийства, захват людей и кроме отгон большого количества скота»⁴.

Уход Пугачева в июне 1774 года в Поволжье усложнил борьбу казахов Среднего жуза с правительственными войсками, так как они лишились его указаний и им пришлось перестраиваться. Но старшины не теряли надежды связаться с Пугачевым и пытались это сделать через башкир летом 1774 года. Из письма башкира Кинзи-Булата Алкишева Уфимского уезда, в котором изложен его разговор с башкиром Узбаком Киштаном, мы узнаем, что от Хутайменда-султана прибыли к башкирам нарочные «с тем чтоб с башкирским народом тем киргисцам жить в тишине, без драки, да и в России что будет происходить, то б оне башкирцы с теми киргисца-

¹ А. Дмитриев-Мамонов. Пугачевщина в Сибири, стр. 104.

² ЦГАДА, ф. 1100, кн. 11, л. 118; ГАОМО, ф. 1, д. 190, л. 671.

³ АВПр, ф. 122/3, 1773—1775 гг., д. 5, лл. 258—259 об.

⁴ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 8, л. 284.

ми переписку имели письменну и разведывая уведомляли их, что в России будет происходить и что делать будут башкирцы, то с согласия заедино»¹. Это заявление необычайно ценно. В период, когда Пугачев действовал со своей армией далеко от района кочевий казахов Среднего жуза, его идеи и наказы были живы среди них; в период перегруппировки и сосредоточения сил они обратились к башкирскому народу с призывом совместно бороться и установить через них связь с Пугачевым и его отрядами.

Осенью 1774 года нападения на крепости продолжались. Так, по сообщению в Оренбург полковника Фока 4000 казахов собрались на реке Куросане и осаждали Степную крепость. Неоднократно казахи Среднего жуза атаковали Болото-колодезный редут на Сибирской линии. Наступая на него, они «по-русски кричали, что они больше приступая и всю линию разобьют»².

Не имеет смысла подробно останавливаться на каждом конкретном случае нападения казахов Среднего жуза на крепости, редуты, форпосты. Некоторые обобщения с учетом архивных данных можно сделать на основании сохранившегося экстракта Деколонга графу Панину за декабрь 1773 — октябрь 1774 года³. Казахи Среднего жуза с осени 1773 по декабрь 1774 года вели бои с правительственными войсками и гарнизонами крепостей и совершали нападения на следующие укрепления.

Осенью 1773 года — на крепости Озерную, Усть-Уйскую, Таналыцкую, Степную и Верхнеуральскую; на форпост Алабужский.

Зимой 1773/74 года — на крепости Озерную, Верхнеуральскую и Орскую; на форпосты и редуты Гагарьевский, Новый, Травянский, Черноборский; Верхний и Алабужский.

Весной 1774 года — на крепости Звериноголовскую, Пресногорьковскую, Степную, Троицкую⁴, Становую⁵ и Кабанью⁶; на форпосты и редуты Песчаный, Пресно-

¹ ЦГАДА, ф. 1100, кн. 11, л. 316; ГАОМО, ф. 3, оп. 1, д. 148, л. 74.

² Там же, ф. 1274, д. 182, лл. 25—27.

³ Там же, д. 195, лл. 179—180 об.

⁴ ГАОМО, ф. 1, д. 190, л. 690.

⁵ Там же, л. 502.

⁶ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 146, л. 33.

горьковский, Алабужский, Пресноизбный¹, Красноярский и Гагарьевский².

Летом 1774 года — на крепости Звериноголовскую, Полуденную, Пресногорьковскую, Лебяжью, Усть-Уйскую и Красный Яр; на форпосты и редуты Алабужский, Плоский, Песчаный и Лосев.

Осенью 1774 и в начале зимы 1775 года — на крепости Кабанью, Крутоярскую, Пресновскую, Степную и Красный Яр; на форпосты и редуты Плоский, Пресный, Луговой, Крутоярский и Болото-колодезный³.

Волнения в Среднем жузе не ограничивались 1773—1774 годами, а продолжались до зимы 1775/76 года. Осенью 1774 года казахи, принимавшие участие в нападениях на укрепления Сибирской линии, откочевали к реке Сыр-Дарье и к границам с Бухарой, а весной прикочевали к Иртышу и в вершины Тобола и Ишима⁴, собираясь продолжать борьбу.

Казахи, готовясь к нападению на линию, пытались даже узнать у казаков из башкир, «русские люди имеют ли у себя ружья и обувши ль спят». В движении по-прежнему активное участие принимали казахи Караульской, Кенжегалинской, Калкаманской, Кипчатской, Чакчацкой, Чарджатынской, Байжегалинской и Киреевской волостей⁵. Действия казахских отрядов были особенно активны у крепостей Верхнеуральской, Орской, Верхнеозерной, Танапыцкой⁶, Полуденной, Пресногорьковской, Петропавловской⁷, Степной, Святого Петра и Троицкой⁸, у форпоста Зырянозского⁹, редутов — Пешаного¹⁰ и Донгузского.

В 1775 году в Среднем жузе, как и в Младшем, продолжали распространяться многочисленные слухи о Пу-

¹ ГАОМО, ф. 1, д. 190, л. 504.

² Там же, л. 367.

³ ЦГАДА, ф. 1274, д. 195, лл. 179—180 об.

⁴ ГАОМО, ф. 1, д. 195, лл. 132, 277.

⁵ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 146, л. 518 об.; ф. 1, д. 195, лл. 152, 244.

⁶ ЦГАДА, ф. 1274, д. 200, лл. 191—192 об.

⁷ П. Орлов. Пугачевщина в Сибири. См.: «Сибирские огни», 1925, ноябрь — декабрь, № 6, стр. 127—149; ГАОМО, ф. 1, д. 191, лл. 132—133.

⁸ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 151, л. 144; ЦГАДА, ф. 1274, д. 182, лл. 25—27.

⁹ Там же, д. 146, л. 511.

¹⁰ ГАОМО, ф. 1, д. 146, л. 519.

гачеве, например о том, что «Пугачев паки прибыл к Оренбургу и просит о выдаче Нуралы-хана». Распространению подобного рода слухов способствовали многочисленные пугачевцы, укрывшиеся от преследований царского правительства в Среднем жузе. Так, в Аргышском роду у казака Айдарбека Ишбулова жил татарин Ашряф Ягоферов, который был у Пугачева есаулом до разгрома армии повстанцев в мае 1774 года под деревней Лягушиной у Троицкой крепости. В Атагайской волости у Елтуры и Ельзала Кадыровых жили каракалпак и русский, которые «убежали из России обще, а российской человек имеет де у себя ноздри рванные». У султана Аблая жили башкир и калмык¹, яицкий казак Иван, которые расспрашивали захваченного в плен казаками в мае 1775 года солдата Первого Омского батальона Осипа Куликова «о бывшем государе Пугачеве, жив ли он или нет»².

Положение на Сибирской линии и прилегающих к ней районах Среднего жуза было настолько серьезным, что генерал-майор Скалон вынужден был просить у Рейнсдорпа вывести сибирские войска из Оренбургской губернии, опасаясь, «чтобы по малосостоянию на оных воинских команд не загорелся такой огонь и в Сибирской губернии, каков происходил в здешней»³. О невозможности справиться с казахскими отрядами только местными силами сообщал в сентябре 1774 года Деколлонг графу Панину, так как «все линейные коменданты требуют и настают, чтобы в крепости и редуты для продолжения предосторожности и отвращения злодейства их киргискайсацкого командированы были... конные войска»⁴.

В район Сибирских линий были стянуты значительные военные силы. В 1773 году часть войск была снята с линии для помощи Оренбургской губернии⁵. С середины 1774 и в 1775 году здесь находилось уже 3443 человека⁶: пять легких полевых команд (10-я, 11-я, 12-я, 13-я, 14-я) численностью в 2775 человек, 244 человека, взятых

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 145, л. 183; д. 146, л. 646; д. 195, л. 264.

² Там же, ф. 1, д. 195, л. 850.

³ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 179, л. 185; ф. 1100, кн. 12.

⁴ Там же, оп. 1, д. 200, лл. 191—192.

⁵ Там же, ф. 1100, кн. 3, лл. 221—222; кн. 2, лл. 449—452.

⁶ Там же, ф. 1274, оп. 1, ч. 1, д. 179, л. 185; ГАОМО, ф. 1, д. 189, л. 69, 74, 76, 77 об., 141, 194.

из состава пяти пограничных батальонов, артиллерийская команда из 108 человек, гарнизонная команда из 36 человек, 249 человек сибирских линейных казаков из регулярных войск. Кроме того, в 1774 году на линии были вновь взяты на службу 626 отставных казаков¹. В дополнение к имеющимся войскам были присланы пехотная команда из 409 человек под командой секунд-майора фон Трейблута и часть снятых с Сибирской линии казаков². В мае 1775 года на Уйскую линию в крепость Троицкую и на Верхнеуральскую линию в крепость Орскую губернатором Рейнсдорпом дополнительно были присланы 1500 башкир и мишарей и 500 яицких казаков³. И все-таки этих войск было недостаточно, чтобы предупредить участие казахов Среднего жуза в Крестьянской войне и подавить движение, продолжавшееся до 1776 года.

¹ ГАОМО, ф. 1, д. 191, л. 521.

² А. Дмитриев-Мамонв. Пугачевщина в Сибири, стр. 123—125.

³ ЦГАДА, ф. 1274, д. 200, лл. 191—192 об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Движение в Младшем и Среднем казахских жузах продолжалось с 1773 по 1776 год. В процессе борьбы народных масс и был временно разрешен вопрос о перекочевках. Начиная с 1772 года казахи самовольно перегоняли скот через Яик, воспользовавшись переговорами о помощи, которые вели с ними восставшие яицкие казаки. Осенью 1773 года во время осады Оренбурга казахи вновь перегоняли табуны через Яик и зимовали на его левобережье. Таким образом, в годы Крестьянской войны не путем переговоров с царской администрацией, а в результате массового восстания население Казахстана сумело решить вопрос о земле. Казахи продолжали использовать пастбища на левобережье Яика в течение всего периода Крестьянской войны. Царское правительство не могло препятствовать этому переходу в 1773 году, так как часть войск с восточных окраин была перебросена на турецкий театр войны, а оставшиеся силы использовались против армии Пугачева. Не предпринимало решительных действий оно и в 1774 году. Несмотря на то, что Екатерина II грамотой, присланной Нуралыхану 27 февраля 1774 года¹, формально подтверждала запрещение казахам кочевать на правобережье Яика, правительство, опасаясь расширения восстания в Млад-

¹ «Обширность лежащей за рекою Яиком степи столь велика и столь обильна разными угодьями и привольствами, что всегда таковых мест довольно быть имеет для их расположения, содержания их скота и для нужной на всякий случай безопасности». См.: ЛОИИ АН СССР, ф. 36, д. 21, стр. 267.

шем жузе, фактически не мешало казахам использовать земли по левому берегу реки. Подтверждение этому мы находим в отчете майора Ваганова, посланного астраханским губернатором для переговоров с Нуралы-ханом. Правительство, по словам Ваганова, не столько было обеспокоено самовольным переходом казахов через Яик, сколько действиями казахских отрядов, усиливших нападения на купеческие и помещичьи рыбные ватаги на Каспийском море и казачьи хутора по Волге¹.

В 1775 году, когда восстание в Младшем жузе носило не только антиправительственный характер, но и обнаружило тенденцию к перерастанию в антифеодальное, вопрос о казахлах был специально поставлен на обсуждение в Государственном совете. Так как политика репрессий и посылка крупных карательных экспедиций в Младший жуз не принесли должных результатов и волнения продолжались, вовлекая все новые и новые казахские роды, в середине 1775 года Екатерина II дала указания Коллегии иностранных дел «подтвердить губернатору, чтоб паче старался ласковым обхождением притянуть их ближе к нашим границам, не чиня поисков... возобновить с сим ханом и с прочими тамошними иноверческими народами все прежния благия обращения, торговлю... в твердейшую пользу интересов и совершенных выгод нашей империи»².

Екатерина II в своем указе учла мнения Оренбургского губернатора Рейнсдорпа, Государственного совета и Военной коллегии. Рейнсдорп считал, что «поиски безрезультатны», так как территория казахских жузов огромна и требует посылки значительных войск, которые трудно обеспечить продовольствием и фуражом в связи «с неурожаем хлеба и упадком лошадей» в губернии. Он боялся, что репрессии вызовут продолжение восстания казахлах, а это приведет «к голоду и гибели» жителей соседних с Младшим жузом районов, так как уже четвертый год они не могут сеять хлеб и заготавливать сено для скота³. Вице-президент Военной коллегии князь Потемкин считал целесообразным продолжение посылки

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 27.

² ЦГАДА, ф. 1274, д. 183, лл. 377—378; АВПР, ф. 122/3, 1775—1776 гг., д. 2, лл. 21—29; ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, л. 12.

³ Там же, оп. 1, ч. 1, д. 196, лл. 99—101 об.

карателей в Казахстан, так как войска приходится снимать с государственных границ, которых там было недостаточно¹.

Поэтому Государственный совет, где специально с февраля 1775 года решался вопрос о взаимоотношениях России и Казахстана и зачитывались копии с записок об управлении казахами, которые были составлены местными чиновниками в предшествующие Крестьянской войне десятилетия, пришел к мнению, что по отношению к казахам следует придерживаться политической линии, близкой к той, которая была предложена Тевкелевым и Рычковым в 1759 году. Они предлагали:

1. Приучать «снх Орды мало по малу торгом и ласкою к поселению и домоводству, наклонять их к пользе государственной и содержать их военными для употребления в случае нужды против других соседственных и подданных народов.
2. Получать всегда от них аманатами ханских и старшинских детей, или же под именем судей лучших старшин и детей их.
3. Сохранить бытие в каждой из снх Орд особого хана, и стараться довести избрание оных зависящим не от народа, но от соизволения е. и. в., подкрепляя для того ханов деньгами.
4. Усилить ханов для приведения орд в порядок построением для их житья крепостей и содержанием при них офицера с небольшим числом драгун и казаков, изъясняя, что построение для хана Меньшей орды крепости удобно будет на устье Эмбы.
5. В случае общего снх народов возмущения, чего без особливаго их раздражения по их обстоятельствам быть не чаятельно, усмирять их произведением между ними разврата и несогласия.
6. Удерживать их ласкою и справедливою от удаления на Зюнгарския и другия места для избежания могущих быть тогда от них продерзостей и самой, ежели б они с другими соединились, опасности².

Как следствие решения Государственного совета можно рассматривать политику местных властей по отношению к казахам в 1776—1777 годах. Несмотря на то, что в 1775—1776 годах в Младшем жузе продолжалось движение Невидимки, правительство не решилось послать

¹ «Архив Государственного Совета». Спб., 1869, кн. 2, л. 800.

² Там же.

карательные отряды в район волнений. В Оренбурге надеялись добиться прекращения их путем союза с феодальной аристократией¹. Выполняя волю Петербургского правительства, Рейнсдорп еще в конце 1774 года направил похвальные грамоты от имени Екатерины II Нуралы-хану, султанам Айчуваку и Ералы, благодаря их за верность и помощь правительству в борьбе с Пугачевым². А в 1776 году Нуралы-хан, Айчувак, Дусалы и Ералы получили в Оренбурге жалованье за 1773—1775 годы³. Совершив этот акт, правительство как бы подчеркивало свой союз с феодалами и отказывалось от преследования тех из них, кто временно поддерживал восстание, например семья Дусалы.

Что касается отношения царского правительства к Нуралы-хану, то оно не решалось устранить его от власти и поддерживало до 80-х годов XVIII века. Лишь под влиянием движения в Младшем жузе, проходившего под руководством старшины Срыма Датова, правительство решилось на ликвидацию ханской власти в Младшем жузе и пошло на создание дистаночной системы управления, предложенной губернатором Ингельстромом в 1783 году. Эта реформа явилась первым звеном в цепи ряда законодательных мероприятий царизма в Казахстане, которые проводились в XVIII и XIX веках. Царское правительство, проводя эти мероприятия в жизнь, имело целью постепенное превращение Казахстана во внутреннюю провинцию Российской империи, ее колонию, а населения — в одно из податных сословий государства.

Казахское население сопротивлялось усилению колониального гнета со стороны самодержавия, и как результат восстания 1773—1775 годов в Казахстане можно рассматривать такую уступку царизма, как издание указа от 27 августа 1782 года. В этом указе, переданном для исполнения генерал-губернатору Апухтину, населению Младшего жуза разрешался перегон скота через Яик, но при условии договора с владельцами земельных участков и внесении определенной платы: «Буде киргисцы

¹ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. 37.

² Там же, док. 36.

³ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 152, лл. 307, 316—317.

прикочуют к пределам уфимским и оренбургским и будут требовать, чтоб по причине безкормицы скот их пущен был на земли тех областей, тогда, смотря на возможность и удобности, буде земли нанять хотят, а и в наймы отдать их пожелают, то поступать, как в подобных случаях водится между подданными по добровольному соглашению»¹.

Аналогичной политики царское правительство придерживалось и по отношению к населению Среднего казахского жуза, где земельные ограничения в районе рек Ишима, Иртыша и Тобола были сняты в 1772 году и в период Крестьянской войны. Учитывая внутреннее и внешнеполитическое положение этой части Казахстана, русское правительство решилось на реорганизацию управления здесь лишь в 1822 году с введением в жизнь «Устава о сибирских казахах» М. Сперанского.

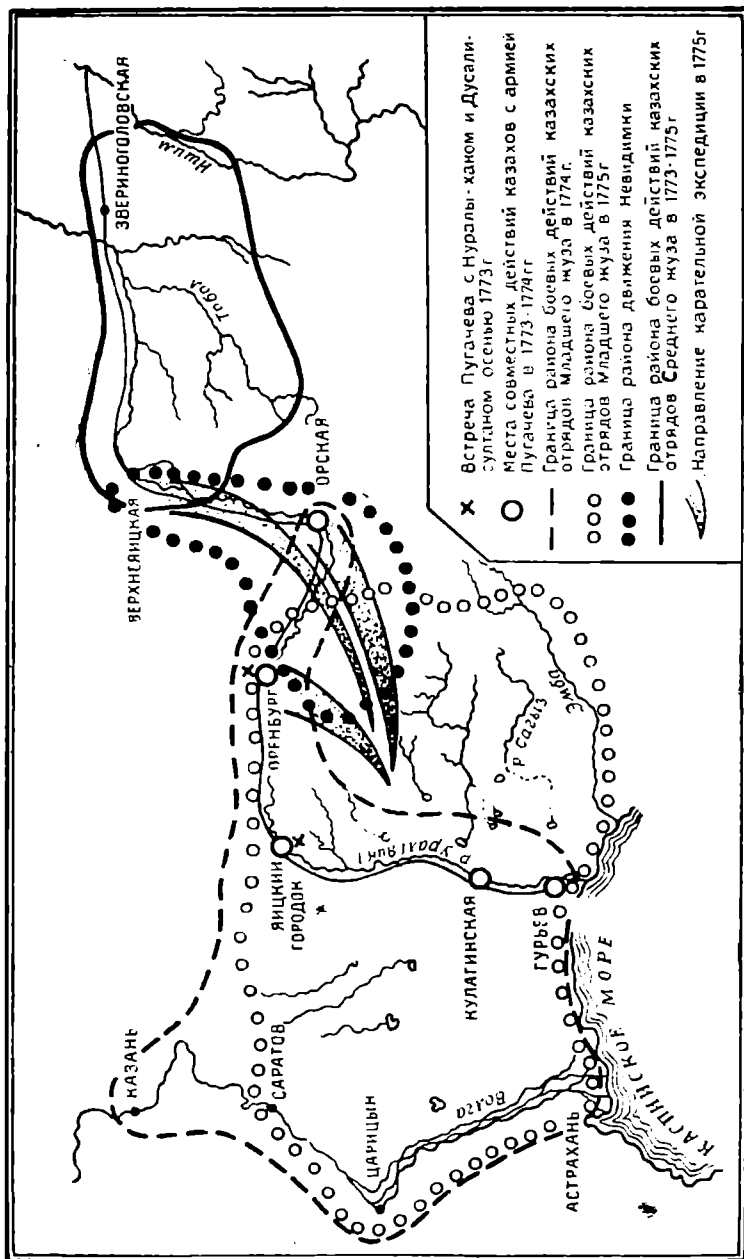
Но значение участия казахов в Крестьянской войне 1773—1775 годов нельзя ограничивать только перечисленными выше результатами. Последствия восстания Пугачева в Казахстане были гораздо шире. Антикрепостнический характер Крестьянской войны способствовал и размежеванию классовых сил внутри казахского общества. Начиная с 1775 года и затем в 80-х годах XVIII века в период движения Срыма Датова антифеодальная волна выступлений казахских шаруа становится все шире. Именно восстание Пугачева помогло значительной части казахского крестьянства увидеть противоположность интересов трудящихся масс и их феодальной верхушки.

Кроме того, если сложная внешнеполитическая обстановка в первой четверти XVIII века, тяжелые войны с Джунгарией и другие причины явились первым толчком к сближению казахского и русского народов, то Крестьянскую войну 1773—1775 годов можно считать вторым

¹ Содержание той части указа, где говорится о разрешении казахам пользоваться пастбищами на правом берегу Яика, можно восстановить на основе сравнения рапорта Уфимского вице-губернатора И. Баратаева генерал-губернатору Сибирского и Уфимского наместничества С. Вязминтинову от 29 ноября 1794 года и с рапортом графа А. Воронцова в Оренбургскую экспедицию пограничных дел от 1787 года. См.: «Материалы по истории Казахской ССР», М.-Л., 1940, т. IV, д. 58, стр. 182. Сведения об указе от 27 августа 1782 года 5 апреля 1787 года. См.: «Материалы по истории Казахской ССР».

и более мощным толчком. До восстания Пугачева казахско-русские связи носили в основном дипломатический и лишь частично экономический характер. Теперь же в период совместной борьбы вступили в непосредственное соприкосновение громадные массы многонационального крестьянства России. Общие цели и опыт борьбы наложили неизгладимый отпечаток на будущее развитие судеб казахского народа, способствовали его еще большему сближению с братским русским народом.

В этом можно видеть историческое значение Крестьянской войны 1773—1775 годов для казахского народа. Восстание Пугачева и участие в нем казахов еще раз наглядно подтвердило важность сближения казахского и русского народов, прогрессивность присоединения Казахстана к России.

Карта-схема района восстания казахов Младшего и Среднего жузов в 1773—1775 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
ГЛАВА I. ОБСТАНОВКА В МЛАДШЕМ И СРЕДНЕМ КАЗАХСКИХ ЖУЗАХ НАКАНУНЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОИНЫ	10
ГЛАВА II. ХОД ВОССТАНИЯ В МЛАДШЕМ ЖУЗЕ В 1773 — НАЧАЛЕ 1774 ГОДА	35
Начальный этап участия казахов в Крестьянской войне под предводительством Пугачева (осень 1773 года)	
Участие казахов в событиях на Нижних Яицких форпо- стах и у Кулагинной крепости	60
Участие казахов во второй осаде Яицкого городка и событиях в Гурьеве-городке	65
Участие казахов в осаде Оренбурга с октября 1773 по март 1774 года	70
ГЛАВА III. УЧАСТИЕ КАЗАХОВ МЛАДШЕГО ЖУЗА В ВОССТАНИИ 1774 ГОДА	92
Совместная борьба казахов с армией Е. Пугачева в Среднем и Нижнем Поволжье летом 1774 года	96
Самостоятельная борьба казахов по Нижнеяицкой, Красногорской и Самарской дистанциям и в между- речье Яика и Волги в 1774 году	106
Восружение и тактика казахских отрядов в годы вос- стания	109
Казахские феодалы и движение в Младшем жузе в 1774 году	122

<i>ГЛАВА IV. ПОДЪЕМ ВОССТАНИЯ В МЛАДШЕМ ЖУЗЕ</i>	
В 1775 ГОДУ	140
<i>ГЛАВА V. ЛЕГЕНДА О НЕВИДИМКЕ И ОТГОЛОСКИ</i>	
ВОССТАНИЯ	156
<i>ГЛАВА VI. УЧАСТИЕ КАЗАХОВ СРЕДНЕГО ЖУЗА</i>	
В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОИНЕ	—
Волнения в Среднем жузе в 50—70-х годах XVIII века	
Волнения в Среднем казахском жузе с сентября 1773	
по май 1774 года	159
Выступления казахов Среднего жуза весной 1774 года	
и в 1775 году	167
Заключение	181

Бекмаханова Н.

Легенда о Невидимке

[Участие казахов в Крестьянской войне под
руководством Пугачева в 1773—1775 годах].
Алма-Ата, «Казахстан», 1968.

190 стр.

Наиля Ермухановна Бекмаханова

ЛЕГЕНДА О НЕВИДИМКЕ

**(Участие казахов в Крестьянской войне
под руководством Пугачева в 1773—1775 годах)**

Редактор *Г. Карленков*. Художник *С. Борисова*.
Техн. редактор *Ж. Момунов*. Корректор *С. Вырышьева*.

Сдано в набор 16/VII 1968 г. Подписано к печати 19/XI 1968 г.
Формат 84×108¹/₃₂—6=10.08 л. л. (10.2 уч.-изд. л.).
УГ10426. Тираж 45 000 экз. Цена 45 коп.
Издательство «Казахстан», г. Алма-Ата, ул. Кирова, 122.

Заказ № 466. Типография № 2 Главполиграфпрома Госкомитета
Совета Министров КазССР по печати, г. Алма-Ата, ул. К. Маркса, 63.

45 к.